

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 5, № 1
2018

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 5, № 1
2018

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 5, № 1
2018

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 5, № 1
2018

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Евгений Петрович Бажанов**, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджеи Верзбицки**, д.п.н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Виктор Александрович Глебов**, к.ю.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Давыдов**, к.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д.п.н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д.геогр.н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к.п.н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- **Геннадий Владимирович Косов**, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д.ф.-м.н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к.п.н., заведующая сектором центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д.ю.н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Николай Павлович Медведев**, д.п.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Татьяна Николаевна Мозель**, д.п.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д.и.н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д.п.н., Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д.п.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д.п.н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

- **Лидия Александровна Пархамчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д.э.н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Андрей Иванович Суздальцев**, к.и.н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д.ф.н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к.и.н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Нарцисс Шукур依лева**, д.п.н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Владимир Владимирович Штоль**, д.п.н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 18 мая 2015 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61749 от 18 мая 2015 г. — печатное издание)

ISSN

2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Периодичность:

4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»

Типография:

Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58

Тираж:

500 экземпляров

Сайт:

<http://www.postsovietarea.ru>

E-mail:

postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Подписано в печать:

02.03.2018

© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

CHIEF EDITOR

- **Sergej S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Davidov**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Victor A. Glebov**, PhD in Law, RUDN University, Moscow, Russia
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Georgi S. Kovalev**, PhD in Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, RUDN University, Moscow, Russia
- **Tatjana N. Mozel**, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, Russian State Social University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Semenov A.V.**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vite S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Vladimir V. Stoll**, Prof., PhD in Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

- **Andrej I. Suzdaltsev**, PhD in History, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN: 2313-8920 (Print)
2587-8174 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

Founder: Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”

Printing house: “Buki Vedi”, Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58

Number of Copies: 500

Web-site: <http://www.postsovietarea.ru>

E-mail: postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru

Signed for printing: 02.03.2018

© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

Редакционная коллегия	2
-----------------------------	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Водные ресурсы Израиля: опыт освоения.....	8
--	---

Николай С. Орловский, Игорь С. Зонн

Рациональное использование южных морей России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов	37
--	----

Сергей М. Шаповалов, Евгения А. Костяная

Результаты «поворота» на восток в контексте введения новых антироссийских санкций	50
--	----

Юлия М. Борисова

Проблемы и перспективы сотрудничества Кыргызской Республики с ОБСЕ (военно-политические аспекты)	59
---	----

Рината А. Валеева

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Стратегические интересы Румынии в Черноморском регионе: аспекты энергетической безопасности	68
--	----

Кэтэлина Албу

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политика памяти в современном Таджикистане: от империи к национальному государству	79
---	----

Александр В. Скиперских

Внешняя и внутренняя политика Украины на современном этапе	89
--	----

Катерина Г. Ильинова

Особенности формирования национальной идентичности Казахстана в современных условиях	101
---	-----

Жанар Е. Колбачаева

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Анализ влияния исламского возрождения в государствах Центральной Азии на безопасность в Синьцзяне Китая	108
--	-----

Мэн Сянюнь

Contents

Editorial board	4
------------------------------	----------

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Water Resources of Israel: Trackrecord of the Development	8
--	----------

Nicolai S. Orlovsky, Igor S. Zonn

Sustainable Use of the Southern Seas of Russia in the Context of Climatic, Environmental and Technogenic Challenges	37
--	-----------

Sergey M. Shapovalov, Evgeniia A. Kostianaia

Russian Turn to East on the Back of the New Anti-Russian Sanctions	50
---	-----------

Yuliya M. Borisova

Problems and Perspectives of Cooperation between Kyrgyz Republic and the OSCE (Military-Political Aspects)	59
---	-----------

Rinata A. Valeeva

ECONOMIC RELATIONS

Strategic Interests of Romania in the Black Sea Region: Energy Security Aspects	68
--	-----------

Catalina Albu

POLITICS

Memory Policy in Modern Tajikistan: from Empire to National State	79
--	-----------

Aleksandr V. Skiperskikh

Foreign and Domestic Policy of Ukraine at the Present Stage	89
--	-----------

Katerina G. Ilinova

The Features of Formation of National Identity of Kazakhstan in Modern Conditions	101
--	------------

Zhanar E. Kolbachayeva

HISTORY AND RELIGION

Analysis of Influence of Islamic Revival in Central Asia States of Safety in Xinjiang China	108
--	------------

Meng Xiangyun

Водные ресурсы Израиля: опыт освоения

Николай С. Орловский^а, Игорь С. Зонн^б

^а *Институт изучения пустынь им. Блауштейна*

Университета Негев им. Бен-Гуриона, Израиль,

nicolai@bgu.ac.il

^б *Инженерный научно-производственный центр по водному хозяйству*

Мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия,

igorzonn@yandex.ru

Аннотация: Израиль — страна на Ближнем Востоке, состоящая на 95% из засушливых районов, где более 60% территории занимает пустыня Негев. Поэтому водные ресурсы страны крайне ограничены и формируются в основном за счет атмосферных осадков. Средний объем атмосферных осадков за период с 1989 по 2005 год составил 6 млрд. м³. Из этого количества 60–70% испаряется вскоре после выпадения дождя, не менее 5% по руслам рек стекает в море (в основном зимой). Из оставшихся 25% влаги, которая впитывается в почву, значительное количество также попадает в моря с подземным стоком.

Общие запасы воды в Израиле можно разделить на два природных водных источника: поверхностный и подземный. Израиль небогат поверхностными водами. Природный резервуар поверхностной пресной воды, один — это расположенное на северо-востоке страны озеро Кинерет, питающееся в основном за счет р. Иордан и его притоков. Среднегодовой объем доступной воды озера составляет примерно 370 млн. м³, что обеспечивает одну треть потребностей страны в воде и более высокую долю потребностей в питьевой воде.

Большая часть пресной воды (37% водоснабжения Израиля в 2011 г.) в Израиле добывается из подземных источников. Ввиду ограниченности доступных природных ресурсов, неравномерности осадков по годам и сезонам, по мере роста населения и экономического развития возрастает актуальность проблемы обеспечения населения качественной питьевой водой, а также сельского хозяйства, промышленности и реабилитации природных объектов. Из-за нехватки водных ресурсов предпринимались постоянные усилия по повышению эффективности орошения и сокращению использования воды за счет повышения эффективности методов орошения и использования передовых методов управления системой.

В числе водосберегающих технологий в Израиле стоит упомянуть: капельное орошение, продвинутая фильтрация, прогрессивные методики обнаружения утечек воды из сетей, системы сбора и обработки дождевой воды, а также измерение расхода воды, политика ценообразования на воду, переход на высокоценные культуры, повторное использование термальных вод, компьютеризация и дистанционное управление ирригацией. Постоянно осуществляется поиск новых методов получения пресной питьевой воды. Водосбережение является самым надежным и наименее дорогостоящим способом расширения водных ресурсов страны, и эта задача выполняется во всех секторах.

В 1964 г. в Израиле завершил сооружение системы водоснабжения — Национальный Все-израильский водовод, который учитывал следующие факторы: добиваться надежной компенсации разницы в поступлении воды в различных регионах (север и юг), в различные времена года (зима и лето) и в различные годы (с достаточным и недостаточным количеством осадков).

Израильское правительство инициировало в 1999 г. долгосрочную крупномасштабную программу опреснения морской воды для производства питьевой воды для внутреннего потребления. Обратный осмос был принят как ведущий метод опреснения солоноватой и морской воды. В настоящее время существует пять опреснительных установок для морской воды, которые обеспечивают около 600 млн. м³ опресненной воды в год, что эквивалентно примерно 42% потребностей страны в питьевой воде.

В Израиле принят Генеральный план развития водного хозяйства на период 2010–2050 гг., который покроет водный дефицит за счет полной очистки сточных вод и строительства дополнительных объектов опреснения морской воды до 1500 млн. м³ к 2050 г. Любая дополнительная опресненная вода, которая станет доступной в течение этих лет, будет использоваться для пополнения природных систем водоснабжения Израиля.

Ключевые слова: Израиль, водные ресурсы, орошение, водоснабжение, опреснение морской воды, водная политика и экономика

Для цитирования: Орловский Н. С., Зонн И. С. Водные ресурсы Израиля: опыт освоения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1): 8–36. DOI:10.24975/2313–8920–2018–5–1–8–36

Water Resources of Israel: Trackrecord of the Development

Nicolai S. Orlovsky^a, Igor S. Zonn^b

^a *Blaustein Institute for Desert Research
Ben-Gurion University of the Negev, Israel,*

nicolai@bgu.ac.il

^b *Engineering Research Production Center on Water Management,
Land Reclamation and Ecology “Sojuzvodproject”, Moscow, Russia,*

igorzonn@yandex.ru

Abstract: Israel is a country in the Near East consisting for 95% of the arid regions in which 60% of the territory are covered by the Negev Desert. Therefore, the water resources are scant here and formed mostly by atmospheric precipitations. In the period from 1989 to 2005 the average precipitations were 6 billion cu. m, of which 60–70% were evaporated soon after rainfalls, at least 5% run down by rivers into the sea (mostly in winter) and the remaining 25% of precipitations infiltrated into soil from where the greater part of water got into the sea with ground waters. In Israel there are two groups of water resources: surface and underground. Israel is not rich in

surface waters. The natural reservoir of surface fresh water is the Kinneret Lake in the northeast of the country. It gets water from the Jordan River and its tributaries. The average annual amount of available water of this lake is around 370 million cu. m, which accounts for one-third of the country's water needs and still higher share of the drinking water needs.

The greater part of fresh waters (37% of water supply of Israel as of 2011) in this country is supplied from ground water sources. Owing to insufficiency of available natural resources, unevenness of precipitations by years and seasons and with the growth of the population and economic development the issues of provision with the quality drinking water of the population as well as agriculture and industry, rehabilitation of natural environment cause permanently growing concern. In view of the water shortage untiring efforts have been taken to improve the irrigation efficiency and to reduce water use by improving the efficacy of irrigation techniques and application of advanced system management approaches.

Among the water saving technologies applied in Israel there are: drop irrigation, advanced filtration, up to date methods of water leak detection from networks, rainwater collection and processing systems. At the same time such measures as water flow measurements, policy of water price formation, changeover to cultivation of valuable crops, thermal water recycling, computer-based and remotely controlled irrigation are also applied. The search for new techniques of fresh water production is going on. Water saving is considered the most reliable and less costly method to increase water resources of the country, And this task is being accomplished in all sectors.

In 1964 the National Water Carrier of Israel was constructed. The main task of this project is to achieve the reliable compensation of the difference between water income in various regions (north and south), in different seasons (summer and winter) and in different years (with sufficient and insufficient precipitations).

In 1999 the Israel government initiated the long-term large-scale program of sea water desalination for production of drinking water for internal use. Reverse osmosis was adopted the basic technique for desalination of brackish and sea water. Currently there are five sea water desalination plants producing about 600 million cu. m of desalinated water per year which is equivalent to approximately 42% of the country's drinking water needs.

Israel adopted the General Plan of Water Economy Development for 2010–2050, which envisages complete coverage of water deficit by way of entire wastewater treatment and construction of additional sea water desalination facilities with a capacity to 1500 million cu. m by 2050. Any additional desalinated water that may become available in these years will be used for replenishing the water supply in Israel.

Keywords: Israel, water resources, irrigation, water supply, sea water desalination, water policy and economics

For citation: Orlovsky N.S., Zonn I.S. Water Resources of Israel: Trackrecord of the Development. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):8-36. DOI:10.24975/2313–8920–2018–5–1–8–36

ВВЕДЕНИЕ

Обеспеченность водными ресурсами является одной из неперенных составляющих национальной безопасности. Однако в большинстве стран, расположенных в засушливых условиях, к которым относятся Северная Африка, Аравийский и Индостан-

ский полуострова, проблема заключается в том, что естественные ресурсы воды не соответствуют в количественном отношении, т. е. весьма ограничены, возникающим задачам, обусловленным социальным и экономическим программам. Дефицит водных ресурсов заставляет эти страны постоянно искать и разрабатывать водосберегающие мероприятия и технологии, и все это в условиях порой враждебности друг к другу, где водные ресурсы играют не последнюю роль. Среди этого мегарегиона исключением является Израиль, где его Водная Администрация заявляет «У нас достаточно воды для всех наших нужд». Дефицит водных ресурсов и враждебное окружение вынуждает Израиль стремиться к максимальной возможной самообеспеченности. Эту проблему страна решает с помощью мозгов и политической зрелости [1]. Иными словами, используется интеллектуальный багаж своих соотечественников [2]. Израиль сумел достигнуть сочетания эффективного использования водных ресурсов, их переработки, инновационных методов ведения сельского хозяйства и высокотехнологичного опреснения морских вод, что и вывело Израиль в мировые лидеры по эффективному использованию дефицитных водных ресурсов. В Израиле вода — это стратегия, безопасность и независимость.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Водные ресурсы Израиля весьма ограничены из-за географического положения и климатических условий. Израиль расположен на юго-западной оконечности Азиатского континента, на восточном побережье Средиземного моря. Его общая площадь 22 072 км² и вытянута с севера на юг на 470 км и около 135 км с востока на запад в самой широкой точке. Израиль расположен на перекрестке трех биогеографических регионов — средиземноморском,

ирано-туранском и сахаро-аравийском. Климатическая особенность, общая для этих трех регионов — короткая, прохладная дождливая зима и продолжительное жаркое сухое лето.

Среднегодовой период дождей длится от пяти до семи месяцев (с октября по апрель), однако, основное количество осадков выпадает в зимние месяцы — 85–90%. Число дождливых дней в месяц колеблется от 2–3 на крайнем юге, 6–15 в центральной части и 20–30 дней на севере пустыни Негев, 40–60 дней в центре страны и 60–70 дней на севере [3]. Осадки в течение дня выпадают периодически и могут длиться от 2–3 до 10 часов, преимущественно в виде ливней. В водообильные годы период дождей имеет примерно такую же продолжительность, но количество дождливых дней и интенсивность осадков возрастают. В маловодные годы сезон дождей сокращается до 1,5–2 месяцев, число дождливых дней и особенно интенсивность осадков значительно снижаются. По стране количество осадков уменьшается с севера на юг и с запада на восток и изменяется (средний год) от 1000 мм горах на севере, 500–600 мм в центре до 25 мм на юге (Рис. 1). Только на 14% площади выпадает осадков более 600 мм в год, на 18% — от 400 до 600 и 34% территории получает менее 100 мм осадков в год [4]. Кроме того, количество осадков значительно колеблется как внутри года, так и от года к году — нередко засушливые годы. (Рис. 1)

В то же время эвапотранспирация увеличивается от 1200 мм на севере до 2800 мм на юге. Длительное, жаркое и сухое лето, которое наблюдается по всему Израилю, и преобладание транспирации над атмосферными осадками способствуют формированию сухих полувлажных, полусухих, засушливых и сверх засушливых земель на 95% территории Израиля. Только

Рис. 1. Распределение осадков и эвапотранспирации по территории Израиля

несколько высокогорных районов на севере страны можно считать влажными.

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ (ВВР)

За счёт атмосферных осадков, объем которых изменяется от 3,1 млрд м³ в засушливые годы (сезон 1998/99) до 11,3 млрд м³ в водообильные годы (сезон 1991/92), формируются возобновляемые водные ресурсы Израиля [5]. Средний объем выпадающих осадков за последние 20 лет составил 6,23 млрд м³ [6]. Из этого количества 60–70% испаряется не менее 5% по руслам рек стекает в море (в основном зимой), 25% проникает в грунты, местами скапливаясь над пластами водонепроницаемых глин и мер-

геля, а затем часть их в виде подземных вод направляются к Средиземному морю или к Иорданской впадине, порой выходя на поверхность в виде родников или ключей.

Объем ВВР был оценен в середине XX в. в районе 3 млрд м³ в год. Анализ данных за период с 1976 по 2009 гг. показал [7] две особенности ВВР Израиля: высокие временные колебания и тенденцию к снижению. Тенденция к снижению в среднем составила 8,92 млн м³ в год и может быть результатом климатических изменений, а временные колебания пресных ВВР за этот период были в пределах от 4 млн м³ до 900 млн м³ при средней величине 1547 млн м³/год.

Серия последовательных сухих лет с 1993 г. внесла коррективы в объемы ВВР. По данным Гидрологической службы Израиля [8] объем пресных ВВР составляет в настоящее время 1451 млн м³/год. В общей сложности 325 млн м³ в год дополнительных потерь приходится на воду, которая просачивается в землю, и стекает в море, а не просачивается в землю, чтобы достичь водоносного горизонта. С учетом этих потерь, только 1100 млн м³/год пресной воды доступны для использования. Предполагается, что 100 млн м³/год солоноватой воды можно будет в дальнейшем обработать до состояния пресной и довести доступный объем израильскому водному сектору до 1200 млн м³ пресной воды.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Общие запасы воды в Израиле можно разделить на два природных водных источника: поверхностный и подземный. Поверхностных вод немного, так как Израиль не имеет больших рек, а те, которые имеются, большинство из них прерывистые или полностью сухие в течение года. Кроме того, некоторые реки, имеющие когда-то чистую воду, высохли в период засух, в то время как

другие стали загрязненными и больше не могут служить источниками пресной воды. Только две реки, Иордан и Яркон, относятся к постоянным водотокам. Природный резервуар поверхностной пресной воды, находящейся в Израиле один — это расположенное на северо-востоке озеро Кинерет (Генисаретское или Тивериадское, в библейской традиции известное также как море Галилейское), питающееся в основном за счет р. Иордан и его притоков. Это самое низкое в мире пресноводное озеро, расположенное на 208 м ниже уровня Мирового океана.

Водосборный бассейн оз. Кинерет охватывает 2 730 км², из которых 780 км² находятся в Сирии и Ливане, включает в себя четыре различные гидрогеологические единицы: гору Хермон на севере, Голанские высоты на востоке, восточные горы Галилеи на западе и долину р. Хулы в центральной части водораздела [9]. Средняя площадь водного зеркала озера 168,7 км², максимальная глубина — 41,7 м. Запасы пресной воды в озере составляют 4 325 млрд. м³ [10]. Диапазон уровня воды от минус 208,8 м (верхняя «красная линия») до минус 214,87 м («черная линия»).

Основной источник воды для озера (до 70%) формируется в верховьях р. Иордан на водосборной площади 1700 км², из которых 920 км² находятся на территории Израиля, а остальные в Сирии и Ливане. Река Иордан имеет истоки в трех странах, река Снир (Хасбани) (сток — 0,125 км³/год) берет начало в Южном Ливане, река Дан (0,250 км³/год) — в северном Израиле, и река Баниас (Хермон) (0,125 км³/год) — на Голанских высотах. Эти реки сходятся в Израиле и образуют реку Иордан, впадающую в озеро Кинерет.

Река Иордан — относительно небольшая, ее длина 252 км. Вместе с тем она имеет жизненно важное значение для пяти государств: Ливана, Сирии, Иордании, Изра-

иля и Палестины. После слияния трех рек на высоте 90 м выше у-214,87 м («черная линия»). «Черная линия» — это минимальный уровень воды в озере, при достижении которого из него уже нельзя выкачивать воду, чтобы не произошли необратимые гидрологические изменения. Рабочий объем озера расположен между верхней «красной линией» и нижней «красной линией», которая находится на отметке -213,0 м, составляет от 500 до 700 млн. р. м. Иордан впадает в озеро Хула, а затем в озеро Кинерет. После Кинерета река течет на протяжении 210 км по Иорданской долине и впадает в Мертвое море. Южнее озера Кинерет в Иордан впадает р. Ярмук (ок. 450 млн. м³/год), воды которой с 1964 г. по соглашению с Иорданием отводятся большей частью для орошения ее земель, и лишь в небольшом количестве поступают для нужд орошения в долину Бет-Шеан и в Иорданскую долину Израиля.

Кроме реки Иордан, Кинерет принимает воды многочисленных карстовых пресных и соленых источников, а также небольших ручьев с южной части Голанских высот к востоку от озера и с восточных районов Галилеи к западу от озера. Озеро также подпитывается напорными подземными водами. Средний годовой приток воды в Кинерет за период 1985–2009 гг. составил 610 млн. м³, включая 415 млн. м³ из р. Иордан, 65 млн. м³ атмосферных осадков и 125 млн. м³ с источников, поступающих непосредственно в море. В среднем с водной поверхности озера испаряется 240 млн. м³/год. Таким образом, среднегодовой объем доступной воды составляет примерно 370 млн. м³, из которых 270 млн. м³ закачивалось в национальный водовод, 45 млн. м³ потреблялось на местах и примерно 55 млн. м³ воды поступало в нижнее течение р. Иордан в сторону Мертвого моря [6].

Анализ показал [11, 8], что за 40 лет, с 1975 по 2016 г., объем доступной для

использования воды из озера сократился в среднем от 490 млн. м³ в год в 1970-х годах до 290 млн. м³ в год с 2000-х годов: на 170 млн. м³/год уменьшился за этот период объем ВВР и до 30 млн. м³ в год увеличилось потребление воды. Израиль шестой год подряд испытывает экстремальные засухи, что вызвало постоянное уменьшение уровня

воды в озере от года к году (Рис. 2). Ожидается, что величина, интенсивность и продолжительность засух будут увеличиваться в будущем. Глобальное потепление может привести к сокращению притока воды в озеро со средней скоростью 3 млн. м³/год и увеличить на 0.4 млн. м³ в год испаряемость с его водной поверхности [12].

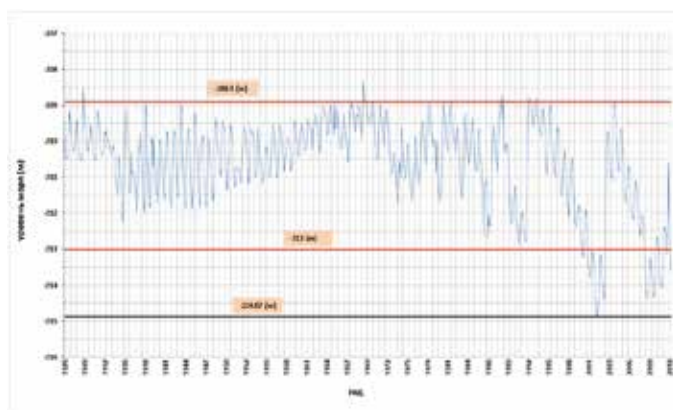

Рис. 2. Изменение уровня озера Кинерет с 1926 года

Несмотря на то, что Управление водными ресурсами за последние четыре года не забирало воду из озера, его уровень по данным на 20 января 2018 г находился на отметке 214,205 м ниже ур. м. Это на 5,40 м ниже верхней «красной линии» и на 1,2 м ниже нижней «красной линии» и на 0,67 м выше исторического минимума уровня воды, когда-либо измеренного в озере. На конец января 2018 г. Кинерет получил лишь 77% среднегодовой нормы осадков и лишь 35% в общем сезонном исчислении. Уменьшение притока воды в озеро имеет далеко идущие последствия. По мере снижения уровня воды соленость пресноводного озера повышается, что создает опасность для рыб и других морских обитателей. Недостаток притока воды также означает, что Израиль может оказаться не в состоянии выполнить свои обяза-

тельства по пропуску воды в Мертвое море. В ответ на продолжающиеся засухи Правительство Израиля обсуждает необходимость построить еще два опреснительных завода на севере страны, увеличить мощность существующих опреснительных установок, а также уменьшить расходы на полив общественных парков и провести разъяснительную кампанию среди населения по сокращению потребления питьевой воды.

Большая часть пресной воды (37% водоснабжения Израиля в 2011 г.) в Израиле добывается из двух крупных подземных водоносных горизонтов: Прибрежный и Горный. Вода в них частично восполняется за счёт дождей, но также и искусственно — за счёт захвата и перенаправления паводков и закачки предварительно отфильтрованных и обеззараженных сточных вод. Ис-

кусственное пополнение касается, прежде всего, Прибрежного горизонта. Именно он является одним из основных источников подземных вод в Израиле. Этот водоносный горизонт простирается вдоль 120 км средиземноморского побережья от склонов горы Кармель на севере до Сина на юге и от подножия гор на востоке до моря на западе. Водоносный горизонт является ценным резервуаром для хранения воды, за счет слоев песчаника эффективно удерживающих воду. Он в среднем обеспечивает поступление около 250 млн. м³ воды ежегодно или приблизительно 20% всех откачиваемых здесь подземных вод.

В последние десятилетия из этого водоносного горизонта откачивают значительно больше воды, чем это допустимо для его нормальной эксплуатации, что приводит к вторжению морских вод в водоносный горизонт. Уже сейчас на большей части побережья морская вода проникла на расстояние свыше километра от берега. И каждый год эта зона расширяется.

Второй по значимости водоносный горизонт Горный. Он простирается от Израильской долины на севере страны до города Беер-Шева на границе пустыни Негев и делится на Восточный и Западный водоносные горизонты. Карстовые системы, существующие в горном водоносном горизонте, содержат естественные подземные резервуары, наполненные чистой водой. Именно здесь вода наиболее высокого качества, она может быть использована без ограничений для любых нужд практически без какой-либо предварительной обработки. Но ее уровень в этом водоносном горизонте неоднократно опускался ниже критической отметки, поэтому в настоящее время из него запрещен отбор воды свыше естественного дождевого восполнения в зимний сезон.

Западный водоносный горизонт, известный как Яркон Таниним, простирается на

север и на запад и разгружается на побережье Средиземного моря. Естественное восполнение его в среднем равно 350 млн м³/год, что составляет 22% всех водных ресурсов Израиля.

Восточный водоносный горизонт разгружается в Иорданской рифтовой долине и Мертвом море и в среднем естественно восполняется на 300 млн. м³/год. Относительно меньшие водоносные горизонты расположены в Западной Галилее, Восточной Галилее, Негеве и долине Арава.

Подземные воды добываются в Израиле из 2800 скважин, из которых около 1300 принадлежат компании «Мекорот», а остальная часть воды различным учреждениям или частным лицам. Примерно 1/3 водопотребления в Израиле зависит от поверхностных водных ресурсов, главным образом из реки Иордан. Поэтому подземные воды являются основным источником водоснабжения, что составляет 2/3 потребления страны. Из-за существенных колебаний ежегодных осадков подземные водоносные горизонты считаются более надежными потенциальными резервуарами, чем поверхностное хранение. К этому стоит добавить, что по статистике в среднем в каждые 3 из 5 лет в Израиле случается засуха, подземные источники начинают опустошаться быстрее, чем они успевают естественно пополняться, и страна переходит в режим строгой экономии воды.

По данным ФАО [5] общие внутренние ВВР Израиля оцениваются в 750 млн. м³/год. Около 250 млн. м³ — это поверхностные воды и 500 млн. м³ подземные воды, а перекрытие между поверхностными и подземными водами считается незначительным. Поверхностные воды, поступающие из соседних стран, оцениваются в 305 млн. м³/год, из которых 160 млн. м³ из Ливана, 125 млн. м³ из Сирийской Арабской Республики и 20 млн. м³ с За-

падного берега. Поступление подземных вод в страну оценивается в 725 млн. м³/год, из которых 325 млн. м³ из Западного берега, 250 млн. м³ — из Сирийской Арабской Республики и 150 млн. м³ из Ливана. Таким образом, общие возобновляемые водные ресурсы составляли по данным на 2009 г. 1 780 млн. м³/год, из которых 92% считаются эксплуатируемыми. Около 25 млн. м³/год подземных вод поступает из страны в сектор Газа. Около 80 % потенциала воды сосредоточено в северной части страны, и только 20 % — на юге.

В последовавшие годы засухи резко снизился уровень воды во всех основных водоемах. Фактически, в сезон 1998/99 гг. наблюдалась самая сильная засуха в Израиле за последние 100 лет. Следующие годы также характеризовались менее чем средним количеством осадков, что приводило к дефициту около 0,5 млн. м³ в водном балансе Израиля каждый год по сравнению со средним годом. Зимы 2002/2003 и 2003/2004 гг. характеризовались средним и более высоким уровнем осадков, что привело к значительному повышению уровня воды в озере Кинерет и сбору паводковых вод в водосборных бассейнах. Однако водоносные горизонты страны по-прежнему истощены и с течением времени наблюдается снижение потенциала водных ресурсов.

Потенциальные водные ресурсы страны за различные периоды приведены в Табл. 1. Показано также количество возобновляемой солоноватой воды с концентрацией хлоридов выше 400 мг/л. Для получения доступной пресной воды необходимо от среднего количества вычесть солоноватую воду. Как видим, за весь рассматриваемый период (1976-2009 гг.) доступные возобновляемые ресурсы пресной воды составили в среднем 1547 млн. м³. Однако, с 1993 г. в связи с климатическими колебаниями и увеличением повторяемости

и интенсивности засух на территории Израиля, доступные водные ресурсы пресной воды систематически уменьшались и за период 1995–2016 гг. составили в среднем 1180 млн. м³ [11]. (Табл. 1)

Израиль потребляет больше воды, чем ВВР, которые в основном обеспечиваются атмосферными осадками. Если в 1980 г. дефицит воды составил 128 мкм, то к 2015 г. дефицит возобновляемых водных ресурсов Израиля, по данным Гидрологической службы, составил около 1000 мкм, что соответствует половине годового потребления воды в стране [13]. Хроническая нехватка воды в течение многих лет вызвана как объективными, так и субъективными причинами. Израиль пережил подряд несколько длительных периодов засухи. Рост спроса на воду для коммунально-бытового водоснабжения, вызванный ростом численности населения и повышением уровня жизни, и необходимостью осуществления водоснабжения в соответствии с международными договорными обязательствами привели к чрезмерному использованию возобновляемых водных источников страны. Дефицит также привел к ухудшению качества питьевых водных ресурсов. Израиль постоянно вынужден искать решение проблемы ограниченности ресурсов при постоянно растущих потребностях, сосредотачивая усилия на политических, организационных, технологических и функциональных вариантах эффективного использования водных ресурсов.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НОРМАТИВНАЯ БАЗА

Вода в Израиле рассматривается как крайне важный национальный ресурс. Она необходима для повышения благосостояния и качества жизни населения и поддержки сельскохозяйственного сектора. Достаточное количество водных ресурсов

Таблица 1. Потенциальные поверхностные и подземные водные ресурсы Израиля (млн. м³/год) и в том числе солоноватая вода [7]

Бассейн	1976-1992		1976-1992		1976-2009	
	Всего	Солоноватой	Всего	Солоноватой	Всего	Солоноватой
Кинерет	623	18	540	14	581	16
Прибрежный	252	124	232	116	243	120
Западный	369	0	333	0	352	0
Восточный	211	0	174	0	192	0
Северо-восточный	151	0	134	0	142	0
Нижняя Галилея	30	6	26	6	28	6
Западная Галилея	139	30	132	30	136	30
Кармель	42	15	40	15	41	15
Негев и Арава	32	28	32	28	32	28
Газа	44	31	40	23	42	27
Итого	1893	252	1683	232	1789	242
Пресная вода	1641		1451		1547	

является основой устойчивого развития государства и обеспечивает продовольственную безопасность.

Национальная цель Израиля — обеспечить устойчивое снабжение водой всех потребителей в соответствии с утвержденными требованиями качества, количества, эффективности и экономической надежности. Основу законодательной базы в сфере водопользования составляют пять нормативных актов: закон о воде от 1959 г. (основополагающий), закон о контроле над бурением водных скважин от 1956 г., закон об охране почв и водотведении от 1957 г., закон об измерении воды от 1995 г., закон о водных корпорациях от 2001 г.

Закон о водных ресурсах, который сделал воду национализированным общественным достоянием, остается основным для современной водной политики и управления ими. В результате его принятия, были задействованы водные ресурсы, а также регулирование использования и распреде-

ления водных ресурсов, предотвращение загрязнения и сохранение водных ресурсов. Водное законодательство Израиля основано на следующих положениях:

- водные ресурсы являются собственностью общества, и нет частной собственности на водные ресурсы;
- каждый человек имеет право на воду для установленных целей;
- общий объем располагаемых водных ресурсов является недостаточным, и необходимо осуществить расстановку приоритетов в целях обеспечения достаточного количества и качества воды для всех пользователей;
- только централизованное распределение водных ресурсов может обеспечить оптимальное использование ограниченных водных ресурсов;
- потребители через своих представителей должны вносить существенный вклад в формирование правил по распределению квот воды;

- необходимо попытаться увеличить объемы водных ресурсов, располагаемых для использования потребителями.

Закон о воде создает баланс между существующим дефицитом воды и необходимостью обеспечения воды для тех потребностей, которые признаны самыми важными. Закон обеспечивает, чтобы все водные ресурсы принадлежали обществу и выделялись только для конкретных и установленных целей. Поэтому национальное планирование водных ресурсов основано на максимальном сбережении воды, оптимальном управлении водными ресурсами и внимательном распределении воды. Практически все потребление воды измеряется.

В основу системы распределения ограниченных водных ресурсов в Израиле заложено нормирование потребления воды. Большинство регионов страны были объявлены «регионами нормирования водоподачи», означающими, что водопотребление должно было быть ограничено до установленных норм. Поэтому были установлены нормы сельскохозяйственного водопотребления и урожайности, коммунально-бытового водопотребления на душу населения и промышленного водопотребления.

Первичной правительственной организацией, ответственной за планирование, регулирование и разработку политики в отношении воды, является Управление по водным ресурсам Израиля (Департамент Министерства инфраструктуры), которое действует, как доверенное лицо от имени всей общественности и обязано обеспечить справедливое распределение воды для нужд жителей и развития государства в целом. На Управление возлагается ответственность за управление, эксплуатацию и развитие водного сектора страны, ответственность за сохранение и восстановление

природных водных источников, разработку новых источников воды и контроля над водопотреблением и водоподготовкой.

Управление включает развитие и эксплуатацию структуры водопотребления, сохранение и предотвращение загрязнения, создание условий для эффективного водопользования, измерение, контроль цен на воду, контроль над дренажом и затоплением. Такие виды деятельности, как бурение колодцев, производство воды, ее поставка, очистка или опреснение, подлежат лицензированию.

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ

До начала XX века земледелие в стране, почти не знавшее искусственного орошения, концентрировалось в северных районах и в приморской полосе. Преобладало богарное земледелие, полностью зависимое от сезонных осадков. Переход на новые методы был связан не только с внедрением новых технологий, но и с концептуальным изменением стратегии и масштабов сельскохозяйственной деятельности. Прогрессу в этом вопросе способствовали два фактора: прибытие значительного числа энтузиастов еврейского заселения страны, в том числе опытных специалистов в области орошения и мелиорации, а также внедрение и освоение новых зарубежных технологий.

В рамках поселенческого движения группа геологов во главе с проф. Л. Пикаром (прибывшим в 1924 г. из Германии) приступила к разведке подземных вод. Созданию надежных систем водоснабжения способствовали современное буровое оборудование, позволявшее разбуривать скальные породы, мощные насосы, металлические трубы и новые материалы, как например, цемент. Силами вновь созданной Государственной компании водоснабжения «Мекорот» в 1935–1938 гг. на западных склонах Изреельской долины

были пробурены три скважины, объединенные в общую сеть. Главные характеристики этого проекта заключались в следующем: подача воды по высоконапорным металлическим трубам, что обеспечивает непрерывное водоснабжение на большие расстояния и позволило отказаться от традиционного метода полива затоплением и перейти на дождевальные установки; снабжение системы двумя бетонными хранилищами и двумя открытыми резервуарами, позволяющими накапливать воду и обеспечивать непрерывность ее подачи на поля.

И все-таки не менее важным, чем технологические достижения, был радикальный пересмотр самой концепции водоснабжения. В конце 1930-х годов израильские специалисты в области орошения сформулировали основные принципы развития системы водоснабжения. Во-первых, система водоснабжения должна учитывать местные природные и климатические условия и в первую очередь стремиться к устранению различий между районами, где имеются достаточные запасы воды, и засушливыми, страдающими от нехватки воды. Она должна обеспечить надежную компенсацию отсутствия осадков в летний сухой сезон. Избыточная вода рек, ручьев и источников должна собираться в резервуарах, а также подземных и искусственных водохранилищах с целью ее последующей перекачки в систему водоснабжения с учетом потребления. Во-вторых, транспортировка воды по трубам должна осуществляться под давлением. Такой метод, хотя и требует значительных финансовых затрат, позволяет преодолеть сложности рельефа и свести к минимуму потери воды. Он гарантирует сбалансированное и «справедливое» распределение воды между потребителями. В-третьих, планирование должно быть комплексным. Иными словами, проекты водоснабжения должны учитывать рост

численности населения, а также развитие сельскохозяйственного производства, особенно в Негеве и на юге страны.

Начиная с 1939 года, было предложено несколько проектов обеспечения Негева водой. Первый водовод был введен в действие в 1947 г.; он обеспечивал надежное, хотя и не вполне достаточное водоснабжение большинства поселений (жителям некоторых из них все еще приходилось полагаться на колодцы). Водовод транспортировал воду из скважин северо-западного Негева. Первая очередь водовода, протяженностью в 19 км и мощностью в 1 млн. м³ воды в год, состояла из труб 15-ти см. в диаметре. В дальнейшем на этом участке трубы были заменены на 50-ти см., и мощность увеличилась до 30 млн. м³ воды в год. Казавшаяся утопической идея президента Израиля Т. Герцля об использовании для орошения пустыни Негев излишков воды на севере страны получила в 1945 г. научное обоснование в проектных предложениях американского профессора у К. Лаудермила и начала проводиться в жизнь после образования Государства Израиль.

Был сооружен первый трубопровод Яркон — Негев. Трубопровод протяженностью в 130 км, диаметром труб 1,5 м ежегодно поставлял 100 млн. м³ воды из реки Яркон. Однако он не мог полностью обеспечить потребности Негева в воде. Поэтому было запланировано строительство Всеизраильского водовода (ВИВ) от реки Иордан до ее впадения в озеро Кинерет на юг. Начавшаяся в 1953 г. у прокладка канала была вскоре запрещена Советом Безопасности ООН по причине начала военных действий со стороны Сирии: артобстрелами сирийцы выражали протест против обустройства водовода в непосредственной близости от пограничных территорий. Инженеры рассмотрели проектные решения, определив новый источник — озеро Кинерет. В 1956 г.

был дан старт реализации планов израильского правительства по созданию водовода, и в 1964 г. система водоснабжения заработала в полную силу.

ВИВ является самым крупным объектом системы водоснабжения и состоит из трубопровода диаметром 2,74 м, насосных станций, резервуаров, открытых каналов и туннелей (рис. 3). Общая длина магистральных каналов и трубопроводов — около 130 км. Пропускная способность — около 130 км. Пропускная способность — 72 тыс. м³/час, а суммарная мощность составляет 400 млн. м³ воды в год [4]. (Рис. 3.)

Изначально вода из озера Кинерет подается на насосную станцию на 257 м вверх и через туннель — в оперативное водохранилище. В дальнейшем ее поднимают еще на 115 м до отметки 157 м выше у. м., откуда она самотёком поступает в открытый канал и в водоподготовительные резервуары, оснащенные системами механической, химической и биологической очистки. С 2008 г. функционирует фильтрационная установка, четвертая по величине в мире (500 млн м³/год), для дальнейшего очищения воды перед подачей ее в закрытый трубопровод. Он транспортирует воду на 86 км на юг страны, где от главной магистрали ВИВ отходят многочисленные боковые ветки для водоснабжения городов, в том числе и Палестинской Автономии. Помимо вод Кинерета, ВИВ питают еще горный и приморский водоносные горизонты, дающие, соответственно, 350 и 250 мкм воды в год. Сеть имеет более 12 000 км водопроводных труб, 1050 скваженных колодцев, 13 станций очистки сточных вод. ВИВ поставляет 70% общего объема воды полного потребления, в том числе 80% питьевой воды. Эксплуатацией и развитием ВИВ занимается компания «Мекорот», в также коллективные водные ассоциации, поставляющие альтернативные источники водных ресурсов в основном сельскохозяйственным потребителям.

Компания «Мекорот» планирует строительство двух магистральных водопроводов для транспортировки очищенных сточных вод с севера и центра страны на юг и восток.

Созданная система подачи воды в стране является уникальной, является примером инженерной мысли и техники высокого уровня и комплексного, интегрального управления водой. Мекорот объединил все источники воды в стране: водовод из озера Кинерет, все скважины, воду реки Яркон, местные источники густой сетью трубопроводов различного назначения, воды Кине-

Рис. 3. Национальная система водоснабжения Израиля (Israel Water Authority, 2015)

рета, прибрежного и горного водоносных горизонтов, опресненных вод. Эта система имеет в своем составе лишь один открытый, облицованный канал длиной 24 км. Но этим уникальность системы не ограничивается — она полностью автоматизирована и оборудована системой постоянного мониторинга транспортировки и распределения воды.

ВОДОСБЕРЕЖЕНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДЫ

Водосбережение является самым надежным и наименее дорогостоящим способом расширения водных ресурсов страны, и эта задача выполняется во всех секторах. В целях сокращения потребления и повышения осведомленности о нехватке воды применяются общественные кампании по сохранению водных ресурсов в сочетании с техническими и экономическими мерами.

Сельское хозяйство Израиля потребляет в настоящее время 58% всех водных ресурсов страны (по миру этот показатель составляет 70–90%). В сельскохозяйственном секторе существенные сбережения были достигнуты через технологические усовершенствования методов орошения, включающих дождевание, капельное орошение с компьютеризированными и автоматизированными системами управления, а также повторного использования пресной воды и переработки сточных вод. Усовершенствование автоматических систем подачи воды позволило совместить полив с подачей удобрений, предварительно растворенных в поливной воде. Последующая компьютеризация дала возможность учитывать при поливе изменяющиеся климатические условия, рельеф местности сельхозугодий и фенологическую фазу растения, выведя сельское хозяйство на уровень «точного земледелия». Широкое использование новых технологических методов орошения позволило снизить оросительные нормы

с 8600 м³ на га в 1955 г. до 5700 в 1995 г., в то время как производительность урожая на единицу воды увеличилась более чем в двое, от 1,2 до 2,5 кг на кубический метр воды [14].

Ещё один действенный механизм снижения водопотребления — ценообразование на воду. Оно носит прогрессивный характер (по аналогии с прогрессивным налогом): для конечных потребителей цена неизменна только в рамках определенного объёма, при его превышении растёт и цена за м³ воды. И чем больше превышение, тем выше цена.

Цены на воду были установлены по блочной системе. Для каждого потребителя были установлены квоты как для коммунальных водопотребителей так и для сельскохозяйственных. Для сельскохозяйственных производителей правительство жестоко контролирует, какой вид продукции и в каком объеме производит каждое хозяйство. Такая политика проводится с целью избежать перепроизводства, а значит и лишнего водопотребления. В зависимости от объема производства и вида производимой культуры каждое хозяйство получает определенную ежегодную квоту на воду.

Минимальная цена для сельскохозяйственного потребителя — 50 центов США за м³, устанавливается лишь на половину потребленной в рамках выделенной квоты воды. Следующие 30% квоты оплачиваются уже по 60 центов/м³, оставшаяся часть — по 75 центов/м³. Очищенные сточные воды стоят для орошения 35 центов/м³, а слабо минерализованные 24 цента/м³. Таким образом, сельскохозяйственные производители мотивированы расходовать воду более эффективно, чем это заложено в нормативах министерства сельского хозяйства.

Отдельные тарифы существуют и для промышленных предприятий. Примерно 30% общей воды, потребляемой в настоя-

шее время в промышленном секторе, солоноватая, а не пресная вода. Предусмотрены стимулы для использования альтернатив питьевой воде, такие как снижение ставок на покупку солоноватой (0,3 долл./м³), а не питьевой воды (1,3 долл./м³).

Тарифы для бытового водоснабжения следующие (2011 г.): — до 3,5 м³ на человека в месяц — ставка 2,5 долл./м³ — выше 3,5 м³ на человека в месяц — ставка 4 долл./м³.

В 2010 г. тарифы на воду в коммунальном секторе были повышены на 40% и льготный м³ питьевой воды стал стоить 2,6 долл., что привело к понижению водопотребления в этом секторе до 18%. Время от времени цены на воду корректируются в зависимости от изменений в индексе потребительских цен, тарифах на электроэнергию и индекса заработной платы.

Четкое распределение воды между отраслями сопровождается постоянной корректировкой норм и квот для них и соответственно изменения их финансовых и экономических обязательств, определяющих общее стимулирование экономного расходования воды.

В муниципальном секторе усилия сосредоточены на повышении эффективности управления водными ресурсами, ремонте, контроле и мониторинге муниципальных систем водоснабжения, в частности на орошении общественных парков и садов. Количество воды, используемой для полива общественных парков и садов, было не известно. В 2009 г. начали устанавливать измерительные установки для каждого сада и парка и стоимость воды определялась с учетом площади, типа сада (деревья и кусты, цветы, травы) и предполагаемого вида источника воды. Парки были помещены в режим сохранения, включая посадки засухоустойчивых растений и полив в ночное время.

Водные компании в муниципалитетах сконцентрировались на устранении утечек

из сетей и уменьшении эксплуатационных потерь, а также постоянном поиске методов водосбережения. Если в среднем в мире городские сети водоснабжения теряют до 40 % от своих объемов водоподачи, Израиль достиг в 2006 г. 16 %. После подъема цен на воду и организации водных корпораций Управлению водных ресурсов удалось уменьшить муниципальные водные потери до 11 % в 2013 г.

В 1960-е годы израильские власти приняли трудное решение импортировать большую часть продуктов водозатратных производств вместо того, чтобы выращивать ее внутри страны. Тогда чиновники поняли, что дефицитные запасы воды в стране не могут удовлетворить это требование. В сегодняшних цифрах объем импортируемой водозатратной продукции представляет собой «виртуальный импорт» почти 3 млрд. м³ воды в год, что почти в два раза превышает общую доступность водных ресурсов в Израиле.

Дефицит пресной воды подстегивает израильских агрономов и биотехнологов выводить особые культурные сорта, способные питаться водой с большим содержанием солей. Многочисленные исследования установили, что некоторые культуры (хлопчатник, томаты, дыни) положительно реагируют на слабоминерализованную воду. Однако для того, чтобы свести к минимуму аккумуляцию солей вокруг корневой системы растений, а также обеспечить вынос аккумулированных солей важно: а) использовать капельное орошение для подачи солоноватой воды; б) выращивать растения в беспочвенном субстрате либо на легких почвах (песчаных или глинисто-песчаных). Все это может обеспечить существенную экономию пресной воды при орошении культур, способных довольствоваться слабоминерализованной водой.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Хронический дефицит водных ресурсов в Израиле вызвал необходимость использования в дополнение к поверхностным и подземным водам альтернативных источников воды. Существуют три основных типа альтернативной воды: паводковые воды, сточные воды и опресненные морские и соленые подземные воды.

В короткий дождливый сезон, когда в течение трех зимних месяцев выпадает до 90 % атмосферных осадков, в основном ливневого характера, в Средиземное море, в среднем, уходит от 300 до 500 млн. м³ воды. Поэтому с начала 1950-х годов ведутся работы по задержанию паводковых вод. Осуществлено устройство запруд в руслах вади и в оврагах, по которым зимой воды стекали в море или в Иорданскую впадину, сооружение плотин и водохранилищ. Всего в стране построено более 2000 малых и средних водохранилищ объемом от 0,2 до 8 млн. м³, [4], а также 230 водохранилищ более крупного размера, созданных Еврейским Национальным Фондом (ЕНФ), общим объемом более 150 млн. м³. Поскольку каждый резервуар, как правило, имеет два цикла наполнения, то эти водохранилища обеспечивают в среднем 270 млн. м³ воды для сельского хозяйства в Израиле ежегодно. Они используются как дополнительные источники поверхностных ресурсов или как специальные наливные ёмкости в легко проницаемых геологических структурах для инфильтрации воды в подземные водоносные горизонты с целью более интенсивного пополнения подземных ресурсов в дождливый период.

Многие из них являются мультифункциональными: 54% водохранилищ используются для сбора очищенных сточных вод, 15% собирают паводковый сток, 21% — для пополнения водоносных слоев, восстанов-

ления рек, использования в зонах отдыха и 10% — для хранения пресной воды. 46% всех водохранилищ, построенных ЕНФ, сосредоточены на севере страны, 40% — на юге и 14% — в центре страны.

Водоохранилища, построенные ЕНФ, обеспечивают 66% от всего объема очищенных сточных вод для сельского хозяйства и примерно 30% от общего объема воды, потребляемой в сельском хозяйстве.

Объемы очищенных сточных вод возрастают каждый год. Поэтому строительство водохранилищ продолжается. Совместно со специалистами из Австралии ЕНФ ведет строительство шести новых водохранилищ в Негеве для хранения очищенных сточных вод из Беер-Шевы и ближайших поселений вместе со сточными водами Палестинской администрации в районе Хеврона. В 2018 г. в Беер-Шеве завершается строительство водоема площадью 9 га. По своей площади он будет уступать только озеру Кинерет и будет наполнен сточными водами высокого уровня очистки.

Есть еще неиспользованные сточные воды, которые вытекают в море — ливневой сток с городских территорий. Грязная дождевая вода сливается в канализационные колодцы и течет в море, а это один из основных источников потери воды и загрязнения окружающей среды. ЕНФ в сотрудничестве с австралийскими специалистами разработали систему биофильтрационной очистки этой воды с последующей подпиткой ею грунтовых вод.

Разработан комплекс из пяти слоев пористых пород (общая глубина 1,3 м), которые содержат разные виды микроорганизмов, в сочетании с особыми видами растений, которые удаляют из воды тяжелые металлы и другие вредные примеси. Первая станция биофильтрации воды была апробирована в 2010 г. городе Кфар-Саба. Она показала хорошую эффективность: более 90% дож-

девой воды было собрано и очищено до питьевого качества. В настоящее время эффективность биофильтрации проверяется при других видах загрязнителей еще в двух городах. Если все три пилотных проекта завершатся успешно, биофильтры станут обязательной частью любого нового населенного пункта. Они появятся в большинстве городов Израиля.

Дефицит воды и загрязнение моря в Израиле послужили основными движущими силами развития, адаптации и внедрения очистки и повторного использования сточных вод. Повторное использование сточных вод является важным источником воды для сельского хозяйства в Израиле. Из 530 млн. м³/год произведенных сточных вод обрабатывается 476 млн. м³/год (93%) и 410 млн. м³/год (86%) повторно используется при орошении [15].

Очистка сточных вод является трехступенчатой в зависимости от целей ее последующего использования. Для нужд орошения проводится первичная (механическая) и вторичная (биологическая аэробная и анаэробная) очистка воды. Очищенные сточные воды не смешиваются с питьевой водой из ВИВ, а отводятся по отдельной системе водопроводов со своей инфраструктурой. Для того чтобы очистить воду до питьевого качества используется третичная очистка воды в соответствии с 37 международными стандартами питьевой воды.

Внутренние сточные воды собираются и обрабатываются компанией «Мекорот» или частными компаниями. Частные очистные сооружения обычно работают в небольших отдаленных общинах, тогда как «Мекорот» обрабатывает сточные воды из крупных городских центров.

Из 180 крупных очистных сооружений, которые работают в стране, на одно — ШАФДАН (Институт по очистке вод Гуш-Дана, основан в 1969 г.) приходится

треть всех канализационных вод. Зона переработки — сбор 125 млн. м³ сточных вод (2010 г.), поступающих от 2,5 млн. жителей Тель-Авива и его пригородов и 7 тыс. промышленных объектов, их биологическая очистка и искусственное пополнение подземных вод. При этом достигаются две цели: исключается возможность потерь воды вследствие испарения и обеспечивается ее дополнительная очистка благодаря просачиванию сквозь слои почво-грунты. Вода достигает глубины до 100 м.

Каждые сутки на заводе очищают около 350 тыс. м³ вод, что составляет около 10% от общей потребности воды в Израиле. Причем очищенная вода обходится Израилу в 2,5 раза дешевле, чем опресненная морская.

По мере необходимости, в основном в летний период, производится откачка воды. Около 110 млн. м³ этих очищенных вод ежегодно транспортируется через специальный 90 км «красный трубопровод» (Третий негевский водовод) в западный Негев для орошения. Высокий уровень очистки позволяет использовать воду для полива всех видов сельскохозяйственных культур без риска для здоровья потребителей.

Еще несколько очистительных станций находятся в стадии проектирования и строительства. Ожидается, что в конечном итоге очищенные сточные воды станут основным источником удовлетворения потребностей сельского хозяйства. Израиль стремится увеличить вдвое количество сточных вод, производимых для сельскохозяйственного сектора, к 2050 г. [16]. Таким образом, свежая пресная вода сохранится для бытового потребления. Замена использования пресной воды обработанными сточными водами помогает учитывать межгодовую и межсезонную изменчивость, а также повышает устойчивость к изменению климата.

Очистительные станции меньших масштабов, расположенные в разных частях

страны, осуществляют переработку сточных вод с целью полива полей, расположенных поблизости от этих станций. В ряде случаев применяется минимальная очистка, и такая вода используется лишь для полива технических культур, не являющихся пищевыми, например, хлопчатника. Тем не менее, небольшие станции в высшей степени выгодны в экономическом отношении.

Учитывая нарастающий кризис с водными ресурсами в мире, человечество ищет и разрабатывает новые технологии водосбережения, в том числе и опреснение солоноватых подземных и соленых морских вод. Несмотря на то, что это дорогостоящий процесс, он позволяет производить большие объемы питьевой воды, природных источников которой на душу населения становится с каждым годом все меньше.

Целью Управления водными ресурсами Израиля является увеличение производства питьевой воды посредством опреснения солоноватой воды. До настоящего времени общий потенциал солоноватой воды был установлен в размере более 200 млн. м³/год (некоторая часть этого потенциала должна быть подтверждена дальнейшими гидрологическими исследованиями), и он может быть использован в будущем для производства около 50 млн. м³/год питьевой вод. В настоящее время по всей стране откачивается около 166 млн. м³ солоноватой воды из разных скважин и непосредственно используется в качестве источника водоснабжения. Промышленность использует около 35 млн. м³/год (в основном как охлаждающую воду), а оставшаяся часть используется в сельском хозяйстве (для рыборазводных прудов и орошения).

Первая крупная опреснительная установка, действующая еще по устаревшей технологии выпаривания воды, появилась в конце 1960-х годов в городе Эйлат на берегу Красного моря. Это самый засушливый район

страны, где практически не выпадает осадков. Население Эйлата составляет 40 тыс. чел.; кроме того, город ежегодно посещают 500 тыс. туристов. До 1997 г. вся питьевая вода, поступающая в Эйлат, являлась продуктом переработки слабоминерализованных вод подземных источников. Опреснение осуществлялось методом обратного осмоса на двух установках, суммарная производительность которых составляла около 36 тыс. м³/день (13 млн. м³/год). Установки работают до сегодняшнего времени, используя более прогрессивную технологию обратного осмоса. Постоянный рост потребления потребовал сооружения третьей опреснительной установки, использующей в качестве сырья воду Красного моря. В настоящее время мощность этой установки составляет около 3,5 млн. м³ воды в год. Около 29 малых заводов в южных районах страны производят 25 млн. м³/год воды, главным образом из солоноватой воды.

Подземные минерализованные воды залегают отдельными горизонтами на значительном расстоянии друг от друга, и к тому же их запасы незначительны, ресурсы морской воды практически неограниченны. Поэтому для удовлетворения растущих потребностей в ограниченных водных ресурсах Израиля и смягчения условий засухи, характерных для большинства лет с середины 1990-х годов, израильское правительство инициировало в 1999 г. долгосрочную крупномасштабную программу производства питьевой воды для внутреннего потребления путем опреснения морской воды. Обратный осмос был принят как ведущий метод опреснения солоноватой и морской воды.

С момента начала реализации программы опреснения было сделано несколько изменений в правительственных решениях относительно производства годового количества опреснительной воды. На пересмотр объема производства опресненной морской

воды повлияли краткосрочные межгодовые изменения атмосферных осадков и корректировка изменения национальных объемов потребления воды. Первоначальная целевая мощность в 50 млн. м³/год была пересмотрена в 2002 г. до 400 млн. м³. Эта цель была сокращена в 2003 г. до 230 млн. м³/год в ответ на беспрецедентное количество осадков в 2002 г. В июле 2007 г., после нескольких засушливых лет, целевая производственная мощность была пересмотрена до 505 млн. м³/год, а в 2008 г. до 750 млн. м³/год, которые должны быть достигнуты к 2020 г.

В настоящее время в стране эксплуатируется пять опреснительных установок морской воды: Ашкелон (запущен в 2004 г.) с годовой производственной мощностью 120 млн. м³, Пальмахим (в 2007 г.) увеличил производительность к 2007 г. до 90 млн. м³, Хадера (в 2009 г.) (127 млн. м³), Сорек (2013 г.) (150 млн. м³) и Ашдод (в 2015 г.) (100 млн. м³), все они расположены вдоль Средиземного моря, для облегчения доставки морской воды на установки. Суммарно заводы обеспечивают около 600 млн. м³ опреснительной воды в год, что эквивалентно примерно 42% потребностей страны в питьевой воде [17]. Планируется, что поставки опресненной морской воды к 2020 г. увеличатся на 25% до 750 млн. м³, что составляет треть от общего спроса на воду.

Завод «Сорек» является крупнейшим и самым современным в мире предприятием по опреснению морской воды, обеспечивающим 20% общего потребления воды в домашнем хозяйстве. Завод имеет собственную независимую электростанцию, которая работает на природном газе с меньшим уровнем выбросов двуокиси углерода, а стоимость топлива примерно на 7% дешевле, чем энергетические системы с угольным топливом. Поэтому стоимость опресненной воды здесь самая низкая — 52 цента/м³, в то время как на остальных

опреснительных заводах она изменяется в пределах 65–80 центов/м³.

Правительство Израиля планирует построить новые заводы по опреснению морской воды в регионе Западной Галилеи на севере Израиля, единственной части страны без доступа к опресненной воде.

К сожалению, опреснители-гиганты имеют и свои недостатки. Главными из них являются высокая энергоемкость и побочные продукты, в числе которых вредные химикаты и парниковые газы. Одни ученые упорно ищут пути минимизации ущерба, а другие предлагают поискать иные пути рационального использования воды.

Израильская фирма «Нелар» и Институт изучения пустынь Университета Негев им. Бен-Гуриона [18] разработали автономные системы очистки бытовых стоков. Речь идет об относительно компактных установках, с помощью которых использованная вода очищается и подлежит вторичному использованию в бытовых целях. Это включает рекультивацию серой воды, которая поступает из душевых, кухонных раковин и стиральных машин. Очищенная серая вода находит два основных применения: 1) Внутреннее использование — серая вода может использоваться для промывки туалетов, тем самым заменяя использование пресной воды (потенциал экономии около 100–150 млн. м³/год). Поскольку это будет реализовано только в новых строительных проектах, то к концу 2050 г. может быть достигнут потенциал экономии 50 млн. м³. 2). Общественное городское использование — серая вода может использоваться для орошения в парках (текущий потенциал 30 млн. м³/год). Серая вода уже широко используется для полива деревьев и газонов во многих частных владениях.

Необходимо отметить возможности использования для пополнения водных ресурсов современных методов получения (кон-

денсации) промышленных объемов воды из атмосферы, вызывания искусственного дождя и другие. Израильская компания Water-Gen разработала устройство способное вырабатывать чистую питьевую воду из воздуха, а также очищать загрязненную воду. Аппарат работает с высокой скоростью и практически в любом климате при минимальных затратах электроэнергии. Он дает в пять раз больше воды на киловатт энергии, чем любое другое аналогичное устройство. При таком КПД он может реально стать устройством, которое решит проблему дефицита водных ресурсов в мировом масштабе.

С 1960 г. в северных и центральных районах для вызова или усиления дождя распыляют иодистое серебро, а также используют специальные высокогорные установки («печи»). Увеличение количества осадков до 15% оправдывают применение этого дорогостоящего метода, особенно в бассейне озера Кинерет. Однако следует отметить, что специфическая облачность в засушливые годы снижает эффективность выпадения дождя в период когда это необходимо. Поэтому компания «Мекорот» начала применять новую для этих целей технологию конденсирования воды. Ее суть заключается в распылении в воздухе специального реагента, благодаря которому образуются облака, и выпадает дождь. Схожая технология широко применяется в более дождливых странах перед массовыми торжествами для предупреждения выпадения осадков. Согласно анализу полученных данных, данная практика приносит свои плоды — количество осадков увеличилось на 13%.

Как известно, опреснительные заводы потребляют большое количество электроэнергии и должны строиться в непосредственной близости к сетям высокого напряжения. Израильская компания IDE Technologies проводит в тестовом режи-

ме на площади в 1000 м² проверку нового опреснителя с использованием солнечной энергии. Секрет нового опреснителя — специальные нанопористые мембраны, которые производят высококачественную воду и позволяют фермеру или менеджеру самим решать, какие минералы оставить в воде, а какие удалять. Как правило, обычные опреснительные фильтры удаляют все минералы, которые впоследствии добавляются в опресненную воду по необходимости. До сих пор результаты экспериментов были очень многообещающими — опресненная вода позволяет фермерам использовать на 25% меньше воды и удобрений, чем раньше. Согласно результатам других тестов, очищенная вода не имеет негативного влияния на темпы роста и увеличение урожая. Разработчики проекта сообщают, что урожай сорго и проса даже увеличился.

В качестве пополнения водных ресурсов в Израиле рассматриваются и термальные воды, большие запасы которых находятся в пустыне Негев и используются они многократно. После выращивания в термальных водах криветок и мальков рыбы вода подается в пруд для разведения рыб. Обогащенная минералами вода из пруда используется для орошения кормовых растений, садовых культур и выращивания в теплицах цветов или овощей.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Общее потребление воды в 2013 г. составило 2187,1 млн. м³ [6] и превысило естественное водоснабжение примерно на 45% [17]. Этот дефицит компенсируется альтернативными источниками воды.

Сельскохозяйственный сектор является крупнейшим водопользователем (около 58%), потребляющим около 1205 млн. м³ воды в 2013 г. (Табл. 2). Однако большая часть этой воды является солоноватой или переработанной (62%), а около 38 % — пресной водой. На внутреннее водопользование,

Рис. 4. Исторические, современные и прогнозируемые объемы потребления (млн. м³) водных ресурсов Израиля по типам воды. Пунктирная линия — среднегодовые возобновляемые водные ресурсы за периоды: 1960-1993 (1249 млн. м³), 1993-2015 (1155 млн. м³) и снижение на 15% с 2015 до 2050 гг.

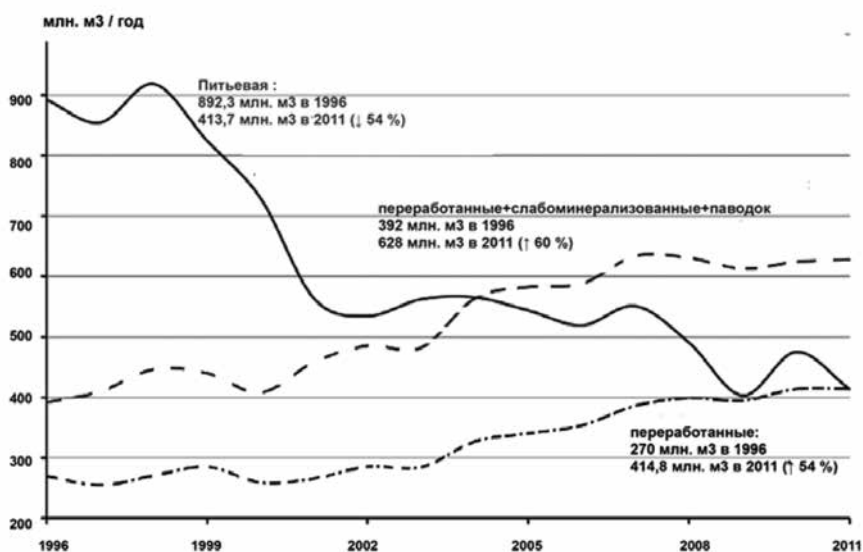

Рис. 5. Использование разных типов воды в сельском хозяйстве Израиля в период 1996-2011гг. [15]

включающее воду для приготовления пищи, принятия душа, уборки приходится 35% (733 млн. м³) использованной воды. Объем промышленного использования воды оценивается примерно в 7% в 2013 г.

Помимо поставки воды в три основных сектора водопользования, в 2013 г. Израиль

в рамках двухсторонних соглашений о совместном использовании воды предоставил Иордании около 53 млн. м³, 54 млн. м³ Палестинской автономии и 4 млн. м³ в сектор Газа. Около 23,5 млн. м³ было направлено на экологические цели.

Таблица 2. Использование водных ресурсов в Израиле в 2013 г

	Сельское хозяйство			Коммунальное хозяйство			Промышленность			Итого
	П	М	Всего	П	М	Всего	П	М	Всего	
млн. м ³	460.6	744	1204.6	717.6	15.4	733.2	91.5	46.8	138.3	2076.1
%*	38	62	-	98	2	-	66	34	-	
%**			58			35			7	

*% отношение внутри сектора пресной (П) и очищенных сточных и опресненных (М) вод; **% от общего потребления водных ресурсов

За 10 лет потребление воды в Израиле увеличилось на 18% — с 1860 млн. м³ в 2003 г. до 2187 млн. м³ в 2013 г. Ожидается, что общее потребление воды увеличится на 31% до 2600 млн. м³ к 2020 г. и далее на 35% до 3500 млн. м³ к 2050 г. (Рис. 4). При этом использование пресной природной воды уменьшится от 56% в 2010 г. до 29% к 2050 г., в то же время объем очищенных сточных вод возрастет с 21 до 26%, а опресненных вод с 14% до 42%. Использование солоноватых вод уменьшится с 8% в 2010 г. до 4% к 2050 г.

Большая часть современного и будущего потребления воды в Израиле сосредоточена на сельскохозяйственном и бытовом секторах. В сельскохозяйственном секторе изменяется структура водопользования (Рис. 5). Как видно из рис. 5, использование природной воды в сельском хозяйстве сократилось за 15 лет на 54% — с 892,3 млн. м³

в 1996 г. до 413,7 млн. м³ в 2011 г. В то же время объем переработанной воды увеличился с 270 мкм в 1996 году до 414,8 млн. м³ в 2011 г. В общем использование альтернативных вод увеличилось за этот период в сельском хозяйстве до 60% и эта тенденция, замена естественной воды на альтернативные воды, будет продолжаться (Табл.3). Использование слабо минерализованных вод в сельском хозяйстве уменьшится к 2050 г. на 70% и составит в общем водопотреблении 7%.

Соленая вода в сельском хозяйстве широко используется в рыбном хозяйстве и при выращивании солеустойчивых растений. Рыбоводческая отрасль Израиля расходует в год около 100 млн. м³ воды, из которых около 75% не питьевой воды. Подобрана порода рыб — австралийский себас, который успешно размножается в этой воде, а также разводят тилапию, троут, басса и др.

Передовые технологии делают возможным максимальное использование каждого кубометра воды. Так, использование замкнутой системы водоснабжения в рыбном хозяйстве позволяет не только экономить воду, но и полностью автоматизировать процесс: компьютеры, контролирующие

химический состав воды при необходимости обеспечивающие систему свежей водой, специализированные вентиляторы, позволяющие рыбе дышать, датчики, постоянно устанавливающие и анализирующие состояние рыбы в бассейнах. Ферма выращивает до 100 кг рыбы на 1 м³ воды даже в пустыне.

Таблица 3. Современное и будущие изменения в водопотреблении в сельском хозяйстве по типам воды

Год	Общая питьевая вода, %	Очищенные сточные воды, %	Солоноватая вода, %	Итого	Млн. м ³
				%	
2000	67	24	9	100	1089
2010	48	38	14	100	1045
2015	45	43	12	100	1083
2020	42	47	11	100	1138
2025	39	51	10	100	1156
2050	26	67	7	100	1450

Источник: Water Authority, 2015

В растениеводстве соленая вода применяется без предварительной водоподготовки с учетом биологических особенностей растений и применением различных технологических приемов повышения солеустойчивости. В самом сухом районе Израиля, в долине Арава, где годовое количество осадков меньше 50 мм, в растениеводстве используется 32 млн. м³ солоноватой воды в год. Примерно 30% (46 млн. м³) общей воды (138 млн. м³), потребляемой в промышленном секторе, является солоноватой.

Общее потребление воды в Израиле увеличилось за 60 лет на 60%, в сельском хозяйстве лишь на 10%, а в промышленности в пределах 1–2%. Увеличение использования воды за этот период обусловлено ро-

стом численности населения с 2 млн. человек в 1958 г. до 8,4 млн. в 2017 г. [19].

В среднем по Израилю среднегодовое потребление воды на душу населения за последние 15 лет снизилось на 22%: с 110 м³ в 1998 г. до 86,8 м³, конце 2014 г. И хотя спрос на воду в расчёте на душу населения падает, в абсолютном выражении он всё равно растёт. В настоящее время городской сектор потребляет приблизительно 740 млн. м³, ежегодный прирост составляет приблизительно 20 млн. м³ ежегодно, рост примерно на 4 %. Согласно планам компании «Мекорот» население Израиля к 2020 г. увеличится до 9,1 млн. м³, и потребление воды в городском секторе приблизится к 1 млн. м³, а к 2050 г. превысит объёмы потребления воды в сель-

ском хозяйстве. Таким образом, произойдет перераспределение естественной воды из сельского хозяйства в бытовой сектор.

В 2003 г. в Законе о воде в список законных получателей пресной воды были добавлены экологические потребности природы. На реабилитацию водных источников (рек, водоемов, подземных вод) выделяется от 10 до 50 млн. м³ в год пресной воды. Восстановление израильских рек уже становится реальностью [20]. Управление водных ресурсов рассматривает возможность строительства водовода, который будет закачивать опресненную воду из Средиземного моря в стремительно мелеющее из-за длительной засухи озеро Кинерет. Согласно планам, в засушливые годы в Кинерет будет перекачиваться 100 млн. м³ опресненной воды, что позволит повысить уровень воды в озере на 70 см. [6].

Как отмечалось выше, Израиль выполняет свои обязательства в соответствии с Водными соглашениями с Палестинской

автономией и Иорданией, предоставляя на Западный берег, сектор Газа и Иорданию от 100 до 143 млн. м³ воды в год.

СОВРЕМЕННЫЙ И ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ВОДНЫЙ БАЛАНС И СТРУКТУРА ВОДОПОТРЕБЛЕНИЯ

В Израиле разработана программа развития водного сектора, основанная на долгосрочном генеральном плане с учетом роста численности населения и ожидаемого повышения уровня жизни, глобальных изменений климата, снижения инфильтрации воды в подземные водоносные горизонты в результате урбанизации, увеличения водоподачи соседним государствам (Табл. 4). Диапазон планирования длительный — до 2050 г. [21]. Формирование долгосрочного водного баланса не претендует на точный прогноз будущего и будет периодически пересматриваться с учетом технологических, демографических, геополитических и других изменений.

Таблица 4. Современный и перспективный водный баланс и структура водопотребления в Израиле

Источники воды (млн. м³ / год)

Год	Питьевая вода	Соленая вода	Очищенные сточные воды	Опресненные солоноватые воды	Опресненная морская вода	Требуемое дополнение	Всего
2010	1 200	174	450	23	280	4	2 131
2020	1 140	150	573	50	750	9	2 672
2030	1 080	140	685	60	750	50	2 765
2050	1020	130	930	70	750	671	3 571

Потребление воды (млн. м³/ год)

Год	Город- ское	Промышленность			Сельское хозяйство			Всего
		Питье- вая	Соленая	Всего	Питье- вая	Соленая	Очи- щенные сточные воды	
2010	764	90	30	120	500	144	400	1044
2020	902	95	30	125	490	120	528	1138
2030	1 064	99	30	129	470	110	645	1225
2050	1 482	108	30	138	450	100	900	1450

Год	Поставка соседям	Восстановление природных водо- емов	Природа и ландшафт		Непредви- денные	Общее потре- бление
			Питьевая	Всего		
2010	143	0	10	60	0	2 131
2020	143	200	50	95	70	2 672
2030	143	0	50	90	114	2 765
2050	143	0	50	80	278	3 571

Источник: Long-Term Master..., 2012

За базовые показатели водного баланса приняты данные за 2010 г. с реперными точками в 2020 и 2030 годах. При этом предполагается, что население в 2020 г. увеличится до 9,1 млн. человек, в 2030 г. — до 10,9 млн., а в 2050 г. — 15,5 млн. человек (ежегодный прирост 1,8%), а потребление воды на душу населения понизится от 100 м³ в 2010 г. до 95 м³ в 2050 г.

Политика развития и балансы определялись на основе существующих соглашений с Иорданием и Палестинской Автономией. Обеспечение дополнительных объемов воды, а также будущие договоренности с Сирией и Ливаном, потребуют одновременно усовершенствования и расширения системы опреснения морских вод, наряду с дополнительными инвести-

циями в системы транспортировки и распределения воды.

Плановое задание по эксплуатационному запасу, который будет гарантировать формирование среднего объема в природных водоемах с обеспеченностью 90%, составляет около 1500 млн. м³ выше «красной линии». Оно основывается на статистических данных, что в 90% случаев суммарное использование аккумулированной воды достигнет приблизительно 1500 млн. м³, если каждый год формируется объем, равный среднему восполнению. Это является гарантией для поддержания бездефицитного уровня водопотребления. За счет создаваемого профицита будут пополняться запасы подземных и поверхностных водных источников с целью их реабилитации.

Опреснительная «революция» позволила полностью прекратить откачку вод из озера Кинерет для восстановления его уровня и уменьшения засоленности водоема. Более того, созданный профицит водных ресурсов даст возможность увеличить поставки воды остро нуждающимся соседнему Иорданскому Королевству и Палестинской Автономии.

Развитие водного хозяйства Израиля требует значительных инвестиций, как со стороны государственного бюджета, так и привлечение частных, в том числе и зарубежных капиталовложений. Для выполнения этого плана, уровень капиталовложений в получение альтернативных водных ресурсов, реабилитацию естественных водных ресурсов и инфраструктуру водоснабжения потребуются до 2050 г. около 206 млрд. шекелей, или около 5.15 млрд. шекелей ежегодно. Около 80% этой суммы будет финансироваться водопотребителями за счет роста цен на воду.

В эпоху надвигающегося водного дефицита вода перестает быть бесплатным ресурсом и становится товаром, за который нужно платить либо водообеспеченным соседям, контролирующим пресные источники, либо вкладываться в собственные водосберегающие технологии. Третий путь — замена дефицитного ресурса недефицитным. Израиль использовал в качестве недефицитного ресурса сточные и морские воды, а также интеллектуальный багаж своих соотечественников, которые смогли вывести Израиль в лидеры по эффективному использованию ограниченных водных ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С самого основания государства Израиль его водному хозяйству приходилось находить передовые решения, чтобы обеспечить водой граждан своей страны. Именно в Израиле, находящемся в одном из самых

засушливых регионов мира, впервые возникли и были развиты идеи национального управления водным хозяйством, капельного орошения, переработки и очищения сточных вод, опреснения соленой подземной и морской воды.

В последние годы водный сектор Государства Израиль пережил значительные изменения практически во всех его аспектах: физическом, структурном, законодательном и организационном. Разумное управление водными ресурсами, повторное использование сточных вод и опреснение морской воды, а также сооружение Всеизраильского водовода, последовательная экономическая политика в водном секторе на фоне эффективного интегрированного управления ограниченных водных ресурсов, направленные на борьбу с их дефицитом, позволили решить в государственном масштабе проблему нехватки воды и вывести страну из водного кризиса, снизить климатическую зависимость и сохранить озеро Кинерет.

Способы сохранения и производства воды, которые были настолько эффективны в государстве Израиль, могут предоставить ценные возможности для других стран, испытывающих серьезные и растущие проблемы в водоснабжении. Примерами являются нововведения в крупномасштабной мелиорации сточных вод для орошения в сельскохозяйственном секторе, технологические, селекционные и методологические инновации, которые повышают эффективность использования в сельскохозяйственном секторе, многочисленные инновации в области политики для эффективного управления водными ресурсами и высокоэкономичные эксплуатационные расходы опреснительных установок. Государство Израиль приветствует обмен информацией и технологиями между странами для оптимизации эффективности использования воды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пайпс Д. Ближний Восток остается без воды. *Washington Times*. 2015. 8 мая.
2. Борисова Е.А. Водные и энергетические ресурсы «Большой» Центральной Азии. Москва: Ленанд; 2015. С. 105–111.
3. Goldreich Y. The climate of Israel observation, research and application. New York: Springer Science and Business; 2003. P. 264.
4. Озиранский Ю., Кольмакова Е.Г., Марголина И.Л. Интегрированное управление ограниченными водными ресурсами в целях устойчивого водоснабжения аридных регионов (опыт Государства Израиль). *Аридные экосистемы*, 2014; 20(4): 57–65.
5. AQUASTAT. Regional water report 34. Israel: Statistic at FAO; 2009.
6. Israel Water Authority. South Korea. Towards World Water Forum VII; 2015.
7. Tsur Y. Closing the (widening) gap between natural water resources and water needs in the Jordan River Basin: A long term perspective. *Department of Agricultural Economics and Management, The Hebrew University of Jerusalem, Discussion Paper*. 2014;2(14): 28.
8. Weinberger G., Livshitz Y., Givati A., Zilberbrand M., Tal A., Weiss M., and Zurieli A. The natural water resources between the Mediterranean Sea and the Jordan River. *Israel Hydrological Service, Israel's Authority for Water Sewage*. 2012;1: 71.
9. Sade R., Rimmer A., Samuels R., Salingar Y., Denisyuk M., and Alpert P. Water Management in a Complex Hydrological Basin — Application of Water Evaluation and Planning Tool (WEAP) to the Lake Kinneret Watershed, Israel. In: Berchard D. et. All. (Eds.). *Integrate Water Resources Management: Concept, Research and Implementation*. Switzerland: Springer; 2016. P. 35–57.
10. Zohary T., Sukenik A., Berman T., Nishri A. (Eds.). *Lake Kinneret: Ecology and Management*. Dordrecht: Springer; 2014. 683.
11. Markel D. Preserving Lake Kinneret as a Strategic Water Source Considering the Climate Change. International Conference: Cutting-Edge Solution to Wicked Water Problems. New York. 2017.
12. Rimmer A., Givati A., Samuels R., and Alpert P. Using ensemble of climate models to evaluate future water and solutes budgets in Lake Kinneret. *Israel: J. Hydrol*; 2011. P. 248–259.
13. Becker N., Ward F. A. Adaptive water Management in Israel: Structure and policy options. *Inter. Jour. of Water Resources Development*. 2015;31(4): 317–330.
14. Stanhill G. Irrigation in Israel: past achievements, present challenges and future possibilities. In: Shalhevet J. et. Aii. (Eds.). *Water Use Efficiency in Agriculture*. Rehovot: Priel Publisher; 1992. P. 63–77.
15. Israel's Fourth Aquifer (www.kkl.jnf.org/water-for-israel/israel-fourth-aquifer)
16. Rejwan A. The State of Israel: National Water Efficiency Report. *Israel Water Authority*: 2011;1:41.
17. Tenne A. Sea Water Desalination in Israel: Planning, coping with difficulties, and economic aspect of long-term risks. *Israel Water Authority*. 2010;1:13.
18. Gross A. Advanced technologies for graywater treatment and reuse. A Voice from the Desert. *A Bulletin of the J. Blaustein Institutes for Desert Research*. 2006;11: 6–8.
19. Central Bureau of Statistics. 2016. Israel in Figures. Available from: http://www.cbs.gov.il/www/publications/isr_in_n16e.pdf
20. Tal A., Katz D. Rehabilitating Israel's streams and rivers. *Int. Jour. River Basin Management*. 2012;10(4): 317–330.
21. Long-Term Master Plan for the National. Water Sector, Part A — Policy Document. *Israel Water Authority*: 2012;4:102.

REFERENCES

1. Pipes D. Middle East remain without Water. Washington Times. 2015. May 8. (In Russ.)
2. Borisova E.A. Water and Energy Resources of «Greater Central Asia». Moscow: LENAND; 2015. P. 105–111. (In Russ.)
3. Goldreich Y. The climate of Israel observation, research and application. New York: Springer Science and Business; 2003. 264.
4. Oziransky Y., Kalmakova A. G., Margolina I. L. Integrated Management of limited Water Resources for sustainable water supply of arid regions. (Experience of Israel). *Arid Ecosystems*. 2014; 20(4):57-65
5. AQUASTAT. Regional water report 34. Israel: Statistic at FAO; 2009.
6. Israel Water Authority. South Korea. Towards World Water Forum VII; 2015.
7. Tsur Y. Closing the (widening) gap between natural water resources and water needs in the Jordan River Basin: A long term perspective. *Department of Agricultural Economics and Management, The Hebrew University of Jerusalem, Discussion Paper*. 2014;2(14): 28.
8. Weinberger G., Livshitz Y., Givati A., Zilberbrand M., Tal A., Weiss M., and Zurieli A. The natural water resources between the Mediterranean Sea and the Jordan River. *Israel Hydrological Service, Israel's Authority for Water Sewage*. 2012;1: 71.
9. Sade R., Rimmer A., Samuels R., Salingar Y., Denisjuk M., and Alpert P. Water Management in a Complex Hydrological Basin — Application of Water Evaluation and Planning Tool (WEAP) to the Lake Kinneret Watershed, Israel. In: Berchard D. et. All. (Eds.). *Integrate Water Resources Management: Concept, Research and Implementation*. Switzerland: Springer; 2016. P. 35–57.
10. Zohary T., Sukenik A., Berman T., Nishri A. (Eds.). *Lake Kinneret: Ecology and Management*. Dordrecht: Springer; 2014. 683.
11. Markel D. Preserving Lake Kinneret as a Strategic Water Source Considering the Climate Change. International Conference: Cutting-Edge Solution to Wicked Water Problems. New York. 2017.
12. Rimmer A., Givati A., Samuels R., and Alpert P. Using ensemble of climate models to evaluate future water and solutes budgets in Lake Kinneret. Israel: *J. Hydrol*; 2011. P. 248–259.
13. Becker N., Ward F. A. Adaptive water Management in Israel: Structure and policy options. *Inter. Jour. of Water Resources Development*. 2015;31(4): 317–330.
14. Stanhill G. Irrigation in Israel: past achievements, present challenges and future possibilities. In: Shalhevet J. et. Aii. (Eds.). *Water Use Efficiency in Agriculture*. Rehovot: Priel Publisher; 1992. P. 63–77.
15. Israel's Fourth Aquifer (www.kkl.jnf.org/water-for-israel/israel-fourth-aquifer)
16. Rejwan A. The State of Israel: National Water Efficiency Report. *Israel Water Authority*: 2011;1:41.
17. Tenne A. Sea Water Desalination in Israel: Planning, coping with difficulties, and economic aspect of long-term risks. *Israel Water Authority*. 2010;1:13.
18. Gross A. Advanced technologies for graywater treatment and reuse. A Voice from the Desert. *A Bulletin of the J. Blaustein Institutes for Desert Research*. 2006;11: 6–8.
19. Central Bureau of Statistics. 2016. Israel in Figures. Available from: http://www.cbs.gov.il/www/publications/isr_in_n16e.pdf
20. Tal A., Katz D. Rehabilitating Israel's streams and rivers. *Int. Jour. River Basin Management*. 2012;10(4): 317–330.
21. Long-Term Master Plan for the National Water Sector, Part A — Policy Document. *Israel Water Authority*: 2012;4:102.

Статья получена 22.02.2018
Received 22.02.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай С. Орловский, доктор географических наук, Институт изучения пустынь им. Блауштейна Университета Негев им. Бен-Гуриона, Израиль; 84990, Израиль, Седе-Бокер Кампус;

nicolai@bgu.ac.il

Nicolai S. Orlovsky, Blaustein Institute for Desert Research Ben-Gurion University of the Negev, Israel; Sede-Boqer Campus, 84990, Israel;

nicolai@bgu.ac.il

Игорь С. Зонн, доктор географических наук, академик РАН, Инженерный научно-производственный центр по водному хозяйству мелиорации и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия; 107005, Россия, Москва, ул. Бауманская, д. 43/1, стр. 1;

gorzonn@yandex.ru

Igor S. Zonn, Doctor of Geography, Academician of RANS, engineering Research Production Center on Water Management, Land Reclamation and Ecology «Sojuzvodproject», Moscow, Russia; bld. 43/1, Baumanskaj str., Moscow 107005, Russia;

igorzonn@yandex.ru

Рациональное использование южных морей России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов

Сергей М. Шаповалов^а, Евгения А. Костяная^б

^а Научно-координационный океанологический центр
Института океанологии им. П. П. Шишова РАН, Москва, Россия,
smshap@ocean.ru

^б Научно-координационный океанологический центр
Института океанологии им. П. П. Шишова РАН, Москва, Россия,
evgeniia.kostianaia@gmail.com

Аннотация: Южные моря России имеют важнейшее значение для развития экономики, судоходства, рекреационных зон и туризма. Развитие портовой инфраструктуры, интенсификация добычи и транспортировки газа и нефти, развитие туризма вместе с природными и климатическими факторами оказывают сильное воздействие на экосистемы морей. Все это усложняет выполнение задач по устойчивому развитию региона и рациональному использованию морских ресурсов. В статье рассматриваются климатические, экологические и техногенные вызовы, связанные с проблемой рационального использования южных морей России. Для эффективного решения таких задач необходим комплексный подход, взаимодействие между учеными, представителями властей, природоохранными организациями, представителями бизнеса, портовых и мореходных служб в рамках программ комплексного управления прибрежными зонами и морского пространственного планирования.

Ключевые слова: Южные моря России, Черное море, Азовское море, Каспийское море, устойчивое развитие, рациональное использование, климат, экология, техногенные вызовы, комплексное управление прибрежными зонами, морское пространственное планирование

Для цитирования: Шаповалов С. М., Костяная Е. А.; Рациональное использование южных морей России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1): 37-49. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-37-49

Sustainable Use of the Southern Seas of Russia in the Context of Climatic, Environmental and Technogenic Challenges

Sergey M. Shapovalov^a, Evgeniia A. Kostianaia^b

^a *Scientific-Coordination Oceanological Center, Shirshov Institute of Oceanology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

smschap@ocean.ru

^b *Scientific-Coordination Oceanological Center, Shirshov Institute of Oceanology, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

evgeniia.kostianaia@gmail.com

Abstract: The southern seas of Russia are of paramount importance for the development of the economy, shipping, recreational zones, and tourism. Development of the port infrastructure, intensification of gas and oil production and transportation, development of tourism along with natural and climatic factors have a strong impact on ecosystems of seas. All of this complicates sustainable development of the region and sustainable use of marine resources. This article examines the climatic, ecological and technogenic challenges associated with sustainable use of the southern seas of Russia. Effective solving of such problems requires an integrated approach, interaction between scientists, representatives of authorities, environmental organizations, business representatives, port and marine services in the framework of Integrated Coastal Zone Management and Marine Spatial Planning.

Keywords: Southern seas of Russia, the Black Sea, the Sea of Azov, the Caspian Sea, sustainable development, sustainable use, climate, ecology, technogenic challenges, Integrated Coastal Zone Management, Marine Spatial Planning

For citation: Shapovalov S.M., Kostianaia E.A. Sustainable Use of the Southern Seas of Russia in the Context of Climatic, Environmental and Technogenic Challenges. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):37-49. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-37-49

ВВЕДЕНИЕ

25 сентября 2015 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В ней были провозглашены 17 целей и 169 задач, которые призваны обеспечить сбалансированность трех элементов устойчивого развития: экономического, социального и экологическо-

го [1]. Устойчивое развитие определяется как развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности. Объявленные 17 целей носят комплексный характер и направлены на ликвидацию нищеты и содействие экономическому росту при одновременном удовлетворении соци-

альных потребностей и решении проблем, связанных с изменением климата и охраной окружающей среды [2].

Ухудшение состояния окружающей среды и истощение природных ресурсов приводят к таким негативным последствиям, как засуха, деградация земель, опустынивание, потеря биоразнообразия, нехватка питьевой воды. Изменение климата является одной из самых серьезных проблем современности, стоящих перед всем человечеством [3]. Негативные последствия изменения климата мешают странам достичь устойчивого развития. Низколежащие прибрежные страны и прибрежные районы испытывают отрицательное воздействие вследствие роста температуры, повышения уровня моря, закисления океана. Многие сообщества и биологические системы жизнеобеспечения в мире оказываются под угрозой [1].

В Резолюции 70/1 Генеральной Ассамблеи ООН предполагается, что с 1 января 2016 года в течение 15 лет страны будут руководствоваться объявленными целями и задачами при принятии решений. Целью №14 (ЦУР14) является сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития [1].

Морская среда легко подвержена негативному влиянию разнообразных факторов, при этом вред может являться как следствием однократного явления, такого как, например, разлив нефти, так и накапливаться в течение длительного времени. Nellemann et al. [4] приводят пять основных угроз в отношении морской среды: изменение климата, фрагментация и потеря среды обитания, чрезмерное использование рыбных запасов, загрязнение (в основном, прибрежное) и угрозы, связанные с биологическими вселенцами.

К южным морям России принято относить Черное, Азовское и Каспийское моря. Они имеют важное хозяйственное значе-

ние, непосредственно связанное с судоходством, рыбным промыслом, добычей и транспортировкой нефти и газа, портами и курортными зонами. Протекающие в настоящее время процессы оказывают сильное воздействие на решение проблемы рационального использования южных морей России. С одной стороны, это прогнозируемая тенденция к увеличению температуры воздуха и температуры морской поверхности, которая должна привести к увеличению продолжительности курортного сезона на российских побережьях Черного и Азовского морей. С другой — резкие климатические изменения, приводящие к увеличению циклонической активности и влекущие нарушения, а порой и разрушения в береговой зоне, а также нарастающее антропогенное воздействие — развитие портовой инфраструктуры, интенсификация добычи и транспортировки газа и нефти, развитие туризма и др. В данной статье рассматриваются климатические, экологические и техногенные вызовы, связанные с проблемой рационального использования южных морей России.

ЦУР14

Цель №14 по сохранению и рациональному использованию океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития включает следующие 10 задач [1]:

14.1. К 2025 году обеспечить предотвращение и существенное сокращение любого загрязнения морской среды, в том числе вследствие деятельности на суше, включая загрязнение морским мусором и питательными веществами;

14.2. К 2020 году обеспечить рациональное использование и защиту морских и прибрежных экосистем с целью предотвратить значительное отрицательное воздействие, в том числе путем повышения стойкости этих экосистем, и принять меры по их вос-

становлению для обеспечения хорошего экологического состояния и продуктивности океанов;

14.3. Минимизировать и ликвидировать последствия закисления океана, в том числе благодаря развитию научного сотрудничества на всех уровнях;

14.4. К 2020 году обеспечить эффективное регулирование добычи и положить конец перелову, незаконному, несообщаемому и нерегулируемому рыбному промыслу и губительной рыбопромысловой практике, а также выполнить научно обоснованные планы хозяйственной деятельности, для того чтобы восстановить рыбные запасы в кратчайшие возможные сроки, доведя их по крайней мере до таких уровней, которые способны обеспечивать максимальный экологически рациональный улов с учетом биологических характеристик этих запасов;

14.5. К 2020 году охватить природоохранными мерами по крайней мере 10 процентов прибрежных и морских районов в соответствии с национальным законодательством и международным правом и на основе наилучшей имеющейся научной информации;

14.6. К 2020 году запретить некоторые формы субсидий для рыбного промысла, содействующие созданию чрезмерных мощностей и перелову, отменить субсидии, содействующие незаконному, несообщаемому и нерегулируемому рыбному промыслу, и воздерживаться от введения новых таких субсидий, признавая, что надлежащее и эффективное применение особого и дифференцированного режима в отношении развивающихся и наименее развитых стран должно быть неотъемлемой частью переговоров по вопросу о субсидировании рыбного промысла, которые ведутся в рамках Всемирной торговой организации;

14.7. К 2030 году повысить экономические выгоды, получаемые малыми островными

развивающимися государствами и наименее развитыми странами от экологически рационального использования морских ресурсов, в том числе благодаря экологически рациональной организации рыбного хозяйства, аквакультуры и туризма;

14.a. Увеличить объем научных знаний, расширить научные исследования и обеспечить передачу морских технологий, принимая во внимание Критерии и руководящие принципы в отношении передачи морских технологий, разработанные Межправительственной океанографической комиссией, с тем, чтобы улучшить экологическое состояние океанской среды и повысить вклад морского биоразнообразия в развитие развивающихся стран, особенно малых островных развивающихся государств и наименее развитых стран;

14.b. Обеспечить доступ мелких хозяйств, занимающихся кустарным рыбным промыслом, к морским ресурсам и рынкам;

14.c. Улучшить работу по сохранению и рациональному использованию океанов и их ресурсов путем соблюдения норм международного права, закрепленных в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, которая, как отмечено в пункте 158 документа «Будущее, которого мы хотим», закладывает юридическую базу для сохранения и рационального использования Мирового океана и его ресурсов.

В отношении южных морей России наиболее важными и актуальными являются задачи 14.1, 14.2, 14.4, 14.5, а также частично все остальные. В Российской Федерации ведутся работы, которые в определенной мере соответствуют решению перечисленных задач. Однако нет системного подхода к достижению ЦУР14. Необходимо провести анализ и систематизацию проводимых работ и создать систему их мониторинга. Нужно выработать рекомендации для руководителей, принимающих решения, по до-

стижению ЦУР14, половину задач которой требуется выполнить уже к 2020 году.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА ЮЖНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ

Происходящие изменения климата вызывают серьезную озабоченность, потому что их воздействие на природные и хозяйственные системы, а также на население становится все более заметным. С 1996 по 2012 г. на территории России наблюдалось значительное увеличение числа опасных явлений, в том числе нанесших значительный ущерб экономике и населению [5].

Согласно информации Росгидромета, потепление климата в России происходило в последние десятилетия быстрее и масштабнее, чем в остальных частях мира. Например, за 1976–2012 скорость роста температуры воздуха на Земном шаре составила около $0,166^{\circ}\text{C}/10$ лет. В то же время температура воздуха на территории России росла значительно быстрее — в среднем со скоростью $0,43^{\circ}\text{C}/10$ лет [5].

В открытых и прибрежных районах восточной части Черного моря в 2006, 2008 и в 2012 гг. наблюдалось аномально сильное цветение вод. Такое явление может негативно сказаться на курортных районах Черного моря, хотя в меньшей степени это должно коснуться берегов России (за исключением пляжей Анапы), поскольку отсутствует значительный сток рек в Грузии, Абхазии и России. Однако для курортных зон Азовского моря эта проблема может оказаться существенной [6, 7].

Считается, что повышение уровня Черного моря в ближайшие десятилетия не вызовет проблем для прибрежной зоны России. Однако на Азовском море весьма вероятны абразия берегов и подтопление прибрежной инфраструктуры и поселков. Увеличение среднего уровня Азовского моря на $0,5\text{--}1$ м с учетом сгонно-нагонных коле-

баний приведет к дальнейшему сильному размыву его побережья. Такие российские города, как Темрюк, Приморско-Ахтарск, Ейск и Таганрог, могут оказаться под серьезной угрозой подтопления [6, 7].

Учащение холодных зим в 2000-е годы оказалось неожиданным на фоне продолжающегося регионального потепления [8, 9]. Так, в январе 2012 года в Южном Каспии замерз залив Туркменбаши (Красноводский), в Черном море — ряд портов, в том числе Новороссийск, что привело к значительному нарушению транспортных коммуникаций. Согласно некоторым оценкам, в ближайшее десятилетие можно ожидать новой череды холодных зим в южных регионах России. При этом следует отметить, что тенденция к потеплению южных морей России в результате повышения температуры воздуха и поверхности моря и, как следствие, тенденция к уменьшению площади ледяного покрова и толщины льда приведут к увеличению навигационного периода для морского судоходства в Азовском море и Северном Каспии. Кроме этого, уменьшится опасность эксплуатации морских буровых платформ и трубопроводов на Северном Каспии [6, 7].

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ РОССИИ

Ввиду слабого водообмена с Мировым океаном особенно остро для южных морей России стоит проблема загрязнения вод. Так как Каспийское море является бессточным водоёмом, процесс обновления вод Каспия протекает очень медленно по сравнению с другими морями. Это обуславливает гораздо более высокую степень отрицательного воздействия загрязняющих веществ, которые вызывают необратимые последствия в морской экосистеме. К дополнительным неблагоприятным факторам на Каспийском море относятся штормовые ветра и экстре-

мальные волны, ледовые условия (Северный Каспий), значительные межгодовые изменения уровня моря, сгонно-нагонные явления, опасные геолого-геоморфологические условия (землетрясения, моретрясения, газонасыщенные зоны и пр.). Кроме этого, данные параметры очень трудно прогнозировать по времени возникновения и тяжести последствий [10–12].

Сильное влияние на экосистему Черного моря оказало случайное или намеренное вселение чужеродных биологических видов. Основным способом проникновения таких видов в настоящее время является попадание с балластными водами или в составе сообществ обрастаний корпусов судов. В период с 2001 по 2010 г. в Черном море число натурализовавшихся видов увеличилось в 1,25 раза. Это связано с интенсификацией судоходства и повышением температуры верхнего перемешанного и холодного промежуточного слоев Черного моря. Повышение температуры воды привело к появлению в Черном море субтропических и даже тропических видов. Опасность появления новых видов в Черном море и возможные негативные последствия для экосистемы моря указывают на необходимость жесткого контроля над сбросом балластных вод [13]. Широко известен случай вселения в Черное море в начале 1980-х годов атлантического гребневика мнемипсиса (*Mnemiopsis leidyi*), который был завезен вместе с балластными водами из прибрежных регионов Северной Америки. Поскольку у гребневика не было на тот момент естественных врагов в Черном море, его вселение привело к резкому снижению запасов массовых видов планктофагов. Только в конце 90-х годов из-за такого же случайного вселения другого гребневика, берое (*Beroe ovata*), численность популяции рыб стала расти [14, 15].

Вселенцы из Черного моря могут попадать затем в Азовское и Каспийское моря, также оказывая значительное влияние на их экосистему. Так, *Mnemiopsis leidyi* попал в Каспийское море через Азовское море и Волго-Донской канал. В 2000 году он уже распространился на все районы Каспийского моря, что привело к сокращению биомассы зоопланктона в 5–6 раз во всех группах [16].

ТЕХНОГЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ РОССИИ

Особую опасность для южных морей России представляет интенсивное развитие нефтегазового комплекса. На Черном море загрузка крупнотоннажных танкеров осуществляется в г. Новороссийск, п. Южная Озереевка, г. Туапсе, м. Железный Рог. Происходит рост грузооборота морских портов, что ведет к увеличению экологической нагрузки на морскую и прибрежную среду. По данным Ассоциации морских торговых портов, за январь-декабрь 2017 года грузооборот морских портов Азово-Черноморского бассейна составил 269,5 млн. т (+10,4 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 года), в том числе перевалка сухогрузов увеличилась до 118,4 млн. т (+12,4%), наливных — до 151,1 млн. т (+8,9%). Объем перевалки грузов морских терминалов увеличился, соответственно, для порта Новороссийск — до 147,4 млн. т (+12,2%), Туапсе — до 26,6 млн. т (+5,6 %), Кавказ — до 35,3 млн. т (+6,3%), Тамань — до 14,9 млн. т (+11,1%), Ростов-на-Дону — до 14,9 млн. т (+15,6%) [17]. В декабре 2017 года компания «Роснефть» приступила к бурению первой сверхглубоководной поисково-оценочной скважины «Мария-1» на участке «Западно-Черноморская площадь», прогнозные ресурсы которого оцениваются в 576 млн. тонн нефти. Проект осуществляется совместно с компанией Eni [18].

Большинство случаев антропогенного загрязнения морской поверхности Черного моря представляет собой утечки и сбросы с судов вод, которые содержат нефтепродукты. Выделяют три основных типа таких загрязнений в зависимости от их локации: 1) загрязнения в проливах и на участках акватории вблизи входа в проливы; 2) загрязнения на якорных стоянках; 3) загрязнения вдоль основных судоходных трасс в открытой части моря. Суда часто сбрасывают загрязнённые воды в движении. Например, в июне 2011 года был зафиксирован значительный сброс таких вод в восточной части Черного моря с общей площадью сброса в 14,7 км². Возможной причиной такого сброса является промывка танков в открытом море после перевозки нефтепродуктов, растительных масел и других веществ [11, 19, 20].

Среди источников антропогенного загрязнения Черного моря следует также выделить речной сток, сточные воды и утечки минеральных и органических веществ из населенных пунктов и промышленных предприятий. В период выпадения ливневых осадков в предгорьях Кавказа с речным стоком в море попадают удобрения, нефтепродукты, бытовые и промышленные отходы [11, 19, 21].

Разведка и эксплуатация нефтяных месторождений в Каспийском море, а также естественные выходы нефти на морскую поверхность со дна моря являются наиболее существенными источниками загрязнения поверхности моря. Промышленное освоение нефтегазовых ресурсов Каспия ввиду разработки недавно открытых очень крупных месторождений нефти, а также её транспортировки на мировые рынки становится основным источником антропогенного воздействия на окружающую среду Каспийского моря [22–25].

Основная транспортировка нефти осуществляется через морской порт Актау

(Казахстан) до порта Баку (Азербайджан) и порта Махачкала (Россия). В рамках проектируемой Казахстанской каспийской системы транспортировки планируется расширение танкерных перевозок нефти с восточного побережья Каспия (месторождение Кашаган) на западное до нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан. Нефтяные танкерные перевозки несут в себе большую степень опасности для окружающей среды. Интенсификация использования водных путей повышает вероятность аварий на море и уменьшает безопасность перевозок. Аварии на нефтяных платформах и судах всегда приводят к масштабному загрязнению акватории и прибрежных территорий и массовой гибели флоры и фауны [25].

Ледовые явления осложняют работу на шельфе Северного Каспия. Здесь в суровые зимы акватория моря может сплошь замерзнуть на 3–4 месяца с декабря по март с толщиной льда 60–100 см. Данный фактор требует применения особых конструктивных решений для различного рода сооружений. Особую опасность представляет собой дрейфующий лёд, что требует особого внимания к ледовой защите платформ и подводных трубопроводов [12, 25]. Кроме этого, в воды Каспийского моря через жерла грязевых вулканов в западной части Южного Каспия попадает огромное количество нефти и газа. Считается, что этот процесс интенсифицируется с усилением сейсмической активности в регионе Южного Каспия [12].

ПРОЕКТ ПО ВЫРАБОТКЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ ЦУР14 НА ЮЖНЫХ МОРЕХ РОССИИ

Необходимость обеспечить сбалансированность устойчивого развития применительно к рациональному использованию морских ресурсов требует комплексного подхода к решению задач, входящих

в ЦУР14. С 2018 года в Институте океанологии им. П.П. Шишова РАН выполняется проект «Цель устойчивого развития 14 Повестки-2030 — «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития» — в южных приморских регионах России». Проект осуществляется по государственному заданию № 0149–2018–0024 в рамках программы Президиума РАН №52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов». Целью работы является выработка рекомендаций для выполнения основных задач ЦУР14 на южных морях России. Для достижения поставленной цели будут собраны и проанализированы материалы по различным видам работ, проводимых в прибрежной зоне и акваториях Азовского, Чёрного и Каспийского морей, которые соответствуют задачам ЦУР14. На основе проведенного анализа будет сделана оценка эффективности этих работ, определены их достоинства и недостатки. По доступной информации будет проведено сравнение с аналогичными работами, выполняемыми зарубежными странами в других морях и Мировом океане.

Методами решения поставленных задач будут обзоры существующих работ и их результатов по решению отдельных задач ЦУР14 организациями прибрежной зоны Юга России, анализ хозяйственной деятельности на приморских территориях и прилегающих акваториях, изучение опыта мореведческих организаций Южного федерального округа (ЮФО), сбор конкретной информации по решению задач ЦУР14 в приморских регионах ЮФО, анализ опыта прибрежных зарубежных стран в решении проблем прибрежных зон. Полученная информация будет обобщена, проанализирована и представлена в виде рекоменда-

ций по решению проблем для достижения ЦУР14 в приморских регионах ЮФО.

Новизна и важность данного проекта состоит в том, что задачи устойчивого развития приморских территорий в свете Повестки 2030 до настоящего времени не рассматривались с фундаментальной точки зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение океанов и морей для человечества огромно. От морей издревле зависело торговое взаимодействие между странами, обеспечение продовольствием, а значит и сама жизнь людей. В настоящее время ничего не изменилось: человечество по-прежнему зависит от океанов и морей, от их благополучного экологического статуса. Жизнедеятельность более трех миллиардов человек зависит от ресурсов и биоразнообразия морских и прибрежных районов. Океаны содействуют нейтрализации последствий глобального потепления, так как они поглощают около 30% производимого людьми углекислого газа. Более 2,6 миллиарда человек полностью зависят от океанов как основных источников белка. Морские рыбные запасы, непосредственно или косвенно, обеспечивают занятость более 200 миллионов человек. Вместе с этим, до 40% Мирового океана считаются «сильно пострадавшими» в результате деятельности человека, в том числе от загрязнения, истощения рыбных запасов и потери прибрежных мест обитания [26].

Все более интенсивное использование морской среды неизбежно приводит к конфликтам интересов: например, развитие нефтегазовой отрасли, усиливая экономику, может одновременно нанести значительный вред окружающей среде. Для устранения таких противоречий и обеспечения рационального использования и защиты морской среды наряду с комплексным управлением прибрежными зонами [27] используют

морское пространственное планирование (МПП; Marine Spatial Planning, MSP). МПП считается основным инструментом для разрешения конфликтов, возникающих в сфере всё возрастающего использования морей и океанов. В процессе МПП проводится анализ существующих и планируемых видов деятельности, связанных с морской средой для сбалансированного достижения экономических, социальных и экологических целей [28]. В России МПП развито еще не достаточно [29], препятствием чему является отсутствие законодательной базы, регламентирующей МПП.

Южные моря России имеют важнейшее значение для развития экономики, инфраструктуры, судоходства, туризма в Российской Федерации. Климатические, экологические и техногенные вызовы современности усложняют выполнение задач по устойчивому развитию и рациональному использованию морских ресурсов. Для эффективного решения таких задач необходим комплексный подход, а также взаимодействие между учеными, представителями властей, природоохранными организациями, представителями бизнеса, портовых и мореходных служб.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках проекта «Цель устойчивого развития 14 Повестки-2030 — "Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития" — в южных приморских регионах России» Программы

фундаментальных исследований Президиума РАН №52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» по госзаданию № 0149–2018–0024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения 17.01.18).
2. Повестка дня в области устойчивого развития URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 17.01.18).
3. IPCC 2013. Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Stocker, T.F., D. Qin, G.-K. Plattner, M. Tignor, S.K. Allen, J. Boschung, A. Nauels, Y. Xia, V. Bex and P.M. Midgley (eds.)]. Cambridge: Cambridge University Press; United Kingdom and New York, NY: USA; 2013. 1535 p.
4. Nellemann, C., Hain, S. and Alder, J. (eds). In Dead Water — Merging of climate change with pollution, over-harvest, and infestations in the world's fishing grounds, United Nations Environment Programme: GRID-Arendal; 2008.
5. Катцов В.М., Семенов С.М. (Ред.). Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Москва: ИГКЭ; 2014. 1009 с.
6. Костяной А.Г., Гинзбург А.И., Лебедев С.А., Шеремет Н.А. Южные моря России. В кн.: Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации, (Ред.) С.М. Семенов, В.М. Катцов. Москва: ИГКЭ; 2014. 644–683.
7. Костяной А.Г. Изменения климата и их последствия для России. В кн.: Современная

- мировая политика. Москва: Дашков и К.; 2018. с. 108–138.
8. Lebedev S.A., Kostianoy A.G., Bedanokov M.K., Akhsalba A.K., Berzegova R.B., Kravchenko P.N. Climate changes of the temperature of the surface and level of the Black Sea by the data of remote sensing at the coast of the Krasnodar Krai and Republic of Abkhazia. *Ecologica Montenegrina*. 2017;14:14–20.
 9. Kostianoy A.G., Serykh I.V., Ekba Ya.A., Kravchenko P.N. Climate variability of extreme air temperature events in the Eastern Black Sea. *Ecologica Montenegrina*. 2017;14:21–29.
 10. Лаврова О.Ю., Костяной А.Г., Лебедев С.А., Митягина М.И., Гинзбург А.И., Шеремет Н.А. Комплексный спутниковый мониторинг морей России. Москва: ИКИ РАН; 2011. 470 с.
 11. Лаврова О.Ю., Митягина М.И., Костяной А.Г. Спутниковые методы выявления и мониторинга зон экологического риска морских акваторий. Москва: ИКИ РАН; 2016. 334 с.
 12. Kostianoy A.G., Zonn I.S., Kostianaia E.A. Geographic Characteristics of the Black–Caspian Seas Region - In: Oil and gas pipelines in the Black-Caspian Seas Region. (Eds.) S.S. Zhiltsov, I.S. Zonn, A.G. Kostianoy. Switzerland. Springer International Publishing AG; 2016. P. 7–36. DOI 10.1007/698_2016_462.
 13. Шиганова Т.А., Мусаева Э.И., Лукашова Т.А., Ступникова А.Н., Засько Д.Н., Анохина Л.Л., Сивкович А.Е., Гагарин В.И. и Булгакова Ю.В. Увеличение числа находок средиземноморских видов в Черном море. *Российский журнал биологических инвазий*. 2012;3:61–98.
 14. Shiganova T.A. Introduced species. In: The Black Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2008. P. 375–406.
 15. Куманцов М.И., Кузнецова Е.Н., Лапшин О.М. Комплексный подход к организации российского рыболовства на Черном море. *Современные проблемы науки и образования*. 2012;5:1–13.
 16. Karpinsky M.G., Shiganova T.A., Katunin D.N. Introduced species. In: The Caspian Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2005. P. 175–190.
 17. Ассоциация морских торговых портов URL: <http://www.morport.com/rus/news/document1987.shtml> (дата обращения 10.02.18).
 18. Роснефть URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/189227/> (дата обращения 10.02.18).
 19. Lavrova O.Yu., Mityagina M.I., Kostianoy A.G., Stochkov M. Satellite Monitoring of the Black Sea Ecological Risk Areas. *Ecologica Montenegrina*. 2017;14:1–13.
 20. Carpenter A., Kostianoy A.G. (Eds.) Oil pollution in the Black Sea. Berlin: Springer; 2019. P. 34–45.
 21. Zonn I.S., Fashchuk D.Ya., Ryabinin A.I. Environmental Issues of the Black Sea. In: The Black Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev, Berlin: Springer; 2008. P. 407–421.
 22. Korshenko A., Gul A.G. Pollution of the Caspian Sea. In: The Caspian Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2005. P. 109–142.
 23. Zonn I.S. Environmental issues of the Caspian. In: The Caspian Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2005. P. 223–242.
 24. Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kostianoy A.G. (Eds.) Oil and gas pipelines in the Black–Caspian Seas Region. Switzerland: Springer International Publishing AG; 2016. 288 pp. DOI 10.1007/978–3–319–43908–2.
 25. Zonn I.S., Kostianoy A.G. Environmental risks in production and transportation of hydrocarbons in the Caspian-Black Sea Region. In: Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas Region. (Eds.) S.S. Zhiltsov, I.S. Zonn, A.G. Kostianoy, Berlin: Springer; 2016. P. 211–224.
 26. Цель 14: Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в

интересах устойчивого развития URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/issues/planet/oceans/> (дата обращения: 15.02.18).

27. Mikhaylichenko Yu.G. Development of an integrated coastal zone management system for the Black and Caspian seas. *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*. 2006;11(3):521–537.

REFERENCES

1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly resolution dated September 25, 2015 URL: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (accessed 17 January 2018). (In Russ.)
2. Agenda for sustainable development URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (accessed 17 January 2018). (In Russ.)
3. IPCC 2013. Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Stocker, T.F., D. Qin, G.-K. Plattner, M. Tignor, S.K. Allen, J. Boschung, A. Nauels, Y. Xia, V. Bex and P.M. Midgley (eds.)]. Cambridge: Cambridge University Press; United Kingdom and New York, NY: USA; 2013. 1535 p.
4. Nellemann, C., Hain, S. and Alder, J. (eds). In Dead Water — Merging of climate change with pollution, over-harvest, and infestations in the world's fishing grounds, United Nations Environment Programme: GRID-Arendal; 2008.
5. Katsov V.M., Semenov S.M. (Eds.) The second assessment report of Roshydromet on climate change and its consequences on the territory of the Russian Federation. Moscow: IGCE; 2014. 1009 p. (In Russ.)
6. Kostianoy A.G., Ginzburg A.I., Lebedev S.A., Sheremet N.A. Southern seas of Russia. In: The second assessment report of Roshydromet on climate change and its consequences on the territory of the Russian Federation. (Eds.) S.M. Semenov, V.M. Katsov. Moscow: IGCE; 2014. P. 644–683. (In Russ.)
7. Kostianoy A.G. Climate change and its consequences for Russia. In: Contemporary world politics. Moscow: Daskov&Ko; 2018, p. 108–138. (In Russ.)
8. Lebedev S.A., Kostianoy A.G., Bedanokov M.K., Akhsalba A.K., Berzegova R.B., Kravchenko P.N. Climate changes of the temperature of the surface and level of the Black Sea by the data of remote sensing at the coast of the Krasnodar Krai and Republic of Abkhazia. *Ecologica Montenegrina*. 2017;14:14–20.
9. Kostianoy A.G., Serykh I.V., Ekba Ya.A., Kravchenko P.N. Climate variability of extreme air temperature events in the Eastern Black Sea. *Ecologica Montenegrina*. 2017;14:21–29.
10. Lavrova O.Yu., Kostianoy A.G., Lebedev S.A., Mityagina M.I., Ginzburg A.I., Sheremet N.A. Integrated satellite monitoring of the seas in Russia. Moscow: IKI RAN; 2011. p. 470. (In Russ.)
11. Lavrova O.Yu., Mityagina M.I., Kostianoy A.G. Satellite methods of detection and monitoring of ecological risk zones of marine areas. Moscow: IKI RAN; 2016. p. 334. (In Russ.)
12. Kostianoy A.G., Zonn I.S., Kostianaia E.A. Geographic Characteristics of the Black-Caspian Seas Region - In: Oil and gas pipelines in the Black-Caspian Seas Region. (Eds.) S.S. Zhiltsov, I.S. Zonn, A.G. Kostianoy. Switzerland. Springer International Publishing AG; 2016. P. 7–36. DOI 10.1007/978_2016_462.

30. Shiganova T.A., Musaeva E.I., Lukashova T.A., Stupnikova A.N., Zasko D.N., Anokhina L.L., Sivkovich A.E., Gagarin V.I., Bulgakova Yu.V. Increase in the number of occurrence of Mediterranean species in the Black Sea. *Russian journal of biological invasions*, 2012;3:61–98. (In Russ.)
1. Shiganova T.A. Introduced species. In: The Black Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2008. P. 375–406.
2. Kumantsov M.I., Kuznetsova E.N., Lapshin O.M. Integrated approach to the management of Russian fishing in the Black Sea. *Contemporary problems of science and education*. 2012;5:1–13. (In Russ.)
3. Karpinsky M.G., Shiganova T.A., Katunin D.N. Introduced species. In: The Caspian Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2005. P. 175–190.
4. Association of sea trading ports URL: <http://www.morport.com/rus/news/document1987.shtml> (accessed 10 February 2018). (In Russ.)
5. Rosneft URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/189227/> (accessed 10 February 2018). (In Russ.)
6. Lavrova O.Yu., Mityagina M.I., Kostianoy A.G., Storchkov M. Satellite Monitoring of the Black Sea Ecological Risk Areas. *Ecologica Montenegrina*. 2017;14:1–13.
7. Carpenter A., Kostianoy A.G. (Eds.) Oil pollution in the Black Sea. Berlin: Springer; 2019. P. 34–45.
8. Zonn I.S., Fashchuk D.Ya., Ryabinin A.I. Environmental Issues of the Black Sea. In: The Black Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev, Berlin: Springer; 2008. P. 407–421.
9. Korshenko A., Gul A.G. Pollution of the Caspian Sea. In: The Caspian Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2005. P. 109–142.
10. Zonn I.S. Environmental issues of the Caspian. In: The Caspian Sea Environment (Eds.) A.G. Kostianoy and A.N. Kosarev. Berlin: Springer; 2005. P. 223–242.
11. Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kostianoy A.G. (Eds.) Oil and gas pipelines in the Black-Caspian Seas Region. Switzerland: Springer International Publishing AG; 2016. 288 pp. DOI 10.1007/978-3-319-43908-2.
12. Zonn I.S., Kostianoy A.G. Environmental risks in production and transportation of hydrocarbons in the Caspian-Black Sea Region. In: Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas Region. (Eds.) S.S. Zhiltsov, I.S. Zonn, A.G. Kostianoy, Berlin: Springer; 2016. P. 211–224.
13. Goal 14. Conserve and sustainably use the oceans, seas and marine resources for sustainable development URL: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/issues/planet/oceans/> (accessed 15 February 2018). (In Russ.)
14. Mikhaylichenko Yu.G. Development of an integrated coastal zone management system for the Black and Caspian seas. *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*. 2006;11(3):521–537.
15. Schubert, M., Marine Spatial Planning. In: Handbook on Marine Environment Protection. (Eds.) Markus Salomon, Till Markus. Berlin: Springer; 2018. P. 1013–1024.
16. Mikhailova E. Process of marine spatial planning in the world, countries of the Baltic region and in Russia. Saint-Petersburg: Overview of practices; 2017. p. 17. (In Russ.)

Статья получена 02.03.2018

Received 02.03.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей М. Шаповалов, кандидат физико-математических наук, руководитель Научно-координационного океанологического центра Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия, 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 36;

smschap@ocean.ru

Евгения А. Костяная, научный сотрудник Научно-координационного океанологического центра Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия, 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 36;

evgeniia.kostianaia@gmail.com

Sergey M. Shapovalov, Candidate of physico-mathematical sciences, Head of Scientific-Coordination Oceanological Center, Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 36, Nakhimovsky Pr., Moscow, 117997, Russia;

smschap@ocean.ru

Evgeniia A. Kostianaia, MSc in Environmental Policy and Management, Researcher at Scientific-Coordination Oceanological Center, Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 36, Nakhimovsky Pr., Moscow, 117997, Russia;

evgeniia.kostianaia@gmail.com

Результаты «поворота» на восток в контексте введения новых антироссийских санкций

Юлия М. Борисова

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва Россия,

yuliya.deryabina@gmail.com

Аннотация: С момента введения антироссийских санкций и обозначенного разворота внешней политики России в сторону Азии прошло уже более трех лет и можно говорить о первых результатах подобной стратегии. Приоритетом на этом направлении для России является Китай, вторая экономика мира, отношения с которой находятся на высоком уровне. Лидеры России и Китая неоднократно подчеркивали значимость двустороннего стратегического сотрудничества. Одновременно с поворотом России на Восток, Китай совершил «поворот на Запад»: провозгласил флагманскую стратегическую инициативу «Один пояс — один путь», нацеленную на развитие глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры в Евразии. Россия — естественный партнер и участник инициативы, уже приняло решение о сотрудничестве по сопряжению строительства Экономического Шелкового пути и формирования ЕАЭС.

Однако политические отношения не всегда трансформируются в положительные показатели в сфере экономики и торговли. Проекты-локомотивы госкомпаний, в согласовании и утверждении которых принимали участие первые лица, начали реализовываться. В то же время, основная масса предпринимателей, нацеленных на китайский рынок, вынуждена справляться с естественными сложностями самостоятельно.

Важной проблемой остается и ассиметричное развитие экономик двух стран. Высокие темпы экономических преобразований требуют обеспечения ресурсами, которые Китай приобретает по всему миру. Также Пекин рассматривает Россию в качестве поставщика сырья. Россия, в свою очередь, несмотря на попытки реформативизировать экономику на основе несырьевой модели, пока не достигла в этом значительных успехов. Это отражается и на структуре товарооборота двух стран: основу российского экспорта составляет сырье, древесина, Китай же экспортирует машины и оборудование, продукты химической промышленности, одежду и обувь.

Усиление восточного вектора подразумевает развитие отношений не только с Китаем, но и с другими азиатскими странами. Определенный прогресс достигнут в отношениях с Японией, Кореей, Вьетнамом. Однако, торгово-экономические связи с этими азиатскими государствами недостаточно активны.

Ключевые слова: Россия, Восток, Китай, торговля, внешняя политика

Для цитирования: Борисова Ю. М. Результаты «поворота» на восток в контексте введения новых антироссийских санкций. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):50–58. DOI: 10.24975/2313–8920–2018–5–1–50–58.

Russian Turn to East on the Back of the New Anti-Russian Sanctions

Yuliya M. Borisova

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
yuliya.deryabina@gmail.com*

Abstract: It has been three years since the impose of anti-Russian sanctions and claimed turn to the East. It is possible to sum up some results of this politics already. Top-priority in such circumstances is China, world's second large economy; Russian-Chinese relations “are now the best ever”. Leaders of both countries have focused on the importance of maintaining strategic partnership multiple times. While Russia turned to The East, China also chose turn to the West by declaring global “One belt — One road” initiative for development of worldwide transport and investment infrastructure in Eurasia. Moscow is the partnership of the Initiative. It was decided to cooperate in frames of Eurasian Economic Union (EAEU) and Silk Road Economic Belt. However, such a high level of political communication cannot guarantee the same results in bilateral trade and economic relations. Main projects, which were agreed with the involvement of the top-officials, are in progress. Businessmen mostly have to handle with all the problems to enter new Chinese market by themselves. In addition, despite all the efforts Russia is still not developing the same good connection with other Asian countries, except Japan, South Korea and Vietnam.

Keywords: Russia, East, China, trade, foreign policy

For citation: Borisova Y. M. Russian Turn to East on the Back of the New Anti-Russian Sanctions. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):50–58. DOI: 10.24975/2313–8920–2018–5–1–50–58.

ВВЕДЕНИЕ

В начале ноября 2017 г. администрация Дональда Трампа объявила о введении новых антироссийских санкций, направленных против российских компаний, занимающихся глубоководными, арктическими и сланцевыми проектами. Заместитель министра иностранных дел РФ Сергей Рябков заявил, что Кремль сожалеет о продолжении попыток лидера американского государства ока-

зать какое-либо давление на Россию. По словам Рябкова, введение новых санкционных ограничений и совершение попыток достигнуть смены российского курса не стали неожиданностью для Москвы, несмотря на то, что вызвали «глубокую озабоченность» [1].

Когда три года назад впервые было объявлено о введении санкционного режима в отношении России, Москва ответила

переориентацией торгово-экономической активности на азиатское направление. Эта политика получила название «поворота на Восток», а ее основа была заложена еще в преддверии саммита АТЭС в 2012 году. Естественным ориентиром в рамках выбранного курса стал Китай, партнер России и вторая экономика мира. В своей предвыборной статье в феврале 2012 года Владимир Путин отметил, что России представилась возможность направить «китайский ветер» в паруса российской экономики.

ПОВОРОТ НА ВОСТОК И ПОВОРОТ НА ЗАПАД

Если Москва рассматривает усиление сотрудничества с Пекином как возможность для диверсификации рынков и привлечения китайских инвестиций и кредитов. США видят укрепление китайского влияния как вызов или даже угрозу, которую необходимо либо нейтрализовать, либо привлечь к самому тесному взаимодействию. Китай, по заявлению Хиллари Клинтон в период ее руководства внешнеполитическим ведомством США «представляет собой один из самых сложных и значимых в плане последствий вариантов двусторонних отношений, с которыми США когда-либо приходилось иметь дело». Новый фокус в политике США включал в себя 6 тезисов, в том числе укрепление традиционных альянсов безопасности, создание новых партнерств с восходящими державами (и речь здесь в первую очередь не о Китае) и традиционное продвижение демократии и прав человека.

Для России акцентирование азиатского вектора стало компонентом новой, прагматической парадигмы внешней политики. Россия, прежде всего, стремится получить привлекательные экономические возможности от сотрудничества со странами Азии и с Китаем.

В неэнергетической сфере Россия ведет с Китаем 73 больших проекта, из которых реализуются 17 на сумму 15 млрд. долларов. Ожидается запуск строительства масштабного инфраструктурного проекта — высокоскоростной магистрали Москва — Пекин. Уже согласовано строительство двух мостов через Амур: автомобильного в Благовещенске и железнодорожного в ЕАО в районе Нижнеленинское — Тунцзян. Роскосмос и Государственное космическое управление КНР подписали программу развития сотрудничества в космической сфере на 2018–2022 годы. Соглашение предусматривает сотрудничество в сфере ракетной и двигателестроения, зондирования Луны и Марса, а также исследования дальнего космоса и в других областях.

В энергетическом секторе таких проектов значительно больше. Согласно контракту, подписанному 21 мая 2014 года между «Газпромом» и CNPC российская сторона стоит магистральный газопровод для поставок газа из Якутии в Приморский край и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Уже построено 1520 км газопровода, т.е. две трети всей протяженности линейной части газопровода от Чаандинского месторождения. Состоялась историческая сделка ГК «Роснефть» и китайского концерна CNPC на поставку 325 млн. тонн нефти. Китай является крупным акционером в одном из значимых российских проектов «Ямал СПГ» с 20% акций, первая партия сжиженного газа из порта Сабетта для CNPC была передана в конце 2017 года. Фонд Шелкового пути приобрел 10% в химическом холдинге «Сибур», что стало самой большой китайской инвестицией в 2016 году. Сумма сделки составила более 1 млрд. долларов. Ранее в 2015 году такую же долю в компании выкупила китайская компания Sinopec.

Официальные лица двух стран не раз отмечали, что сотрудничество России и Ки-

тая сегодня являются наилучшими за всю историю и продолжают поступательно развиваться. Политическое взаимодействие России и Китая развивается в том же формате. Китай последовательно поддерживает Россию по ключевым вопросам международной повестки: сирийское урегулирование, подход России к урегулированию украинского кризиса, одинаково с Россией понимает важность создания многополярного мира, альтернативного доминированию США.

Однако практически одновременно с поворотом России на Восток, Китай начал активно развивать политику на западном направлении [2]. Такой внешнеполитический курс отчасти продиктован активностью США в Азии. В свою очередь, России и Китаю было выгодно перейти на новый уровень взаимодействия, однако цели и потенциальный результат политики двух стран различаются.

Стремление России развивать экономические и политические отношения с Китаем, без учета введения антироссийских санкций, — следствие укрепления Китая на мировой арене и территориальной близости двух стран. Сегодня Китай — локомотив мировой экономики с приростом ВВП в 2016 году на 6,7 %, который составил 11,3 триллиона долларов США [3]. Опасность замедления экономического роста КНР и влияние этого фактора на мировую экономику и, конкретно, Россию существует, но китайское руководство старается превратить стремительный рост в рост качественный — посредством экономических и финансовых реформ, еще большего открытия рынка для внешних инвесторов. Об этом на XIX съезде КПК заявил Председатель Си Цзиньпинь [4].

Москва и Пекин продолжают подчеркивать значимость стратегического партнерства двух стран. В этом году Владимир

Путин и Си Цзиньпин встречались 4 раза, в том числе в рамках официальных визитов в Москву и Пекин. Лидеры поддерживают друг друга по целому ряду вопросов международной повестки. Китай воздерживается от явной критики в адрес России, которая, в свою очередь, не акцентирует внимание на проблеме территориальных споров Китая, в том числе в Южно-Китайском море, где Китай и Вьетнам, еще один важный партнер России в регионе, оспаривают друг у друга ряд территорий. В рамках встреч лидеров двух государств ведется обсуждение процесса урегулирования на Корейском полуострове (Москва и Пекин готовы продвигать консолидированную позицию). Консенсус между двумя странами есть по ситуации в Сирии, в сфере борьбы с терроризмом, а главное — в рамках формирования нового типа отношений между нациями на основе взаимовыгодного сотрудничества, по сути — речь о создании многополярного мира, в котором будет заметно ослаблена лидирующая роль США.

Россия декларирует поддержку китайской глобальной инициативы «Один пояс — один путь» и сопряжение этих двух флагманских проектов. Реализация данной концепции призвана обеспечить связь между Китаем и Европой преимущественно через страны Центральной Азии, развитие инфраструктурных проектов, снятие торговых и инвестиционных балансов вдоль всего пояса Экономического пути, формирование экономических коридоров, создание ключевых индустриальных кластеров вдоль маршрута. Главы двух государств поставили задачу по увеличению к 2020 году объема двустороннего товарооборота до 200 млрд. долларов, а объема китайских прямых инвестиций в экономику России — до 12 млрд. [5]. Однако серьезный уровень поддержки политических контактов лидеров двух стран не является

гарантией ускоренного развития экономического сотрудничества.

По данным ФТС России, в 2016 году товарооборот двух стран составил 66 млрд. долларов. В структуре экспорта России в Китай в 2016 году основная доля поставок пришлась на сырье (66,72% от всего объема экспорта России в Китай), древесину и целлюлозно-бумажные изделия (12,15%), машины, оборудование и транспортные средства (6,94%); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (5,78%) продукция химической промышленности (5,13%); металлы и изделия из них (0,75%).

Импорт России из Китая был представлен: машинами, оборудованием и транспортными средствами (58,65% от всего объема импорта России из Китая); текстилем и обувью (11,38%); продукцией химической промышленности (9,43%); металлами и изделиями из них (6,71%); продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем (4,26%); древесиной и целлюлозно-бумажными изделиями (1,03%) [6].

Россия и Китай сотрудничают в энергетическом секторе. Среди них следует отметить такие проекты как: сделка «Сибура» и Синорес, строительство Ямал СПГ и трубопровода «Силы Сибири». Для сравнения: в ходе государственного визита президента США Дональда Трампа в Китай был подписан целый ряд соглашений на сумму 253 млрд. долларов.

Несмотря на высокий уровень политического взаимодействия — стратегическое партнерство, у российских компания нет привилегированных условий доступа к китайским кредитам и рынкам. Подобных договоренностей удалось достигнуть только ряду госкомпаний или крупных бизнесменов. Способность использовать политический ресурс ограничена и далеко не все предприниматели имеют возможность ей

воспользоваться. Пекин находится в более выгодном положении и готов сотрудничать с российскими компаниями исключительно на рыночных условиях.

Российские бизнесмены, как и при выходе на любой другой иностранный рынок, должны самостоятельно прорабатывать механизм и условия взаимодействия с китайскими партнерами. Несмотря на наличие институтов, призванных облегчить эту задачу для предпринимателей, таких как Российский экспортный центр, торговые представительства Минэкономразвития и Торгово-промышленная палата, основную нагрузку по формированию и реализации стратегии на китайском рынке бизнесмены несут сами.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ПЕКИНОМ

Одним из инструментов повышения интереса к региону со стороны азиатских партнеров является ежегодный Восточный экономический форум, который проводится во Владивостоке. Его основная цель — привлечение инвестиций в регион. Важнейшим эффектом от «поворота на Восток» должно стать развитие Дальнего Востока и Сибири. Это подчеркнул президент России Владимир Путин, отметив, что «для России развитие Дальнего Востока является национальным приоритетом XXI века. Надеемся, что иностранные партнеры — прежде всего, из экономик АТЭС — будут активно подключаться к реализации этих программ и проектов» [7]. Созданы 18 территорий опережающего развития, порт Владивостока получил статус порто-франко, создан Фонд развития Дальнего Востока.

В тоже время, Москве необходимо обратить особенное внимание на развитие отношений с другими азиатскими партнерами. Сегодня этим отношениям свойственна инерция и тенденция к краткосрочной выгоде. Непонимание и незнание особенно-

стей работы друг с другом пока является одним из основных препятствий к развитию экономических связей в Азии, выходу на новые рынки [8].

Определенных успехов удалось добиться в работе с корейскими, японскими, индийскими, вьетнамскими партнерами на двусторонней основе. Важно подчеркнуть, что Москве удастся балансировать и поддерживать активные отношения с теми государствами, которые друг к другу относятся зачастую крайне нетерпимо. Так, например, Япония изначально рассматривалась как приоритетное направление благодаря своему уровню развития технологий. Однако поддержка Токио введения антироссийских санкций и болезненная тема Курильских островов являются серьезными препятствиями для полноценного развития торгово-экономических связей, даже несмотря на интерес японской стороны. Тем не менее, можно говорить о сохранении интереса к расширению присутствия на российском энергетическом рынке, желание выхода на дополнительные внешние рынки с учетом стагнации японской экономики.

Аналогичная ситуация наблюдается в отношениях с Кореей, которая является активным импортером природного газа из России, проявляет интерес к сельскохозяйственным и другим проектами на Дальнем Востоке, опасается установления здесь доминирующего влияния Китая в регионе. Однако товарооборот двух стран за последние 2 года снизился на 45%, Сеул не одобряет «мягкую» позицию Москвы в отношении санкции против КНДР, а Россия обеспокоена размещением новых американских баз на территории Кореи.

В целом двусторонние отношения со странами-членами АСЕАН развиваются положительно и рассматриваются в качестве приоритета российской внешней политики. Если двусторонние отношения со страна-

ми-членами АСЕАН удастся выстраивать конструктивно, то взаимодействие России с АСЕАН в целом традиционно не рассматривалось в качестве приоритета. В соответствии с Концепцией внешней политики РФ, утвержденной в 2016 г., «Россия стремится к укреплению комплексного, имеющего долгосрочный характер диалогового партнерства с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и его выведению на уровень стратегического партнерства». Товарооборот АСЕАН с Россией составил в 2016 г. 13,6 млрд. долларов [9]. Россия заинтересована в диверсификации рынка сбыта энергоресурсов, крупнейшие покупатели газа в регионе — Индонезия, Сингапур, Вьетнам и Малайзия. Идут переговоры по развитию партнерства в сфере атомной энергетики. Однако взаимоотношения с АСЕАН являются фрагментарными в экономической сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принятие стратегического решения о переориентации на Восток ожидалось и было бы принято независимо от изменившейся политической конъюнктуры. Антироссийские санкции целесообразно рассматривать как катализатор данного процесса. Выстраивание отношений стратегического партнерства с западными государствами во многом перестали быть первоочередным приоритетом для Москвы в силу невозможности их улучшения или сохранения в прежнем виде. Эта стратегия соотносится с заявленной политикой России по изменению расстановки сил на мировой арене, переходу к модели многополярного мира, свободного от доминирования какого-либо из государств.

Можно говорить о том, что видение Большой Европы на основании взаимовыгодного и равноправного сотрудничества сменяется видением Большой Азии или Евразии.

Исторически на протяжении последних трех столетий представители российской элиты ощущали себя неотъемлемой частью европейского сообщества, несмотря на развитие Дальнего Востока и Сибири, постепенное выстраивание отношений с азиатскими партнерами. Сегодня российская сторона смещает акцент с Европы и делает фокус на Азии, развивая представление о России как центральной евразийской державе.

Важнейшую роль в этом процессе играет выстраивание отношений с Китаем, который укрепляет свои позиции не только экономического, но и политического лидера на мировой арене. Задача «пятого поколения руководителей» заключается в трансформации Китая в богатое, могущественное и модернизированное государство, влияние которого распространяется в том числе и во вне. В официальных китайских публикациях внешнеполитический курс Си Цзиньпина часто характеризуется как «дипломатия большого государства с китайской спецификой». Данное определение, «большое государство», определяет то место, которое Китай видит для себя в мире.

Россия играет значительную роль в обновленной внешней политике КНР. Будучи крупнейшим торговым партнером России, китайская сторона оказала значительную поддержку в преодолении негативных последствий антироссийских санкций. Продолжится сотрудничество двух стран в укреплении финансовых систем и развитии кибервозможностей. Оба государства также будут укреплять связи в сфере обороны, проводя совместные военные учения и осуществляя совместные проекты. Отношения стратегического партнерства также будут распространяться на совместные инициативы на других территориях. В Центральной Азии, например, Россия и Китай определили сферы влияния: Пекин сосредоточен на экономических вопросах

в регионе, а Москва концентрируется на вопросах безопасности. Усиление сотрудничества двух стран позволит оградить себя от давления США и бросить вызов стратегическим позициям Вашингтона в различных сценариях по всему миру.

В торгово-экономической сфере Россия декларирует политику открытости китайскому капиталу, обеспечив доступ китайских инвестиций в энергетику, транспорт и сельское хозяйство. По данным ЦБ РФ, Китай является вторым по величине кредитором России и одним из активнейших инвесторов; крупнейшим рынком сбыта для российской сельско-хозяйственной продукции. Россия — крупнейший поставщик нефти на китайский рынок.

Однако проблемой остается ассиметричное экономическое развитие двух стран. Российская экономика растет не такими быстрыми темпами, даже при учете снижения темпов роста китайской экономики. ВВП России составляет лишь 20% ВВП Китая. Негармонична и структура торгового оборота двух стран: доля России во внешней торговле Китая остается небольшой, тогда как Китай занимает основное место в российском импорте [10].

Экономическое сотрудничество с другими азиатскими направлениями также требует дополнительного внимания. Япония, Корея, Индия, страны АСЕАН позволяют диверсифицировать рынок сбыта российских ресурсов, сбалансировать позиции стран в регионе при увеличении мощи Китая и активизации США в АТР. Необходимо сфокусироваться по поставках ресурсоемких, энергоемких, водоемких товаров. Реализация этой задачи поможет создать новые рабочие места, повысить уровень технологий.

Россия видит в повороте на Восток не только возможность выстраивания более активного сотрудничества с азиатскими странами. Важнейшей задачей является развитие

Дальнего Востока, для того, чтобы превратить регион в территорию, где иностранным инвесторам будет комфортно работать. Стимулирование развития Дальневосточного федерального округа стало стратегическим инструментом в деле национальной инте-

грации в АТР. Для этого российское правительство уже создало льготную систему налогообложения, упростило режим административного контроля и инвестировало во множество инфраструктурных проектов на территориях опережающего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. МИД прокомментировал новые антироссийские санкции США [электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/politics/20171101/1507961562.html> (дата обращения: 2.11.2017)
2. Шпангер Х.-И. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути. *Валдайские записки*. 2016;1: 4.
3. Национальное бюро статистики КНР: Статистическое коммюнике по экономическому и социальному развитию КНР в 2016 г. [электронный ресурс] URL: http://www.stats.gov.cn/english/pressrelease/201702/t20170228_1467503.html (дата обращения: 6.11.2017)
4. Текст доклада Председателя КНР Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК. [электронный ресурс] URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 8.11.2017)
5. Королева А. Структуру товарооборота с Китаем нужно менять» [электронный ре-
- сурс] URL: <http://expert.ru/2017/08/2/rossiya-prizyivaet-kitaj-k-sovmestnomu-rostu/> (дата обращения: 8.11.2017)
6. Лузянин С.Г., Чжао Х. Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад №25/2016. Москва: Российский совет по международным делам (РСМД); 2016. С. 35.
7. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». «К великому океану — 5. От поворота на Восток к Большой Евразии». Москва: Международный дискуссионный клуб «Валдай»; 2017. С. 9.
8. Макаров И.А. «Поворот на Восток. Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. *Международные отношения*. 2016;1: 313–329.
9. Zhiltsov S.S. The Great Oil and Gas Road: First Results and Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;3–4: 63–73.
10. Zhiltsov S.S. Eurasian Integration: Problems and Development Scenarios. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;4: 7–20.

REFERENCES

1. Russian foreign ministry comments on new sanctions against Russia [available at] URL: <https://ria.ru/politics/20171101/1507961562.html> (accessed: 2.11.2017) (In Russ.)
2. Spanger H.-J. Russia's Turn Eastward, China's Turn Westward. *Valdai papers*. 2016;1: 4. (In Russ.)
3. National Bureau of Statistics of China: Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2016. National Economic and Social Development [available at] URL: http://www.stats.gov.cn/english/pressrelease/201702/t20170228_1467503.html (accessed: 6.11.2017) (In Russ.)
4. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress [available at] URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed: 8.11.2017) (In Russ.)

5. Koroleva A. The Structure Of Commodity Turnover With Russia Need To Be Changed [available at] URL: <http://expert.ru/2017/08/2/rossiya-prizyivaet-kitaj-k-sovmestnomu-rostu/> (accessed: 8.11.2017) (In Russ.)
 6. Luzyanin S.G., Zhao H., Russian–Chinese Dialogue: Model 2016: report №25/2016. Moscow: Russian International Affairs Council; 2016. p. 35. (In Russ.)
 7. The Valdai discussion Club Report, Toward The Great Ocean — 5: From The Turn To The East To Greater Eurasia. Moscow: International Discussion Club “Valdai”; 2017. p. 9. (In Russ.)
 8. Makarov I.A. Turn to the East. Developing Far East and Siberian region in terms of Russian foreign policy strengthened towards Asia. *International relations*. 2016;1: 313–329. (In Russ.)
 9. Zhiltsov S.S. The Great Oil and Gas Road: First Results and Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2015;3–4: 63–73.
 10. Zhiltsov S.S. Eurasian Integration: Problems and Development Scenarios. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;4: 7–20.
-
Статья получена 15.02.2018
Received 15.02.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия М. Борисова, аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2;
yuliya.deryabina@gmail.com

Yuliya M. Borisova, Post-Graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992;
yuliya.deryabina@gmail.com

Проблемы и перспективы сотрудничества Кыргызской Республики с ОБСЕ (военно-политические аспекты)

Рината А. Валеева

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

rinata_valeeva@mail.ru

Аннотация: С принятием Кыргызской Республики полноправным членом Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе 30 января 1992 года и подписания основополагающих документов — 8 июня 1992 года Хельсинкского Заключительного Акта и 3 июня 1994 года Парижской Хартии Европейской Безопасности, руководство Кыргызской Республики демонстрирует приверженность реализации принятых обязательств Организации, на практике взаимодействуя по всем направлениям в области военно-политического, человеческого, экономического и экологического измерений, в том числе, предоставляя площадку в стране для организации мероприятий ОБСЕ.

Рекомендации и консультативно-экспертная помощь ОБСЕ находят практическое применение во многих областях. В настоящее время между Кыргызстаном и ОБСЕ (его органами и институтами) установился высокий уровень сотрудничества, затрагивающий важные аспекты безопасности страны. Согласно мандату Центра ОБСЕ в Бишкеке деятельность в области политического и военного сотрудничества концентрируется в трех ключевых сферах: развитие политических институтов, предотвращение конфликтов и борьба с терроризмом.

На современном этапе Кыргызская Республика стремится активизировать усилия по конкретизации сотрудничества в военно-политическом направлении и политике безопасности с Организацией по Безопасности и Сотрудничеству в Европе. Политическое руководство страны, с возникновением конфликтных противоречий с руководством Организации и понижения статуса Центра ОБСЕ до Программного офиса, по-прежнему настаивает на активизации деятельности Организации в военно-политическом направлении по комплексным проблемам безопасности.

В военно-политическом направлении руководство ОБСЕ, с преобразованием статуса в Программный офис усилило взаимодействие на данном направлении, где наряду содействия военным структурам, начала оказывать консультационную и техническую помощь правоохранительным органам в контексте начатой реформы правоохранительных органов. Необходимость выстраивания новой политики по конкретизации сотрудничества между Кыргызской Республики и ОБСЕ была направлена, в первую очередь, на активизацию развития сотрудничества с Организацией в военно-политической сфере и политике безопасности, непосредственно с ее практической реализацией на основе тесного и активного взаимодействия с военными и правоохранительными органами Кыргызской Республики.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, Организация по сотрудничеству и безопасности в Европе, безопасность, военно-техническое сотрудничество

Для цитирования: Валеева Р. А. Проблемы и перспективы сотрудничества Кыргызской Республики с ОБСЕ (военно-политические аспекты). *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):59–67. DOI: 10.24975/2313–8920–2018–5–1–59–67

Problems and Perspectives of Cooperation between Kyrgyz Republic and the OSCE (Military-Political Aspects)

Rinata A. Valeeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
rinata_valeeva@mail.ru

Abstract: As a result of the Kyrgyz Republic becoming a full-fledged member of the Organization for Security and Cooperation in Europe on the 30th of January, 1992 and signing up all fundamental documents of the Helsinki Final Act on the 8th of June, 1992 and the Charter of Paris for a New Europe on the 3rd of June, 1994, the Kyrgyz Republic administration has been showing commitment to fulfill all accepted obligations of the Organization and illustrating it with cooperation at military-political, social, economical and ecological fields as well as providing a space for organizing the OSCE events at the country.

The OSCE' consultancy and expert assistance is heavily practiced in many fields. At the current moment, there is a high level of cooperation between Kyrgyzstan' government and OSCE's institutions that focuses on main aspects of the country's security. According to the mandate of the OSCE Head Office in Bishkek, any political or military cooperation should focus on three key points: development of political institutes, conflict prevention and anti-terror.

At the current stage, the Kyrgyz Republic is focused on specifying cooperation plans in military-political field and security policy with the Organization for Security and Cooperation in Europe. The political leadership of the country insists on accelerating the Organization engagement in the military-political field and multifaceted security problems, even after disagreement with the Organization's senior management and downgrading the status of the OSCE in Kyrgyzstan from the Head Office to a Program Office.

After becoming a Program Office, the OSCE senior management has intensified the cooperation in the military-political field. Apart from supporting military institute, the Organization started to provide consultancy and technical support to the law enforcement in terms of new law enforcement reforms.

The necessity to shape new cooperation plans between the Kyrgyz Republic and the OSCE were, first of all, focused on improving cooperation in military-political field and security policy, and

its' immediate implementation with close and active participation of military and law enforcement institutes of the Kyrgyz Republic.

Keywords: Kyrgyz Republic, the Organization for Security and Cooperation in Europe, Security, Military-Political Cooperation

For citation: Valeeva R. A. Problems and Perspectives of Cooperation between Kyrgyz Republic and the OSCE (Military-Political Aspects). *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):59–67. DOI: 10.24975/2313–8920–2018–5–1–59–67

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе в рамках подхода к обеспечению всеобъемлющей безопасности, политическое руководство Кыргызской Республики стремится активизировать усилия по конкретизации сотрудничества в военно-политическом направлении и политике безопасности с Организацией по Безопасности и Сотрудничеству в Европе.

В тоже время, в кыргызском руководстве и политических кругах остается ощущение, что за уникальностью подхода ОБСЕ, заявляющей и рассматривающей индикатор безопасности системно, с выходом за рамки ее военно-политического измерения и распространением содействующего мониторинга на внутриэкономическую и внутривнутриполитическую сферы государства, с одной стороны выглядит, как долговременное вмешательство во внутренние дела государства. С другой стороны — это ведет к размыванию двустороннего сотрудничества страны с Организацией на базовом направлении — непосредственно по обеспечению комплекса региональной и национальной безопасности, требующей усиления развития сотрудничества в военно-политической области, прежде всего, по причине близости потенциальных военных угроз из Афганистана. В данной ситуации, знаменательным является заявление официального представителя министерства иностранных дел Кыргызской Республики о том, что реализовавшееся понижение

с 1 мая 2017 года институционального статуса ОБСЕ в Кыргызстане в виде преобразования из Центра в Программный офис ОБСЕ было продиктовано необходимостью конкретизации дальнейшего сотрудничества, непосредственно по прямому согласованию с правительством страны.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ

Причиной понижения статуса пребывания Организации в Кыргызстане, является состоявшийся допуск к выступлению на площадку варшавского саммита БДИПЧ ОБСЕ 27 сентября 2016 года основного организатора межнационального вооруженного конфликта на юге страны в июне 2010 года Кадыржана Батырова, который находится в международном розыске. В Кыргызстане оценили это как неприемлемый факт в контексте сохранения настоящего и перспектив дальнейшего широкого формата сотрудничества с ОБСЕ в Кыргызстане.

Официальный представитель внешнеполитического ведомства страны 4 мая 2017 года отметил, что «Процесс преобразования Центр ОБСЕ в Бишкеке в Программный офис ОБСЕ был ускорен после того как была предоставлена площадка для Кадыржана Батырова в ОБСЕ. Программный офис ОБСЕ будет тесно сотрудничать с правительством Кыргызстана в вопросах определения и реализации проектов. В связи с этим, состояния с ОБСЕ на сегодня

не ухудшилась. Они также будут работать с проектами, но все свои проекты будут согласовывать с правительством Кыргызстана. Таким образом, работа ОБСЕ в КР нами была конкретизирована» [1].

Выдвинутые к руководству ОБСЕ претензии со стороны министерства иностранных дел привело к понижению статуса пребывания статуса Центра в Программный офис. Это было выполнено в кратчайшие сроки. По мнению кыргызского политолога М.Сариева, началом возникновением тенденции критического отношения и недоверия политическим руководством к деятельности ОБСЕ в Кыргызстане, стало итоговое подведение проведенной работы Международной комиссии ОБСЕ по исследованию событий на юге Кыргызстана в 2010 году. Представленные выводы не устроили власть в лице тогдашнего высшего руководящего органа — Временного правительства и парламент, не говоря о массовой критике со стороны подавляющего большинства общественности [2]. Оценка деятельности ОБСЕ, впоследствии привело к объявлению персоной нон грата руководителя комиссии Киммо Кильюнена.

Таким образом, с момента возникновения кризисных противоречий, в текущем 2017 году по причине допущения руководством ОБСЕ к трибуне БДИПЧ главного преследуемого организатора межнационального столкновения на юге страны в 2010 году Кадыржана Батырова в сентябре 2017 года, политическое руководство Кыргызской Республики выступало за активизацию конкретизацию дальнейшего двустороннего сотрудничества. В основном оно предполагалось по двум основным направлениям — военно-политическому сотрудничеству в области безопасности, представляющей, как базовое измерение в политике ОБСЕ и человеческому измерению. По словам кыргызского политолога М. Казакпаева, «...с упором на

сотрудничество прежде всего, с Миссией международного наблюдения ОБСЕ, с учетом состоявшейся успешной апробации внедрения биометрической технологии на двух последних выборах в Кыргызстане, парламентских в октябре 2015 года и президентских в октябре 2017 года» [3].

В контексте заявленной внешнеполитическим руководством политики конкретизации по сотрудничеству с ОБСЕ, кыргызская сторона по вопросу активизации наполнения сотрудничества в военно-политической сфере, начала действовать еще с 2012 года, т.е. еще до преобразования статуса Организации в Кыргызстане в Программный офис.

НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА

Основой для нового этапа сотрудничества с ОБСЕ в военно-политическом измерении и политике безопасности по замыслу обеих сторон, стало подписание нового соглашения о сотрудничестве между Министерством обороны КР и Центром ОБСЕ в городе Бишкеке от 22 июня 2015 года. Суть данного соглашения состоит в новой организации предоставления практической целевой экспертно-консультационной и технической помощи ОБСЕ вооруженным силам Кыргызской Республики, с целью содействия по укреплению военного потенциала страны.

В документе была выражена политическая поддержка проектным усилиям Организации по сотрудничеству в области безопасности, с целью повышения уровня взаимодействия с государственными и военными органами Кыргызской Республики, осуществляющими укрепление обороны и безопасности, а также противодействие терроризму. Затем, 10 июля 2015 года было подписано профильное соглашение между министерством обороны и Национальной гвардией и ОБСЕ в области противодей-

ствия терроризму и контролю над вооружениями. Соглашение, также должно было способствовать эффективному осуществлению совместных мероприятий в области борьбы с терроризмом и контроля над вооружениями. На церемонии подписания соглашения, в своем выступлении послом ОБСЕ в Кыргызской Республике, главой Центра ОБСЕ в Бишкеке Сергеем Капиносом было заявлено: «Сегодня терроризм является глобальной угрозой цивилизованному человечеству. Социальное, политическое, психологическое воздействие терроризма очень велико и имеет огромный дестабилизирующий потенциал. Терроризм не имеет ни национальной, ни религиозной принадлежности и представляет собой одну из наиболее серьёзных угроз для стран-участниц ОБСЕ в целом и стран Центрально-Азиатского региона в частности» [4]. Кроме того, послом ОБСЕ в Кыргызской Республике была выражена позиция Организации в рамках содействия по борьбе с терроризмом: «Мировой терроризм не может быть подавлен усилиями одного государства, и это должно рассматриваться всеми цивилизованными странами при активной конструктивной помощи со стороны ведущих международных организаций в качестве одной из первостепенных задач в рамках тесного международного сотрудничества. Одним из фундаментальных условий эффективного взаимодействия по обеспечению безопасности и правопорядка в обществе является формирование современной правовой базы, которая должна отражать международный опыт, принципы и нормы. Уверен, что подписание сегодняшних соглашений послужит толчком к долгосрочному, тесному и плодотворному сотрудничеству в обеспечении эффективной борьбы с терроризмом и контролю над вооружениями».

В русле подписанных двух соглашений, в июле 2015 года между министерством обо-

роны и ОБСЕ также было подписано соглашение по реализации проекта Организации «Совершенствование национальной нормативной правовой базы по управлению легким стрелковым оружием и запасами обычных боеприпасов в Кыргызской Республике».

Еще до вышеназванных подписанных соглашений, в рамках Меморандума о взаимопонимании между ОБСЕ и Правительством Кыргызской Республики от 26 января 2015 года, Центром ОБСЕ в Бишкеке и его Программным офисом в г. Ош в январе-феврале 2015 года были проведены тренинги по вопросу реализации программы по созданию электронной базы данных для автоматизированного управления, ведения учета и отслеживания запасов легкого стрелкового оружия и обычных боеприпасов (ЛСО и ОБ) для личного состава Вооруженных Сил Кыргызской Республики.

Данные тренинги ОБСЕ были организованы для военнослужащих министерства обороны, пограничной службы и Национальной гвардии в два этапа — с 26 по 30 января и с 24 по 28 февраля 2015 года, непосредственно работающих с запасами легкого стрелкового оружия и обычных боеприпасов. Во время тренингов участники были обучены навыкам эксплуатации автоматизированного программного обеспечения.

В начале 2016 года в рамках проекта содействия ОБСЕ правительству по вопросу оптимизации повышения системы обеспечения пограничной безопасности Кыргызской Республики и управления границами в г. Ош был создан и оборудован ресурсный центр по управлению границами и работы правительственной делегации по вопросу делимитации и демаркации государственной границы и ведения переговоров. Ранее в октябре и ноябре 2012 года, руководство Организации в рамках расширения программной деятельности в области военно-политического измерения, практически

первой из международных организаций после политических событий в апреле 2010 года, оказала техническое содействие Временному правительству через бишкекский Центр ОБСЕ по проведению широкомасштабных командно-штабных учений по разблокированию ситуации, связанной со сценарием захватом заложников в Ошской области и зоне Орто-Токойского водохранилища. В учениях также приняли участие и правоохранительные структуры МВД, ГСИН и ГКНБ, с задачей достижения необходимых скоординированных и слаженных действий с военными органами и министерством чрезвычайных ситуаций.

ПОСЛЕДНИЕ ПЕРЕГОВОРЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В ходе визита в Кыргызстан в апреле 2016 года, председателя ОБСЕ, министра иностранных дел Германии Франк-Вальтера Штайнмайера в ходе совместной пресс-конференции министром иностранных дел Кыргызской республики Эрланом Абдылдаевым было выдвинуто предложение о создании на базе Академии ОБСЕ в Бишкеке центра афганских исследований в рамках обсуждения вопросов по комплексу обеспечения региональной безопасности и стабильности, с целью оптимизации двустороннего сотрудничества по усилению механизма сотрудничества в направлении военно-политического измерения Организации в Кыргызстане. Одним из стимулов по позиции Кыргызстана могла бы стать инициатива по созданию центра афганских исследований в Академии ОБСЕ в Бишкеке. Сложная в военном отношении, сохраняющаяся внутривнутриполитическая ситуация в Афганистане по позиции Кыргызской Республики нуждается в поиске новых форм содействия со стороны ОБСЕ в ракурсе сотрудничества с государствами региона.

В этой связи, министром иностранных дел Эрланом Абдылдаевым было подчеркнуто: «Ситуация в Афганистане, от которого исходят наиболее серьезные угрозы странам региона — терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков, оружия требует решения и активизации взаимодействия и со странами Центральной Азии в том числе и со стороны международных организаций, таких как Ваша Организация. И в связи с этим, большинство этих вопросов напрямую связано с ситуацией в первую очередь на севере Афганистана, и в этой связи повторно озвучено предложение о создании на базе Академии ОБСЕ центра афганских исследований. Создание центра при содействии ОБСЕ поможет как странам центрально-азиатского региона, так и всем 57-ми государствам-членам ОБСЕ получать достоверную и точечную информацию о ситуации в Афганистане» [5].

В военно-политическом направлении руководство ОБСЕ, с преобразованием статуса в Программный офис усилило взаимодействие на данном на данном направлении. Наряду содействия военным структурам, началось оказание консультационной и технической помощи правоохранительным органам в контексте начатой реформы правоохранительных органов. Так, в июле 2016 года было подписано соглашение между ОБСЕ и Государственным комитетом национальной безопасности о сотрудничестве по поддержке сектора национальной безопасности, направленное на укрепление взаимодействия сторон по содействию эффективному осуществлению совместных мероприятий по борьбе с терроризмом и экстремизмом [6].

Политическое руководство страны, с возникновением конфликтных противоречий с руководством Организации и понижения статуса Центра ОБСЕ до Программного офиса в мае 2017 года по причине допуще-

ния к участию и выступления в Варшавском совещании БДИПЧ ОБСЕ в сентябре 2016 года, по-прежнему настаивает на активизации деятельности Организации в военно-политическом направлении по комплексным проблемам безопасности.

В этих условиях, ОБСЕ продолжило активизировать в области безопасности сотрудничество и с правоохранительными структурами страны через преобразованный Программный офис ОБСЕ в Кыргызстане. Так, 6 июля 2017 года передав Государственному комитету национальной безопасности Кыргызской Республики специализированное оборудование по обезвреживанию боеприпасов, взрывчатых веществ, комплекты взрывозащитных костюмов и наборы инструментов для обезвреживания взрывных устройств, с целью повышения технического потенциала и обеспечения безопасности спец.подразделений Антитеррористического Центра ГКНБ КР. Переданное оборудование включает в себя. В процессе передачи технической помощи, посол ОБСЕ Пьер фон Аркс отметил: «Терроризм представляет собой серьезную угрозу безопасности для всех стран-участниц ОБСЕ и останется общим вызовом в ближайшем будущем. Кыргызстан активно участвует во всех международных структурах по вопросам противодействия терроризму и оказывает поддержку международным контртеррористическим усилиям. ОБСЕ всегда готова содействовать достижению прогресса в данной области».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Заявленная позиция кыргызского внешнеполитического руководством, под термином «конкретизация», прямо предполагает стремление скорректировать и активизировать двустороннее сотрудничество с ОБСЕ. В первую очередь, в направлении практического наполнения формата первой

корзины по вопросам военно-политического направления и в этих рамках обеспечения национальной и региональной безопасности. Наряду с ревизией и последующим ограничением прошлого сотрудничества по другим направлениям речь шла о корректировке мониторинговой политики организации во внутриэкономической, и особенно, в правозащитной сферах, учитывая имеющееся налаженное взаимодействие ОБСЕ с местным неправительственным сектором.

2. Реализация задачи по преобразованию Центра ОБСЕ в Программный офис, отвечало именно этой цели. Инцидент с допуском на трибуну БДИПЧ сепаратиста Кадыржана Батырова, привело к окончательному принятию политического решения со стороны кыргызского руководства по корректировке и ограничению деятельности ОБСЕ по двум направлениям — экономическому и человеческому измерениям, как выходящей за рамки международного соответствия по мониторинговому содействию внутренней жизни страны. Здесь теперь необходимо тесное согласование на правительственном политическом уровне, также учитывая чрезмерную активность местных неправительственных организаций при помощи грантовой поддержки со стороны ряда западных фондов в недавнем прошлом.

3. Активность программной работы ОБСЕ и его Центра в Кыргызстане по содействию предоставления различной технической помощи в правозащитной и внутриэкономической сферах, с сохранением минимизации участия в рамках первой корзины — по вопросам военно-политического измерения и безопасности вызывает определенную озабоченность и тревогу властей Кыргызстана.

4. Необходимость выстраивания новой политики по конкретизации сотрудничества между Кыргызской Республики и ОБСЕ была направлена, в первую очередь, на ак-

тивизацию развития сотрудничества с Организацией в военно-политической сфере и политике безопасности, непосредственно с ее практической реализацией на основе

тесного и активного взаимодействия с военными и правоохранительными органами Кыргызской Республики [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Программный офис ОБСЕ. *Вестник ОБСЕ*. 2017;7: 2.
2. Сариев М.Т. К вопросу итоговой оценки Международной комиссии ОБСЕ по изучению политических событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. В.: Материалы научно-практической конференции на тему: «Деятельность Временного Правительства в отношении межнациональных событий в июне 2010 года и международный фактор» (Бишкек, 2011). Бишкек. Ош ГУ; 2011. С. 24–30.
3. Казакпаев М.С. Проблемы объективности международного расследования июньских событий на юге Кыргызстана. В.: Материалы научно-практической конференции на тему: «Деятельность Временного Правительства в отношении межнациональных событий в июне 2010 года и международный
- фактор». » (Бишкек, 2011). Бишкек. Ош ГУ; 2011. С. 34–40.
4. Выступление Посла ОБСЕ в КР С.Капиноса по итогам принятия Соглашения между министерством обороны и Национальной гвардией и ОБСЕ в области противодействия терроризму и контролю над вооружениями от 10 июля 2015 г. *Вестник ОБСЕ*. 2016;4: 2.
5. Академия ОБСЕ. *Бюллетень академии ОБСЕ*. 2016;6: 2.
6. Zhiltsov S.S. Political Process in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1: 21–29.
7. Zhiltsov S.S., Slisovskiy D.E., Shulenina N.V., Markova E.A. Shaping national Identities in Central Asian countries: Results, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(1): 38–50.

REFERENCES

1. Program Office OSCE. *Report OSCE*. 2017;7: 2. (In Russ.)
2. Sariev M.T. On the issue of the final evaluation of the OSCE International Commission for the Investigation of Political Events in South of Kyrgyzstan in June 2010. In.: Documents of research-to-practical conference on the topic: "The Provisional Government' engagement in relation to interethnic events in June 2010 and international factor" (Bishkek, 2011). Bishkek. Osh GU; 2011. P. 24–30. (In Russ.)
3. Kazakpaev M.S. Objectivity problems of an international investigation of June events in the South of Kyrgyzstan.// Documents of research-to-practical conference on the topic: "The Provisional Government' engagement in relation to interethnic events in June 2010 and international factor" (Bishkek, 2011). Bishkek. Osh GU; 2011. P. 34–40. (In Russ.)
4. Public speaking of the OSCE Ambassador in KR, S. Kapinos, about results of the Agreement between Ministry of Offence and National Guard and the OSCE in terms of counter-terrorism and arms control of July 10th, 2015. *OSCE Report*. 2016;4: 2. (In Russ.)
5. Academy OSCE. *Bulletin of the OSCE*. 2016;6: 2. (In Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Political Process in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1: 21–29.

7. Zhiltsov S.S., Slisovskiy D.E., Shulenina N.V., Markova E.A. Shaping national Identities in Central Asian countries: Results, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(1): 38–50.

.....
Статья получена 19.02.2018
Received 19.02.2018
.....

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рината А. Валеева, аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2;

rinata_valeeva@mail.ru

Rinata A. Valeeva, Post-Graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992;

rinata_valeeva@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Стратегические интересы Румынии в Черноморском регионе: аспекты энергетической безопасности

Кэтэлина Албу

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

catalinaalbu89@yahoo.com

Аннотация: В статье обосновывается идея ключевой роли Румынии в Черноморском регионе с точки зрения энергетической безопасности ЕС. Речь идет, в первую очередь, о продвижении Румынией энергетической политики Евросоюза на его восточных границах. На это направлены Национальная Стратегия обороны Румынии на период 2015–2019 годов и Энергетическая стратегия Румынии на период 2016–2030 годов, которые полностью соответствуют европейскому энергетическому вектору. В тоже время энергетическая политика ЕС отвечает стратегическими интересами самой Румынии.

Статья посвящена роли Румынии в будущем Энергетическом союзе ЕС. По первому направлению деятельности — «Энергетическая безопасность, солидарность и доверие» — этой стране отведена центральная роль. В основе энергетической безопасности ЕС лежит, прежде всего, диверсификация источников энергоресурсов, которую предлагается реализовать за счет развития Южного газового коридора, то есть доступа к ресурсам Каспия, что подчеркивает важность Черноморского региона и, в частности, Румынии как проводника этой инициативы.

Также исследуются основные энергетические проекты Румынии, а также обосновывается их важность для всего Европейского союза. Официально заявлены четыре стратегические направления: транспортный газовый коридор Болгария — Румыния — Венгрия — Австрия (BRUA), подключение к национальной энергетической системе систем соседних государств (важнейшим в этом отношении является проект подключения Республики Молдова к энергосистеме ЕС через Румынию), AGRI (Азербайджан, Грузия, Румыния Интерконнектор), а также проекты, нацеленные на создание и развитие новых хранилищ природного газа.

Стратегические интересы Румынии в целом тесно переплетены с аспектами энергетической безопасности и, по большей части, формируются исходя из них. Помимо выгодного геополитического положения, Румыния обладает собственными месторождениями как нефти, так и газа, что делает ее менее зависимой от импорта российских энергоресурсов. Поэтому румынские власти совместно с национальными энергетическими компаниями прикладывают все необходимые усилия для развития национальной нефтегазовой отрасли, поскольку это может существенно способствовать продвижению интересов Румынии в Черноморском регионе.

Ключевые слова: Румыния, Черноморский регион, ЕС, европейский рынок, трубопроводы

Для цитирования: Албу К. Стратегические интересы Румынии в Черноморском регионе: аспекты энергетической безопасности. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):68-78. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-68-78

Strategic Interests of Romania in the Black Sea Region: Energy Security Aspects

Catalina Albu

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
catalinaalbu89@yahoo.com*

Abstract: The article substantiates the idea of Romania's key role in the Black Sea region from the standpoint of EU energy security. It is proved, first of all, by the Romanian promotion of the EU energy policy on its eastern borders. The National Defense Strategy of Romania for the period 2015–2019 and the Romanian Energy Strategy for the period 2016–2030 are aimed at this and fully correspond to the European energy vector. At the same time, the energy policy of the EU meets the strategic interests of Romania itself.

The article is dedicated to the role of Romania in the future EU Energy Union. In the first area of activity — "Energy security, solidarity and trust" — this country has a central role. At the core of the EU energy security lies primarily the diversification of energy sources, which is assumed to be implemented through the development of the Southern Gas Corridor, that can provide the access to the Caspian resources. This fact underscores the importance of the Black Sea region and in particular of Romania, regarded as the vehicle of this initiative.

The article also describes the main energy projects of Romania, as well as their importance for the entire European Union. Four strategic directions have been officially announced: the Bulgaria-Romania-Hungary-Austria gas transport corridor (BRUA), the connection to the national energy system of neighboring countries (the most important in this respect is the project of connecting the Republic of Moldova to the EU energy system through Romania), AGRI (Azerbaijan, Georgia, Romania Interconnector), as well as projects aimed at creating and developing new natural gas storage facilities.

The strategic interests of Romania are very closely intertwined with the aspects of energy security and, mostly, are formed on their basis. In addition to an advantageous geopolitical position, Romania has its own oil and gas deposits, which makes it less dependent on Russian energy imports. Therefore, the Romanian authorities, together with the national energy companies, make every effort to develop the national oil and gas sector, because this can significantly contribute to the promotion of Romania's interests in the Black Sea region.

Keywords: Romania, Black Sea Region, EU, European energy, diversification of energy sources, pipelines

For citation: Albu C. Strategic Interests of Romania in the Black Sea Region: Energy Security Aspects. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):68-78. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-68-78

ВВЕДЕНИЕ

Черноморский регион является зоной особых интересов для государств как входящих в него, так и лежащих за его пределами. Удобное геополитическое расположение позволяет региональным и внерегиональным акторам активно использовать этот регион в качестве механизма наращивания своего влияния.

Расширение НАТО и ЕС до Черного моря и активные попытки включить некоторые пост-советские государства в пространство евроатлантических ценностей в разных форматах (ассоциация с ЕС и/или присоединение к НАТО), позволяют делать вывод о том, что Причерноморью имеет особую значимость на международной повестке. Президент Проекта поддержки переходных демократий Брюс Джексон, один из наиболее влиятельных и эффективных лоббистов расширения НАТО на Восток, в 2005 году в своем выступлении перед Сенатом США заявил, что «безопасность и стабильность в Черноморском регионе является основой трансатлантической безопасности».

Возрастающий интерес НАТО и ЕС к оси Черное море — Каспийское море, некогда составляющее стратегического «корпуса» СССР, вызвал неоднократные протесты со стороны российских властей, учитывая вмешательство Запада в дела входящие в сферу влияния России. Тот факт, что позиции Российской Федерации на международной арене значительно усилились за последние 15 лет, к чему способствовало и присоединение Крыма, вынуждает НАТО и ЕС продвигать свою линию через региональных игроков. Украина и Грузия находятся на стадии трансформации. Турция входит только в НАТО и ведет при этом

довольно самостоятельную политику. Румыния и Болгария являются полноценными членами как НАТО, так и ЕС. Курсы этих стран целиком и полностью соответствуют интересам Трансатлантического альянса и Евросоюза.

Исходя из важности Черноморского региона в обеспечении европейской и трансатлантической энергетической безопасности, Румынии как стране обладающей высоким энергетическим потенциалом отведена особая роль. Разведка черноморских месторождений, находящихся в румынской акватории, и реализация крупных энергетических проектов в этой стране способны существенно снизить зависимости от российских энергоресурсов, что является центральным критерием европейской энергетической безопасности.

РУМЫНИЯ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЕС

В Национальной Стратегии обороны Румынии на период 2015–2019 годов подчеркивается, что «обеспечение безопасности в Черноморском регионе» является целью национальной безопасности румынского государства в условиях, к которых события в Понте Эвксинском вновь выносят на повестку «действие договоренностей в области безопасности с Россией конца XX века». В документе также упоминается, что «европейская архитектура безопасности все больше подвергается угрозам исходящие от кризисов и конфликтов, которые развертываются в непосредственной близости, на восточном и южном направлениях, способные прямо или косвенно затронуть национальные интересы в области безопасности Румынии». В Стратегии уточняется, что Румыния в качестве страны-члена НАТО

и Европейского Союза берет на себя «обязательство по сохранению стратегического равновесия в пространстве, где переплетаются комплексы региональной безопасности, а также по консолидации процесса европеизации, посредством последовательного расширения европейского пространства свободы, процветания, безопасности и справедливости».

С точки зрения, определенной в Национальной Стратегии обороны, Румыния заинтересована в обеспечении свободы каналов в Черном море с целью развития торговли, урегулирования замороженных конфликтов в этом регионе, защиты экономической деятельности, осуществляемой в исключительной экономической зоне Румынии в черноморской акватории, а также в «развитии проектов, направленных на диверсификацию доступа к ресурсам, наращивание сетей и укрепление конкурентоспособности, в том числе путем реализации целей Энергетического союза ЕС» [1].

Идея создания Энергетического союза ЕС зародилась еще в марте 2010 г., когда бывший председатель Европейской комиссии Жак Делор выступил с предложением создать Европейское энергетическое сообщество. Он ссылаясь на то, что «лидеры ведут дела с Путиным по отдельности», и что «все это означает, что в такой жизненно важной сфере как энергетика не существует Европы» [2]. Заявление Делора было вызвано последствиями российско-украинского конфликта по поводу цены на газ для Украины и условий транзита в январе 2009 г. Этот беспрецедентный эпизод привел к прекращению поставок в Европу через территорию Украины, что заставило европейских политиков переосмыслить надежность поставок энергоресурсов из России. Ситуация усугубилась новым, теперь уже политическим, кризисом в 2014 году. Смена власти на Украине и вхождение

Крыма в состав России резко усилили опасения по поводу надежности украинского газового транзита. Это возродило интерес к созданию европейского энергетического сообщества ЕС.

Особую озабоченность среди восточных стран ЕС вызвали вопросы безопасности поставок и управления импортом газа из России. Дестабилизация на Украине, политический кризис в отношениях Россия-ЕС и угроза перебоев транзитных потоков, которые продолжаются с 2014 года, способствовали закреплению идеи создания Энергетического союза и началу ее реализации. Таким образом, в феврале 2015 г. Еврокомиссия представила программный документ по проекту, а на саммите Европейского союза в марте эти предложения были официально одобрены и объявлена «необходимость строительства Энергетического союза» [3].

Концепция проекта призвана дать ответ на целый ряд стратегических вызовов последних лет. Согласно предложениям Европейской комиссии и решениям саммита ЕС, будущий Энергетический союз должен развиваться по 5 векторам:

1. Энергетическая безопасность, солидарность и доверие. В основу деятельности по этому направлению положена Стратегия энергетической безопасности, одобренная в мае 2014 г. Ключевыми направлениями деятельности должны стать диверсификация поставок и более прозрачный режим импорта газа. Диверсификацию в очередной раз предлагается реализовать за счет развития Южного газового коридора, то есть доступа к ресурсам Каспия, что подчеркивает важность Черноморского региона и, в частности, Румынии как проводника этой инициативы. Дополнительно предлагается использовать сжиженный природный газ и строительства СПГ-хабов

в Центрально-восточной Европе и в Средиземноморье.

2. Внутренний энергетический рынок, для полноценного формирования которого необходимо интенсивнее развивать сеть трансграничных интерконнекторов между странами ЕС, а также следить за соблюдением существующего законодательства.
3. Энергоэффективность. Предлагаемый комплекс мер снижения спроса на энергоресурсы нацелен на реализацию индикативной цели, которую Европейский совет поставил в октябре 2014 г., — к 2030 г. повысить энергоэффективность на 27%.
4. Декарбонизация экономики. Реализация цели, которую Европейский совет поставил в октябре 2014 г.: сократить выбросы парниковых газов к 2030 г. на 40% по сравнению с 1990 г.
5. Исследования, инновации и конкурентоспособность. Направление включает комплекс мероприятий по стимулированию НИОКР, прежде всего, в области умных сетей, умных домов, чистого транспорта, «чистого ископаемого топлива» и «самой безопасной в мире ядерной энергетики» [4].

Почти все вышеуказанные направления уже давно закреплены и реализуются. К примеру, положения относительно энергоэффективности и декарбонизации содержатся в Стратегии 2030, одобренной Европейским советом в октябре 2014 г. Развитие внутреннего энергетического рынка — один из давних проектов ЕС в области энергетической политики и было инициировано еще в конце 1980-х гг. Даже с учетом меняющихся приоритетов и механизмов реализации программ, принципиальной новизны проект Энергетического союза ЕС не представляет. Однако стоит отметить наличие новых и крайне важных

шагов, запланированных в рамках первого направления — «энергетическая безопасность, солидарность и доверие». Этот вектор является основополагающим в сфере современной внешней энергетической политики ЕС, которой подчиняется Румыния.

С учетом того, что доступ к ресурсам Каспийского региона может обеспечить диверсификацию источников углеводородных ресурсов для ЕС, среди европейских элит распространено мнение, что именно Румыния может стать отправной точкой в реализации этой идеи, своего рода «трамплином» из Каспия в Черноморский регион [5].

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУМЫНИИ

Согласно Энергетической стратегии Румынии на период 2016–2030 годов, добыча сырой нефти будет медленно снижаться в период с 2030 по 2050 год, и существует возможность того, что после 2035 года она приблизится к нулю в контексте падения цен на нефть. Аналогичная тенденция ожидается и в случае добычи газа, которая может стать нулевой уже после 2045 года [6]. Таким образом, согласно Стратегии, Румыния должна разведать нефтяные и газовые месторождения, обнаруженные в последние годы в Черном море, что является основополагающим условием диверсификации источников.

Румыния добывает примерно 80% природного газа в Юго-Восточной Европе. По данным статистического отчета ВР, по состоянию на 2015 год доказанные запасы природного газа в Румынии составляли 150 миллиардов кубометров газа, а геологические запасы — 615 млрд. м³ газа. В 2017 году страна добыла около 9,2 млрд. м³, а потребление составило 10,6 млрд. м³.

Благодаря своим месторождениям Румыния в состоянии почти полностью удовлетворить внутренний спрос на газ. В феврале 2015 года сообщалось, что месторождение

«Домино-1», открытое на участке «Неп-тун» в 170 километрах от побережья Румынии, содержит, по разным оценкам, от 42 до 85 млрд. м³ природного газа. Разведка залежей полезных ископаемых в этом месте началась в 2009 году, и стала крупнейшим энергетическим проектом в Румынии. По предварительным данным, после начала полномасштабной добычи газа на этом участке Румыния сможет добывать 19 млн. м³ газа в день — столько природного газа потребляет весь Европейский Союз в последние годы [7].

В середине мая 2017 года было объявлено об открытии на юго-востоке страны самого крупного месторождения природного газа. Месторождение было разведано в июне 2016 г. к северо-востоку от Бухареста, в районе населенного пункта Караджеле в уезде Бузэу. Его запасы оцениваются в 25–27 млрд. м³ газа. По словам премьер-министра Румынии Сорина Гриндяну, «это самые крупные залежи газа, открытые в стране после революции 1989 года», а их эксплуатация позволит на два-три года полностью покрыть потребности Румынии. Сорин Гриндяну выразил надежду, что этот и другие похожие открытия и проекты позволят превратить Румынию в региональный «энергетический хаб». Добычу газа на месторождении планируется начать в 2019 г. Это потребует инвестиций в размере 140 млн евро.

Более того, в ноябре 2017 г. в румынском уезде Сучава было обнаружено еще одно крупное газовое месторождение, которое сделает возможным полное удовлетворение потребностей местных потребителей в природном газе. Экспериментальное производство с месторождения газа начнется во втором квартале 2018 года. Его объемы могут составить до 30 тыс. м³ газа в сутки.

По состоянию на начало 2013 года доказанные запасы нефти в Румынии со-

ставляли, по данным ВР, 79,9 млн. тонн, а геологические запасы — 2 млрд. тонн [8]. Основными нефтеносными районами являются южные предгорья Карпат, Трансильвания и Среднедунайская низменность. Добыча нефти в Румынии в 2016 году, по данным ВР, составила 3,8 млн. тонн. Страна позиционируется по этому показателю на 45 месте в мире. Объемы добычи неуклонно снижаются по мере истощения старых месторождений: с 2003 года добыча нефти в Румынии сократилась на 29,5%.

Крупнейшими месторождениями Румынии, на которых осуществляется добыча нефти, являются Гура Окничей, Виделе, Болдешть и Буштенарь-Рунку, расположенные в южных предгорьях Карпат. На шельфе страны добыча нефти ведется на месторождениях группы Истрия XVIII (Восточный Лебель, Западный Лебедь, Синое, Рескэруш, Делта). После того, как страна расширила свои владения на шельфе Шатского в 2009 г. за счёт выигрыша территориального спора с Украиной, увеличились перспективы роста её нефтегазовой отрасли.

ТРУБОПРОВОДЫ И ВОПРОСЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Черноморский регион — энергетический коридор и поставщик энергоресурсов с развитой сетью нефтепроводов и газопроводов, которая продолжает развиваться. Благодаря

27 февраля 2017 года Министерство энергетики Румынии одобрило строительство газопровода BRUA — нового европейского газотранспортного коридора, который соединит Болгарию, Румынию, Венгрию и Австрию. Новый газопровод будет иметь общую протяженность в 550 км и максимальную мощность в 1,5 млрд. м³ газа в год для Болгарии и 4,4 млрд. м³ для

Венгрии. BRUA соединит Центральную Европу с Южным коридором, который доставляет азербайджанский газ из Каспийского региона в Турцию, Грецию и Албанию. Запланированное подключение LNG в Констанце (в стадии строительства) к BRUA, посредством расширения сети на 300 км, продолжит реализацию политики обеспечения энергетической безопасности европейского рынка.

В июле 2016 года государственная румынская компания Трансгаз подписала с SOCAR меморандум о взаимопонимании, который определил детали нового этапа проекта AGRI (Азербайджан — Грузия — Румыния Интерконнектор). В рамках проекта AGRI предлагается транспортировка 7 млрд. м³ природного газа в год из Каспийского моря в Румынию, через территории Азербайджана и Грузии посредством транспортировки танкерами через Черное море. Этот проект предусматривает строительство по меньшей мере двух терминалов сжижения на грузинском побережье Черного моря [9].

Помимо BRUA и AGRI, среди стратегических числится проект подключения Республики Молдова к энергетической системе ЕС через Румынию. Несмотря на широкие возможности увеличения экспорта газа, на практике румыны столкнулись с серьезными трудностями при строительстве газопровода Яссы — Унгены. Поставка румынского газа в Молдавию составила всего лишь 1 млн. м³ и длились с марта по апрель 2015 г. Зимой 2015–2016 годов Румыния не смогла поставить по трубопроводу газ Молдавии, аргументируя это тем, что спрос на румынский газ в Молдавии отсутствует. Для того, чтобы занять крупную долю на молдавском энергетическом рынке и быть способным максимально удовлетворить запросы молдавских потребителей, газопроводу необходимы

крупные инвестиции. Более того, цена румынского газа по контракту (250 долларов за 1 тысячу м³ газа) стала выше, чем цена предложенная компанией «Газпром», что сделало импорт румынского газа нецелесообразным. Более того, реализация проекта сталкивается с техническими проблемами. Румыния не может пока поставлять Молдове большие объемы газа, поскольку давление в газопроводе Яссы-Унгены должно быть более высоким, чем в газопроводах румынской компании «Трансгаз». Для поставок десятков или сотен миллионов кубометров румынского газа в Молдову необходимо построить несколько компрессорных станций, которые поднимут давление газа в румынских газопроводах. Это требует крупных инвестиций.

В ноябре 2017 года румынская государственная компания «Трансгаз» подтвердила свою заинтересованность в покупке компании «Вестмолдтрансгаз», которая управляет газопроводом Яссы-Унгены. Помимо стартовой стоимости предприятия — около 10 млн. евро, покупателя обяжут инвестировать в газопровод еще 93 млн. евро в течение двух лет. Целью проекта является сокращение энергетической зависимости от России, откуда Молдова сейчас получает 100% потребляемого газа.

Актуален вопрос о продлении газопровода Яссы-Унгены. Еще конце мая 2015 года главы правительств Молдовы и Румынии подписали Меморандум о взаимопонимании в вопросах реализации проектов по объединению газовых и энергетических сетей двух стран. Документ предусматривает продление газопровода Яссы-Унгены до Кишинева — с молдавской стороны и до Онешты — на румынской территории. Что касается энергетической части соглашения, то она предполагает реализацию первого соединения электросетей на юге Исакача (Румыния) — Вулкэнешты — Кишинев. на

строительство которой понадобится более 100 млн. евро. Протяженность газопровода Унгены—Кишинев составит 120 километров. Его строительство планируется завершить к концу 2018 года.

В июле 2016 года компании «Трансгаз» и «Укртрансгаз» подписали соглашение о подключении газотранспортных систем в точке Исакча. Она размещается на украинско-румынской границе вблизи Орловки (Украина) и Исакчи (Румыния). Это соглашение распространяется на маршрут газопровода *Tranzit I* Исакча — Негру Водэ, который используется для транспортировки газа из Украины в Болгарию через территорию Румынии. Соглашение подписанное компаниями «Трансгаз» и «Укртрансгаз», вместе с недавними соглашениями о подключении между Грецией и Болгарией, а также между Болгарией и Румынией, позволят обеспечить поток газа от Украины до Греции. В таком случае пользователи локальной сети смогут диверсифицировать свои источники поставок энергоресурсов.

Перед Румынией открылась возможность использовать мощности и газопровода *Tranzit II* Орловка — Исакча, который в январе 2016 г. был освобожден от обязательств *Транзитного соглашения с «Газпромом»* от 1996 года. Таким образом, если Румыния построит компрессорные станции, *Tranzit II* можно будет вывести к Черному морю для того, чтобы транспортировать добываемый на морских месторождениях газ и соединить его с национальной газотранспортной системой. Мощность *Tranzit II* составляет 9 млрд. кубометров газа. Необходимо учитывать, что газопровод должен будет соответствовать нормам Третьего энергопакета ЕС, что дает допуск к трубам любой третьей стороне.

Предлагаемый Словакией газопровод «*Eastring*» является еще одним проектом,

в котором Румынии отведена ключевая роль. Через этот коннектор, словацкий рынок будет подключен к Румынии и Болгарии через Венгрию или Украину посредством трубопровода с первоначальным объемом в 20 млрд. м³. При этом на завершающей стадии проекта объем может достигать 40 млрд. м³. Как только будет достроен газопровод «*Турецкий поток*» (с мощностью в 63 млрд. м³), не исключено, что «*Eastring*» будет также транспортировать российский газ в Центральную Европу. Ожидается, что «*Eastring*» достигнет 570 км, а инвестиции составят 750 млн. евро [10].

В период с 2014 по 2020 год ЕС должен выделить в общей сложности 4,7 млрд. евро из бюджета европейского фонда *CEF* (*Connecting Europe Facility*) для стимулирования развития трансевропейской энергетической инфраструктуры путем реализации стратегических проектов. В последние годы ЕС импортирует 53% углеводородных ресурсов на сумму в 406 млрд. евро в год, то есть около 1,11 млрд. евро в день. Румыния обладает внушительными запасами нефти и газа, а также географическим положением, благоприятным для создания безопасной альтернативы «южному коридору». Румыния могла бы играть ключевую роль в сохранении баланса и безопасности во всем регионе Центральной и Юго-Восточной Европы, обеспечивая при этом диверсификацию коридоров и источников поставок [11].

По оценкам Минэнерго Румынии, в период до 2030 года стране потребуется в общей сложности около 20 млрд. евро инвестиций в добычу нефти и газа, а также в развитие горнодобывающей промышленности и соответствующей инфраструктуры. Следует отметить, что Румыния должна ориентироваться в первую очередь на диверсификацию доступа к энергоресурсам, углубление

энергетической взаимосвязь с соседними государствами и модернизацию собственной энергетической инфраструктуры в целом. В заявлении по итогам пятого совещания рабочей группы Совместной декларации о стратегическом партнерстве в XX веке между Румынией и США, которая состоялась в сентябре 2016 года в Вашингтоне, было подтверждено, что "Соединенные Штаты Америки и Румыния поддерживают развитие более прозрачного, предсказуемого, интегрированного, диверсифицированного и конкурентоспособного регионального энергетического рынка" и будут и впредь «уделять особое внимание реализации газовых коннекторов между Румынией, Болгарией, Венгрией и Австрией, и между Румынией и Республикой Молдова, а также ускорению разведки и эксплуатации месторождений в Черном море».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обладая удачным расположением (между Европой, Центральной Азией и Ближним Востоком) и энергетическим потенциалом, Черное море может обеспечить диверсификацию поставщиков и, как следствие, энергетическую независимости для Европейского Союза. В то же время, статус Румынии и Болгарии (черноморские страны-члены ЕС) предполагает, что Черное море является зоной, представляющей интерес для Евросоюза не только с точки зрения транзита альтернативных маршрутов поставок энергоресурсов, но и с политической точки зрения.

С учетом того, что Турция является только членом НАТО, а Болгария не обладает достаточными ресурсами, именно Румыния выступает форпостом НАТО и ЕС в этом регионе. Евросоюз отводит Румынии роль ключевого игрока в Черноморском бассейне, так как именно эта страна может

в полной мере продвигать энергетическую политику ЕС в данном регионе. Более того, обладая природными ресурсами, инфраструктурой и ноу-хау в энергетической сфере, Румыния идеально подходит для статуса гаранта энергетической безопасности в этой части Европы и транзитной зоной для поставок ресурсов из Каспийского моря в ЕС. Политическая стабильность, солидность внешних обязательств и независимая энергетическая позиция позволяют Румынии, в сравнении с другими странами ЕС, быть более устойчивой к давлению со стороны России.

После отказа от реализации проекта газопровода Набукко Румынии досталась не центральная роль как на региональном, так и на европейском уровне. Тем не менее, значительные по своему объему месторождения, стратегическое расположение на путях доставки азербайджанских ресурсов, ноу-хау и высококвалифицированная рабочая сила, существующая на национальном уровне инфраструктура и, что немаловажно, серьезная финансовая база профильных компаний на местах являются активами, которые должны быть использованы в контексте необходимости создания новых маршрутов для импорта природного газа в Европу.

Хорошо структурированные экономическая, политическая и экономическая стратегии в сочетании с принятием благоприятного налогового режима могут привлекать инвесторов. Это может способствовать продвижению энергетических интересов Румынии на европейском уровне, а также содействовать развитию Черноморского бассейна в качестве зоны особых интересов для обеспечения энергетической безопасности ЕС. Таким образом, усиление позиций Румынии, которая стала ведущим региональным игроком отвечает долгосрочным интересам как для ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная Стратегия обороны Румынии на период 2015–2019 годов. URL:http://www.presidency.ro/files/userfiles/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_1.pdf (дата обращения: 20.01.2018)
2. Ежедневный бюллетень Европы. 2010; 10138: 1–10.
3. Заседание Европейского совета (19 и 20 марта 2015 г.) — Выводы. EUCO 11/15. URL:<https://www.consilium.europa.eu/media/21888/european-council-conclusions-19-20-march-2015-en.pdf> (дата обращения: 22.01.2018)
4. Кавешников Н. Энергетический союз ЕС как ответ на «российский вызов». Аналитическая записка №25. Москва: Институт Европы Российской Академии наук; 2015. с. 8
5. Жильцов С.С. Трубопроводная архитектура в Каспийском регионе: итоги и перспективы. *Politbook*. 2017;2: 144.
6. Энергетическая стратегия Румынии на период 2016–2030 годов. URL:http://www.mmediu.gov.ro/app/webroot/uploads/files/2017-03-02_Strategia-Energetica-a-Romaniei-2016-2030.pdf (дата обращения: 22.01.2018)
7. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. Москва: Восток-Запад; 2009. 351 с.
8. Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kosarev A.N., Kostyanoi A.G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
9. Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион: политика, экономика, сотрудничество. Москва: Аспект Пресс; 2017. 303 с.
10. Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский регион: новые очертания. Москва: МГОУ; 2010. 198 с.
11. Zhiltsov S.S. Potential Oil pipeline Projects in the Black Sea: Caspian Region. Berlin: Springer; 2016. 153–161 p.

REFERENCES

1. National Defense Strategy of Romania 2015–2019. URL:http://www.presidency.ro/files/userfiles/Strategia_Nationala_de_Aparare_a_Tarii_1.pdf (date of access: 20.01.2018) (In Russ.)
2. Europe Daily Bulletin. 2010; 10138: 1–10. (In Russ.)
3. European Council meeting (19 and 20 March 2015) — Conclusions. EUCO 11/1. URL:<https://www.consilium.europa.eu/media/21888/european-council-conclusions-19-20-march-2015-en.pdf> (date of access: 22.01.2018) (In Russ.)
4. Kaveshnikov N. EU Energy Union as a Response to the "Russian Challenge". Analytical Note №25. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences: 2015. p.10. (In Russ.)
5. S. Zhiltsov S.S. Pipeline architecture in the Caspian region: results and prospects. *Politbook*. 2015;2: 144. (In Russ.)
6. Romanian Energy Strategy 2016-2030. URL:http://www.mmediu.gov.ro/app/webroot/uploads/files/2017-03-02_Strategia-Energetica-a-Romaniei-2016-2030.pdf (date of access: 22.01.2018) (In Russ.)
7. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Geopolitical casino of the Black Sea region. Moscow: East-West; 2009. 351 p. (In Russ.)
8. Grinevetskiy S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kosarev A.N., Kostyanoi A.G. The Black Sea Encyclopedia. Berlin: Springer; 2015. 889 p.
9. Zhiltsov S.S., Zonn I.S., The Caspian region: politics, economy, cooperation. Moscow: Aspect Press; 2017. 303 p. (In Russ.)

10. Zhiltsov S.S., Zonn I.S., The Black Sea region: new outlines. Moscow: MSRU; 2010. 198 p. (In Russ.)
11. Zhiltsov S.S. Potential Oil pipeline Projects in the Black Sea: Caspian Region. Berlin: Springer; 2016. 153–161 p.

.....
Статья получена 25.01.2018

Received 25.01.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кэтэлина Албу, аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2;

catalinaalbu89@yahoo.com

Catalina Albu, Post-Graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992;

catalinaalbu89@yahoo.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политика памяти в современном Таджикистане: от империи к национальному государству

Александр В. Скиперских

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Пермь, Россия,

pisatels@mail.ru

Аннотация: В данной статье речь идёт об акцентах культурной политики, проводимой властью в современном Таджикистане. Целью данной статьи является изучение процесса становления и развития новой государственности в Таджикистане на предмет её обусловленности культурным и идеологическим содержанием. В периоды политических трансформаций образующийся культурный вакуум, как правило, заполняется национальным содержанием. Власть чаще начинает обращаться к национальным текстам в политической легитимации.

Процесс легитимации политической элиты с момента признания независимости Таджикистана тесным образом связан с новым культурным конструированием, акценты которого объективно связываются с различными сюжетами национальной культуры и апелляциями к героическому прошлому. Так культура становится инструментом современной политики таджикской элиты, обеспечивая её легитимационные стратегии.

Вместе с тем, акценты на национальные тексты в культурной политике Таджикистана могут быть не совсем чёткими по причине присутствия в культурном пространстве различных форм памяти, отсылающих к имперскому опыту СССР. В современном Таджикистане всё ещё заметно советское культурное наследие, расставание с которым выглядит неизбежным и мучительным для ностальгирующей по временам СССР общественности. Нет сомнений, что данный процесс является делом времени, потому как с ним напрямую связана легитимность действующей политической элиты. Автор приводит ряд примеров, как в культурном пространстве современного Таджикистана соотносится между собой советский имперский текст и новый национальный текст.

Таким образом, автор приходит к выводу, что достаточно комплиментарное со стороны Таджикистана отношение к советской и русской культуре, ввиду глубокой интеграции экономик двух государств, позволит отстрочить во времени болезненный процесс культурной трансформации.

Ключевые слова: власть, культурная политика, легитимация, политическая элита, советская культура, СССР, Таджикистан

Для цитирования: Скиперских А. В. Политика памяти в современном Таджикистане: от империи к национальному государству. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):79-88. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-79-88

Memory Policy in Modern Tajikistan: from Empire to National State

Aleksandr V. Skiperskikh

National Research University

«Higher School of Economics», Perm, Russia,

pisatels@mail.ru

Abstract: In this article we are talking about the accents of the cultural policy pursued by the authorities in modern Tajikistan. The purpose of this article is to study the process of formation and development of a new state in Tajikistan, for its conditionality due to cultural and ideological content. During periods of political transformation, the emerging cultural vacuum, as a rule, is filled with national content. The power very often use national texts in political legitimization. The process of legitimization the political elite since the recognition of Tajikistan's independence is closely related to a new cultural design, the accents of which are objectively associated with various subjects of national culture and appeals to the heroic past. Thus, culture becomes an instrument of the modern policy of the Tajik elite, providing its legitimating strategies.

At the same time, the emphasis on national texts in the cultural policy of Tajikistan is not entirely clear due to the presence in the cultural space of various forms of memory referring to the imperial experience of the USSR. In modern Tajikistan, the Soviet cultural heritage is still visible, the parting with which looks inevitable and painful for the public that is nostalgic for the times of the USSR. There is no doubt that this process is a matter of time, because it directly relates to the legitimacy of the current political elite. The author gives a number of examples of how the Soviet imperial text and the new national text correlate in the cultural space of modern Tajikistan. Thus, the author comes to the conclusion that a rather complimentary attitude on the part of Tajikistan towards the Soviet and Russian culture, in view of the deep integration of the economies of the two states, can allow the painful process of cultural transformation to be stymied in time.

Keywords: power, cultural policy, legitimization, political elite, Soviet culture, USSR, Tajikistan

For citation: Skiperskikh A. V. Memory Policy in Modern Tajikistan: from Empire to National State. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):79-88. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-79-88

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что события распада СССР 1991 года постепенно отдаляются

во времени, в культурном политическом пространстве современного Таджикистана до сих пор заметен советский имперский

нарратив. Длительное присутствие в качестве субъекта в составе СССР не могло не оставить в самом Таджикистане достаточно заметных следов советской культуры, которые имеют значение для политического курса современного Таджикистана. Культурный контекст всегда имеет огромное значение для власти, моментально заполняющий смысловой и ценностный вакуум, образующийся в культуре в периоды системных трансформаций. Следует вспомнить Ролана Барта, когда-то заметившего универсальный характер власти, способной заполнять его и «гнездиться в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия» [1].

Перед политической элитой Таджикистана, так или иначе, постепенно актуализируется вопрос о том, насколько советская память может быть определяющей для конструирования нового политического курса в качестве независимого государства. В таком случае, возникает вопрос о том, как с ней поступать, а также о масштабах и формах её присутствия в современной политической практике. Нужно заметить, что необходимость в этом постепенно актуализируется по мере усиления самого политического режима, за два десятилетия прошедшего путь, следуя классификации Лэрри Даймонда, от модели «гегемонистского электорального авторитаризма» — до политического режима с отсутствующей политической конкуренцией и пожизненным президентством. Установленная динамика сопровождается достаточно серьёзными изменениями в культурном и идеологическом содержании. Как справедливо отмечает Славомир Горак «конструирование современной нации на основе национального и территориального прошлого зачастую приводит к отрицанию прежнего режима» [2]. В этом смысле, внимание к советскому культурному тексту может су-

щественно снижаться — длительный период советской истории и созданный в её рамках культурный продукт могут вполне сознательно подвергаться забвению на уровне государственной политики новых национальных государств.

ДАВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ: КЕЙС СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА

Говоря о советском культурном тексте, присутствующем в таджикском культурном пространстве, следует взять к себе в союзники немецкого теоретика культуры Германа Люббе. Данный автор вводит в научный оборот термин «информационное загрязнение», который в полной мере может иметь отношение к культурной политике современного Таджикистана. Исходя из этого, в культурном пространстве может отмечаться рост количества информации, которая, будучи выданной, уже не может быть отозвана по принципиальным соображениям» [3].

Современные теоретики мемориальной культуры, концептуализирующие практики работы с прошлым вырабатывают различные формы бытования памяти. В частности, немецкая автор Алейда Ассман предлагает различать «холодную» и «горячую» память, фиксирующую степень сопричастности общества тем или иным событиям исторического и политического прошлого [4]. В современном политическом пространстве Таджикистана до сих пор чувствуется присутствие «горячей» памяти, накладывающей отпечаток на социальные коммуникации и во многом определяющей векторы внутренней и внешней политики государства.

«Горячая» память, так или иначе, влияет и на самоидентификацию современных таджиков, фокусируясь в двух сюжетах — имперскому опыту в рамках СССР со всеми вытекающими политическими, культур-

ными и экономическими последствиями, а также в событиях гражданской войны, память о которой до сих в той или иной степени является достаточно чувствительной. Несмотря на постепенное «охлаждение» памяти, и медленное отдаление временного периода, когда таджикский обыватель, как отмечает Рустам Шукуров, «вставал под звуки гимна СССР, шёл по улицам, названным именами революционеров, радовался государственным праздникам» [5], давление советского имперского текста по-прежнему может быть довольно заметным. Для подчинённой культуры в системе имперских ценностей это имело очень большое значение, поэтому в таджикском обществе вполне объяснимы достаточно одобрительные и приветственные оценки в отношении СССР и России, в целом. Это подтверждает Р. Шукуров, отмечая, что «в отношении России ещё и в советское время приветствовалась комплиментарная «тоналность» [5].

Сформированная терпимость объясняется, несомненно, объективной оценкой неравнозначности наличествующих ресурсов в культурном и политическом диалоге с более влиятельным соседом – местоблюстителем и интерпретатором. Кейс современного Таджикистана подтверждает это установление. Таджикистан в качестве союзной республики в составе СССР, безусловно, не мог чувствовать себя на равных в диалоге с Москвой, не говоря уже о том, чтобы доминировать. Кейс современного Таджикистана есть следствие сложившейся ситуации, при которой малая культура испытывает трепет перед более влиятельной и ресурсоспособной — «трепет малого перед большим. Перед Империей», — так поэтически определяет эту конструкцию польский интеллектуал Чеслав Милош [6].

Подобная инерция во многом сохраняется в последнее десятилетие, хотя, правящая

элита Таджикистана может постепенно усиливать свою позицию в диалоге с российской стороной. Лояльность становится своеобразной политической технологией. Видимо, именно в этом следует искать объяснение такой загадочной комплиментарности таджиков по отношению к советской (русской) культуре. Так, старшеклассники школ г. Душанбе во время проведения Международной олимпиады молодёжи достаточно неплохо представляли себе некоторые сюжеты, представленные в произведениях русской литературы. «Метель» А.С. Пушкина, «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Они вполне свободно комментировали их. Русскоязычные школьники уверенно вспоминали сюжеты, называли героев, рассуждали об основной идее. Неслучайно, самые лучшие ученики становятся абитуриентами лучших вузов современной России. Тем самым, как будто поддерживается советская практика, когда за образованием нужно было уезжать в столичные города. Такая же сильная обусловленность советской педагогической рамкой сохраняется у учителей литературы и истории. Это позволяет сделать вывод, что традиции, заимствованные от советской педагогики и методики обучения тем или иным предметам гуманитарного цикла, пока ещё могут обеспечивать относительно честное и глубокое взаимодействие с учениками в рамках школьных образовательных практик.

Р. Инглхарт и К. Венцель, говоря о различиях между политическими процессами в тех или иных политических системах, обусловленных различными культурными аспектами, тем не менее, склонны отмечать, что «культурные традиции отличаются чрезвычайной устойчивостью; именно они формируют политическую и экономическую практику» [3].

Советское культурное наследие во многом определяет и современный экономический контекст взаимоотношений между Таджикистаном и Россией. Интеграция экономик выглядит достаточно впечатляюще. Рейсы в г. Душанбе есть практически из всех российских городов-миллионников. Помимо этого впечатляет количество рейсов, связывающих российские города и второй по численности город Таджикистана — Худжанд. В частности, осенью 2017 года из 180-тысячного Худжанта можно было добраться в Москву, Краснодар, Ростов, Екатеринбург, Новосибирск, Сургут. В отделениях местных банках рубль — одна из наиболее популярных валют, наряду с долларом США, евро и китайским юанем. Часто можно увидеть офисы сотового оператора «Мегафон». К слову, не во всех постсоветских республиках власть разрешает российским сотовым операторам свободно осуществлять деятельность на своей территории. В этом, безусловно, следует видеть часть какой-то достаточно сложной коммуникации, имеющей длинные, стратегические перспективы.

Комплиментарное отношение к советской культуре со стороны таджиков проецируется и на россиян, которые могут быть непосредственным образом связаны с ней. Проявление подобного внимания можно отнести к проблеме самоидентификации, о которой уже говорилось выше. В диалоге со среднестатистическим россиянином диспозиция выстраивается таким образом, что местное население не стремится превозмочь собственную провинциальность. Подобное ощущение преодолевается с большим трудом, являясь загадкой особых культурных кодов, формировавшихся с течение многих десятилетий. Россиян с готовностью принимают как партнёров — и в этом сложно не заметить следствие проводимой властью культурной политики.

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

Проблема самоидентификации населения современного Таджикистана усугубляется сохранившейся «горячей» памятью о гражданской войне. Как уже отмечалось выше, события середины 1990-х гг. в Таджикистане не могут не рассматриваться вне данного контекста, выступая источником «горячей» памяти, концептуализированной А. Ассман [4]. События прошедшей гражданской войны некоторыми исследователями склонны определяться как особые формы памяти, катализирующие «манифестацию разразившегося кризиса самоидентификации» [5].

В политическом дискурсе современного Таджикистана образ действующего президента вполне устойчиво ассоциируется с миротворческой деятельностью, с политической и экономической стабилизацией. Память о тех событиях всё ещё прочно бытует в общественном сознании. При случае, очевидцы гражданской войны с ужасом вспоминают события, непосредственными участниками которых пришлось им стать. Напоминание о войне и о роли современной таджикской политической элиты становится частью и педагогического дискурса. Так в качестве темы для школьного сочинения могут фигурировать сюжеты, связанные с миротворческой миссией Эмомали Рахмона и его удивительными дипломатическими способностями.

Общество, пережившее гражданскую войну, с тревогой могло наблюдать за хрониками сентябрьских событий 2015 года неподалёку от Душанбе, когда возник риск военного переворота. Тогда таджикская власть быстро мобилизовалась и не дала мятежу распространиться по территории республики. Перемирие, достигнутое высокой ценой для таджиков является достаточной ценностью, чтобы вместо него получить новую неопределённость.

КОНСТРУИРОВАНИЕ «ТВЁРДОЙ» ПАМЯТИ: ТАДЖИКСКАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА

Историческая и культурная память может иметь не только температурное разрешение, представляясь в качестве актуальной, «горячей» памяти и остывающей, «холодной». Память существует и материально, что справедливо притягивает к себе внимание некоторых авторов. В частности, Александр Эткинд предлагает различать «твёрдую» и «мягкую» память. При этом, «твёрдыми» формами выступают преимущественно объекты материальной культуры, а «мягкой» выступает культурный soft. Как отмечает исследователь, «общественное мнение, исторические дискуссии, литературные образы — умирали бы со сменой каждого поколения или даже с переменной моды и настроений, если бы не закреплялись в монументах, мемориалах и музеях» [7].

Советский культурный текст не может так просто быть вытесненным из культурного пространства современного Таджикистана. Вопрос целесообразности его сохранения является как минимум дискуссионным. В частности, Р. Шукуров указывает на подобные размежевания в случае демонтажа памятника Ленину в Душанбе в 1991 году [5].

Новая градостроительная политика власти активизирует наступление на советское архитектурное наследие. Так, летом 2016 года для интеллектуальной общественности довольно чувствительным оказался снос здания Русского драматического театра имени Маяковского, построенного в 1929 году в период сталинского правления. Возмущение даже породило, как отмечают некоторые издания «редчайшую социальную активность», в принципе, не характерную для ситуации с гражданскими и политическими свободами в Таджикистане [8]. Но для власти не оказались убедительными аргументы относительно культурной насыщенности здания театра, в здании которого

когда-то была провозглашена Таджикская ССР, а также тот факт, что в театре в период эвакуации жил и работал известный советский драматург Евгений Шварц [8].

Безусловно, для русскоязычной общности сам факт сноса театра, является довольно сильным вызовом и актом усиления национальной компоненты в культурной политике, в целом. Болезненно приняла факт сноса и театральная труппа. Но для нынешней правящей элиты все эти мифы относятся к бытованию Таджикской ССР в составе Советского Союза, а значит, вступают «твёрдым» свидетельством прежнего подчинённого положения. Чем быстрее это будет вытеснено, тем проще правящей элите конструировать практики собственной легитимации в гомогенном культурном пространстве. Проспект Рудаки, где находилось здание театра, постепенно застраивается высотными зданиями, утрачивая неповторимый советский архитектурный колорит. Некоторые исследователи предпочитают выстраивать чёткую связь между практиками легитимации национальной элиты и перестройкой городов, объясняя это разными аргументами [2]. Подобные практики довольно часты в центрально-азиатских государствах, где целесообразным является всё то, что исходит от правящего класса. Так выглядит вполне симптоматичным комментарий местных чиновников по поводу сноса здания театра. С их точки зрения «здание не имеет никакой архитектурной ценности и не отвечает стандартам «современного градостроительства» [9].

Интересы нового правящего класса Таджикистана превалируют над культурной памятью о временах СССР. Это означает, что есть устойчивый тренд на постепенное прощание с ней. Будет уместно обратиться к немецкому теоретику памяти А. Ассман, утверждающей, что шанс закрепиться в сознании нового поколения есть лишь у того,

что будет со временем «выставлено в музеях, воплощено в памятниках и попало в школьные учебники. Коллективная память позволяет членам сообщества, преодолевая пространственные и временные дистанции, сохранять ценностные ориентиры и системы координат»» [4].

Новая градостроительная политика таджикских властей угрожает ещё одному зданию редчайшей красоты, сооружённому в советский период в 1958 году – чайхане «Рахат». Таким образом, Душанбе может потерять ещё один знаковый памятник советской эпохи. Показательны некоторые отповеди пользователей социальных сетей, просящих оставить в покое советский архитектурный памятник: «Чайхана «Рахат» является не только красивым зданием, построенным в национальном стиле, но также и памятником эпохе честности, порядочности, правдивости, дешевизны и человеческих ценностей» [9].

КУЛЬТУРНЫЙ SOFT СОВРЕМЕННОГО ТАДЖИКИСТАНА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Советское архитектурное наследие в Душанбе является более представительным. Помимо указанных примеров есть и другие здания, памятники, прекрасные мозаичные панно. Вышеуказанные примеры фиксируют лишь уязвимость наиболее знаковых для Душанбе мест, являющих собой уникальную комбинацию «твёрдой» и «мягкой» памяти о советском времени.

Таким образом, на примере современного Таджикистана можно заметить, как развитие государственности постепенно приводит к вытеснению советского имперского текста — национальным. Формы памяти, фиксирующие бытие в рамках империи замещаются новыми картинками, иллюстрирующими национальное. Вместе с этим, таджикский интеллигент совершает некий

comeback в национальный дискурс, оставляя в прошлом времена, когда в период политической неопределённости и «углубившись в собственное прошлое таджикский интеллигент был глубоко потрясён масштабами действительных потерь: измельчением, провинциализацией собственной культуры, нарастающей русификацией и «опрошением» языка» [5].

Национальный текст, манифестации которого некогда были опасны и наказуемы в империи, становится достаточно популярным и даже модным. Таджикские девушки могут делать селфи в национальных платьях, и это уже не порождает какой-то заметной критической рефлексии. Увлечение национальной одеждой молодых таджиков не ускользает от внимания исследователей, акцентирующих внимание на раскрытии в новых гардеробных пристрастиях темы национального возрождения, актуализированной на рубеже XX и XXI вв. В последнее время можно увидеть, как «многие художники-модельеры национальной одежды обращаются к религиозной теме», обретая утраченные за советский период традиции и смыслы [10].

Героический иконостас новой таджикской государственности представлен в знаменитостях, изображения которых нанесены на национальную валюту. Безусловно, у национальной государственности должны быть свои культурные герои. Национальные приоритеты культурной политики можно увидеть и в таджикизации имён. Главный пример необратимости данного процесса был продемонстрирован самим президентом [2].

В случае современного Таджикистана можно говорить о том, что государство постепенно завершило постсоветскую трансформацию, обретая авторитарную форму политического режима. Политический транзит, определяющийся Т. Карл и Ф.

Шмиттер, как «период неизвестной протяжённости, для которого характерна высокая степень неопределённости, когда действия сложно предугадать, а выбор недостаточно ясен» [11], мог быть перспективен только лишь в случае выбора авторитарного вектора, что и случилось на сегодняшний момент времени.

К настоящему времени в республике сформирован вполне устойчивый политический режим Эмомали Рахмона. В мае 2016 года Э. Рахмон получил право избираться неограниченное количество раз, чем, по сути дела, заявил о пожизненном президентстве с последующей передачей власти своему сыну Рустаму Эмомали Рахмону, который в настоящий момент является мэром Душанбе. Длительность присутствия Э. Рахмона на президентском посту постепенно способствует тотализации его образа. Выстраиваемые параллели с основателем таджикского государства И. Сомони и Э. Рахмоном отнюдь не случайны [2]. Подобное конструирование собственного образа кажется таджикскому политическому лидеру куда более перспективным, нежели апеллирование к советскому прошлому, свидетелей которого остаётся с каждым разом всё меньше. Авторитетные, героические предки кажутся более предпочтительными союзниками в процессе культурной перезагрузки. Поднятая рука таджикского президента встречает приезжающих в международном аэропорте г. Душанбе и сопровождает в городе. Портрет Э. Рахмона смотрит с центральных подъездов школ и университетов, его речь вербализована на многочисленных баннерах с нанесёнными цитатами. Подобная тотализация образа Э. Рахмона заслуживает внимания и отсылает к эзотерическим истокам его откровений. В целом, нужно понимать, что легитимность

власти в восточных режимах в полной мере корреспондирует с её мистическим характером. Отсюда, легитимность власти существует тогда, «пока действует её сакральный элемент, с которым связывается функциональность правящего режима» [12].

Стабильность сложившейся политической конструкции вполне устраивает Россию, заинтересованную в определённой предсказуемости. Вместе с тем, вызовы политической делегитимации режима Э. Рахмона всё-таки могут иметь место, что отмечают некоторые эксперты. В частности, Т. Варки считает, что изменить сценарий передачи власти могут влиятельные силовики. По его мнению, вполне вероятен сценарий, при котором произойдёт «обострение внутриклановой внутриаппаратной борьбы с участием силовых структур» как раз в случае политического кризиса, вызванного запущением механизма передачи власти [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный Таджикистан медленно, но верно движется по пути развития национальной государственности. Политический режим Э. Рахмона обладает необходимым запасом прочности [14]. Этому в полной мере способствует проводимая властью культурная политика. Период политической стабилизации, наблюдаемый на примере Таджикистана, рано или поздно актуализирует вопрос оптимизации культурной политики, её переформатирования и заполнения смыслового и символического вакуума. В данном смысле, вопрос постепенного расставания с ценностным наследием советской империи является делом времени для действующего политического режима, который будет нуждаться в национальных культурных драйверах для политической легитимации [15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горак С. Идеология лидера в постсоветском Таджикистане. *Центральная Азия и Кавказ*. 2009;6:123–134.
2. Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминания. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Москва: АИРО–XX; 1999. 446 с.
3. Горбаневская Н. Мой Милош. Москва: Новое издательство; 2012. 440 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс; 1989. 615 с.
5. Панфилова В. Эмомали Рахмон стал пожизненным президентом. [протитировано 05 ноября 2017]. Доступно: http://www.ng.ru/cis/2016-05-23/1_rahmon.html
6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 232 с.
7. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем. Москва: Дом Высшей школы экономики; 2016. 456 с.
8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство; 2010. 463 с.
9. Карл Т., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы для изучения посткоммунистических трансформаций. *Полис*. 2004;10: 6–28.
10. Скиперских А.В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина; 2006. 142 с.
11. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребённых. Москва: Новое литературное обозрение; 2016. 328 с.
12. Умарова Г.А. Символика цвета и цветовые предпочтения в костюме мусульман (на примере Таджикистана). *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2014; 4(1): 131–136.
13. Социальные медиа региона: советские здания как хранители истории для жителей Алматы и Душанбе [протитировано 05 ноября 2017]. Доступно: <http://www.dialog.tj/news/sotsialnye-media-regiona-sovetskie-zdaniya-kak-hraniteli-istorii-dla-jitelei-almaty-i-dushanbe>
14. В Душанбе начали сносить театр Маяковского [протитировано 05 ноября 2017]. Доступно: <https://news.tj/ru/news/v-dushanbe-nachali-snosit-teatr-mayakovskogo>
15. Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. 2002; 2(13): 21–35.

REFERENCES

1. Gorak S. Ideology of the leader in Post-Soviet Tajikistan. *Central Asia and the Caucasus*. 2009;6: 123–134. (In Russ.)
2. Shukurov R. Tajikistan: memories of memory. National history in the Soviet and post-Soviet states. Moscow: AIRO – XX; 1999. 446 p. (In Russ.)
3. Gorbanevskaya N. My Milos. Moscow: New publishing house; 2012. 440 p. (In Russ.)
4. Bart R. Selected works. Semiotics. Poetics. Moscow: Progress; 1989. 615 p. (In Russ.)
5. Panfilova V. Emomali Rakhmon became a life president. In Tajikistan, the transfer of power was legally enacted [quoted on November 5, 2017]. Available: http://www.ng.ru/cis/2016-05-23/1_rahmon.html (In Russ.)
6. Assman, A. A new dissatisfaction with the memorial culture. Moscow: New literary review; 2016. 232 p. (In Russ.)
7. Lubbe G. Up with the times. Short stay in the present. Moscow: House of the Higher School of Economics; 2016. 456 p. (In Russ.)

8. Inglehart P., Welzel K. Modernization, cultural changes and democracy. The sequence of human development. Moscow: New publishing house; 2010. 463 p. (In Russ.)
 9. Karl T., Schmitter F. Democratization: concepts, postulates, hypotheses. Reflections on the applicability of the transitological paradigm for studying post-communist transformations. *Po-lis*. 2004;10: 6–28. (In Russ.)
 10. Skiperskikh A.V. Legitimation and delegitimation of Post-Soviet political regimes. Yelets: YSU named Ivan Bunin; 2006. 142 p. (In Russ.)
 11. Etkind A. Crooked grief: The memory of the unburied. Moscow: New literary review: 2016. 328 p. (In Russ.)
 12. Umarova G.A. Symbolism of color and color preferences in the costume of Muslims (on the example of Tajikistan). *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*. 2014;4(1): 131–136. (In Russ.)
 13. Social media of the region: Soviet buildings as custodians of history for residents of Almaty and Dushanbe [quoted on November 5, 2017]. Available: <http://www.dialog.tj/news/sotsialnye-media-regiona-sovetskie-zdaniya-kak-hraniteli-istorii-dla-jitelei-almaty-i-dushanbe> (In Russ.)
 14. The Mayakovsky theatre was demolished in Dushanbe [quoted on November 5, 2017]. Available: <https://news.tj/en/news/v-dushanbe-nachali-snosit-teatr-mayakovskogo> (In Russ.)
 15. Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. 2002; 2(13): 21–35.
-
 Статья получена 18.12.2017
 Received 18.12.2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр В. Скиперских, доктор политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия; 614070, Пермский край, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38; pisatels@mail.ru

Aleksandr V. Skiperskikh, Doctor of Political Sciences, National Research University «Higher School of Economics», Perm, Russia; bld. 38, ul. Studencheskaya str., Perm 614070, Russia; pisatels@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Внешняя и внутренняя политика Украины на современном этапе

Катерина Г. Ильинова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ilinova17katerina@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется внутривнутриполитическое развитие Украины, которое происходило за более чем четверть века современной истории, а также анализируются основные направления внешней политики страны. За период, который прошел с момента распада СССР в 1991 году, политическое развитие Украины сопровождалось конфликтами, кардинальными изменениями конституции. Острая борьба шла между исполнительной и законодательной ветвями власти, которые стремились усилить свои позиции за счет перераспределения полномочий. Кроме того, острые дискуссии шли между сторонниками унитарного устройства Украины и приверженцами федерализации. Последние видели в переходе к федеративным началам гарантию сохранения территориальной целостности страны и пути достижения политической стабильности. Данная проблема была особенно актуальной для украинского государства, которое в силу исторического развития и формирования современной территории, унаследовало межрегиональные противоречия. Это особенно четко проявилось в периоды политических событий 2004 и 2014 годов, в полной мере отразив имеющиеся проблемы, связанные с борьбой региональных элит. Несмотря на политические потрясения, украинские элиты западных и восточных регионов выступали за унитарное развитие Украины, видя в этом возможность получения полного контроля над государственными институтами и финансовыми потоками. Игнорирование возможностей федеративного устройства проявилось в 2014 году, когда жесткое неприятие радикальных националистических партий, осуществивших государственный переворот в Киеве, вызвало волну протестных выступлений в юго-восточных регионах. Последующая политическая борьба между Киевом и регионами востока Украины переросла в вооруженный конфликт. Впрочем, несмотря на это, официальные украинские власти не изменили своего негативного отношения к возможности федерализации государства.

Сложно и противоречиво формировалась внешняя политика Украины, которая в основном носила прозападный курс. Несмотря на непродолжительные периоды сближения с Россией, что усиливало критику со стороны оппозиционных сил, украинская власть придерживалась проевропейского курса, рассматривая его в качестве гарантии независимого развития и создания противовеса России. Подобный подход сказался на внешнеполитических приоритетах Украины, которая расширяла сотрудничество со странами, занимающими жесткую позицию по отношению к России. В конечном итоге, усиление антироссийской риторики со стороны официального Киева привело к охлаждению российско-украинских

отношений, которые перестали носить характер стратегического партнерства, а затем и привело к жесткому противостоянию двух стран.

В последние годы внимание украинской политики направлено на укрепление отношений с европейскими странами. Этот вектор усилился после смены власти на Украине в 2014 году, когда украинские власти взяли курс на расширение сотрудничества с ЕС, США и стали прилагать усилия для сближения с НАТО.

Ключевые слова: Украина, внешняя политика, внутренняя политика, унитаризм, федерализм, российско-украинские отношения

Для цитирования: Ильинова К. Г. Внешняя и внутренняя политика Украины на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):89-100. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-89-100

Foreign and Domestic Policy of Ukraine at the Present Stage

Katerina G. Ilinova

Peoples' Friendship University of Russian (RUDN University), Moscow, Russia

ilinoval7katerina@mail.ru

Abstract: In article internal political development of Ukraine which happened for more than quarter of the century of modern history is investigated and also the main directions of foreign policy of the country are analyzed. For the period which has passed from the moment of the collapse of the USSR in 1991 political development of Ukraine was followed by the conflicts, cardinal changes of the constitution. Bitter struggle went between executive and legislative branches of the power which sought to strengthen the positions due to redistribution of powers. Besides, heated debates went between supporters of the unitary device of Ukraine and adherents of federalization. The last saw a guarantee of maintaining territorial integrity of the country and a way of achievement of political stability in transition to the federal beginnings. This problem was especially relevant for the Ukrainian state which owing to historical development and formation of the modern territory, has inherited interregional contradictions. It was especially accurately shown during the periods of political events of 2004 and 2014, having fully reflected the available problems connected with fight of regional elite. Despite political shocks, the Ukrainian elite of the western and east regions supported unitary development of Ukraine, seeing in it a possibility of receiving complete control over the state institutes and financial flows. Ignoring of opportunities of the federal device was shown in 2014 when tough rejection of the radical nationalist parties which have carried out a coup in Kiev has caused a wave of protest performances in southeast regions. The subsequent political struggle between Kiev and regions of the East of Ukraine has developed into armed conflict. However, despite it, the official Ukrainian authorities haven't changed the negative attitude to a possibility of federalization of the state.

It is difficult and contradictory the foreign policy of Ukraine which generally carried a westernized course was formed. Despite the short periods of rapprochement with Russia that strengthened criticism from opposition forces, the Ukrainian power adhered to a pro-European course, considering him as a guarantee of independent development and creation of a counterbalance of Russia. Similar approach has affected foreign policy priorities of Ukraine which expanded cooperation with the countries taking a hard line in relation to Russia. Finally, strengthening of the anti-Russian rhetoric from official Kiev has led to cooling of the Russian-Ukrainian relations which have ceased to have character of strategic partnership, and then and has led to tough opposition of two countries.

In recent years the attention of the Ukrainian policy is directed to strengthening of the relations with the European countries. This vector has amplified after change of the power in Ukraine in 2014 when the Ukrainian authorities have headed for expansion of cooperation with the EU, of the USA and began to make efforts for rapprochement with NATO.

Keywords: Ukraine, foreign policy, domestic policy, unitarianism, federalism, Russian-Ukrainian relations

For citation: Ilinova K. G. Foreign and Domestic Policy of Ukraine at the Present Stage. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):89-100. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-89-100

ВВЕДЕНИЕ

Политическая ситуация на Украине остается сложной. Борьба за власть, которая в острой форме идет с 2004 года, привела к усилению позиций националистических сил [1]. Президенты Л. Кучма, В. Ющенко и В. Янукович, которые находились у власти не раз декларировали готовность предпринять шаги, направленные на стабилизацию политической ситуации и решение межрегиональных противоречий [2]. В качестве одного из шагов, призванных решить межрегиональные противоречия, могло стать проведение политической реформы и перехода от унитаризма к федерализму [3]. Однако этого не произошло и проблема территориально-государственного устройства Украины, борьба за власть, происходящая в условиях резкого ухудшения ситуации в экономике, и внешнеполитическая проблематика по-прежнему определяли развитие украинского государства [4].

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ

Для независимой Украины для периода правления Л. Кучмы была характерна относительная стабильность и предсказуемость. Созданная им политическая система обеспечивала эффективную работу государственного аппарата, адекватность принимаемых решений и неукоснительность их исполнения. Именно поэтому мы можем говорить об «эпохе Кучмы».

«Оранжевая революция» 2004 года обострила проблемы, которые до этого с каждым годом усиливались и угрожали существованию Украины. Ухудшение ситуации было вызвано несовершенством политической системы, коррупцией. Сказалась одновекторность внешней политики, примитивный и однобокий подход к решению культурно-исторических проблем, правовой нигилизм и политический эгоизм украинских политиков и власть предержащих поляризовали общественное мнение, пре-

вратили страну в бурлящий идеологический, политический и религиозный котел.

Политические события 2014 года стали переломными во внутривнутриполитическом развитии Украины. Этим событиям предшествовала напряженная политическая борьба. Сначала «оранжевая революция» 2004 года усилила политическое противостояние в стране, затем, принятая в декабре того же года, введенная в действие в марте 2006 года конституционная реформа положила начало выходу на первые роли националистических сил. Приход к власти В. Януковича в 2010 году открыл новую страницу в политических технологиях борьбы за власть, которые последовательно обкатывались в странах постсоветского пространства. В тот период многие эксперты ставили вопрос относительно возможности повторения ситуации 2004 года, отмечая, что исследование политического процесса, который происходил на Украине, нуждается в дополнительном исследовании.

Возврат в 2010 году украинской конституции к редакции 1996 года и разыгрывание «карты» украинского национализма негативно сказалось на политическом развитии Украины. Усилилось политическое противостояние, возросло давление со стороны внешних стран, что нашло отражение на парламентских выборах 2012 года [5].

Консолидация украинской оппозиции в конце 2013 года началась с решения, которое касалось внешнеполитической проблемы. Речь шла об отказе Украины от подписания с ЕС соглашения об ассоциированном членстве. За неделю до подписания данного документа (в конце ноября 2013 года) руководство Украины изменило свою позицию, отказавшись подписывать соглашение об ассоциации. После этого в стране начались выступления молодежи и представителей оппозиции, которые в короткие сроки переросли в антиправительственные и антипре-

зидентские выступления, направленные на захват власти [6]. Сильное влияние на украинские власти оказывал Майдан, который претендовал на роль альтернативного центра выражения интересов народа Украины, отражая позиции радикальных националистических групп, пытающихся выступать в качестве самостоятельной силы и диктовать свои условия.

В феврале 2014 года на Украине произошел захват власти оппозицией, что привело к формированию нового состава правительства. В мае 2014 года прошли досрочные выборы президента Украины [7]. Действия оппозиции были поддержаны западными странами, которые извлекли уроки из геополитических метаний прежних украинских президентов и сделали ставку на националистов, идеология которых отвергает какое-либо сближение с Россией [8].

После февраля 2014 года начался процесс передела собственности. Менялась внешняя политика. Украина, которая в 2010-2011 годах начинала, но затем приостановила сотрудничество с западными странами [9] по разработке месторождений сланцевого газа, вновь вернулась к этому вопросу [10]. Начался новый этап взаимодействия с западными странами [11]. Повышенное внимание западные страны уделяли Черноморскому региону [12]. Не меньшая активность наблюдалась в Приднестровье, где сталкивались интересы причерноморских государств и стран ЕС [13].

Деятельность новых властей Украины, направленная на полное подчинение Юго-Востока страны, привела к поляризации общества, а дискредитация правоохранительных органов ухудшила криминогенную ситуацию на всей территории Украины.

Политический кризис 2014 года вновь поставил на повестку дня вопрос о федерализации Украины. Интерес к этому вопросу возникал на Украине всякий раз, когда Киев

пытается ущемить права русскоязычного населения Востока страны [14].

Новые власти выступали против федерализации Украины, считая, что «настоящая Украина» не может иметь иной идеологии, кроме как националистической. Новое большинство в Верховной раде, правительство и президент видели Украину в качестве унитарного государства. Мотивы властей определялись как текущими соображениями, так и долгосрочными задачами. С сохранением Украины в качестве унитарного государства были связаны надежды на получение экономической помощи от МВФ [15]. Впрочем, власти юго-восточных регионов не спешили поддержать переход к федеративному устройству. Областные советы находились под сильным влиянием крупного капитала, который выступает против изменения формы государственного устройства [16]. В итоге власти юго-восточных областей Украины заявляли о необходимости децентрализации власти, поднимая вопросы о статусе русского языка и сохранения культуры перераспределением экономических потоков между Киевом и регионами. Другой причиной пассивности юго-восточных областей являлось отсутствие политических сил, способных выступить инициатором федерализации страны. Отдельные общественные организации не располагали финансовым и административным потенциалом для организации движения в поддержку федерализации страны [17]. В целом за все годы независимости идеи федерализации были востребованы каждый раз, когда националистические элиты западных областей шли в «поход» на Киев и пытались подчинить своему влиянию Восток страны [18].

Стремление сохранить унитарное устройство украинского государства не решало проблем, а лишь переносило их на будущее. Между тем, унитарный статус

являлся основным фактором, который нес угрозу территориальной целостности страны, провоцируя регионы на защиту своих интересов. Несмотря на это, пришедшая к власти националистические силы игнорировали многообразие регионов, настаивая на сохранении унитарного устройства [19].

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ

С 2014 года вовлеченность западных стран в украинские события возросла. Прежде всего, ЕС и США использовали так называемый «крымский фактор» (вхождение Крыма в состав России в марте 2014 года по итогам референдума), который оказывал большое влияние на внешнюю политику Киева. Повышенное внимание украинских властей к «проблеме» Крыма поддерживается США и европейскими странами. В Вашингтоне и Брюсселе поощряют «усилия» Киева по возврату полуострова в состав Украины. Кроме того, США и европейские страны заинтересованы сохранить внимание к Крыму со стороны международного сообщества, поскольку крымская проблематика позволяет продолжать конфронтационную политику в отношении России, выдвигая ей новые требования и вводя дополнительные санкции [20].

Киев настойчиво формировал общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами в поддержку сохранения жесткого курса в отношении Донбасса и рассчитывает на дальнейшее вовлечение США и ЕС в разрешение внутреннего конфликта. В свою очередь, Брюссель и Вашингтон корректируют политику Киева, оказывая на него политическое давление и расширяя военное и экономическое сотрудничество [21]. Кроме этого, США и ЕС поощряют конфронтационный подход Киева в отношениях с Москвой, рассматривая российско-украинские отношения в контексте процессов, происходящих на постсоветском пространстве [22].

Расширение сотрудничества Украины с США и ЕС, сопровождается активизацией контактов с НАТО. Созданы различные тренировочные лагеря с привлечением инструкторов Альянса, проводятся совместные учения, обсуждаются варианты расширения присутствия НАТО в Черноморском регионе. Новые импульсы получает политическое взаимодействие Украины с НАТО. Отражением этого является принятие Парламентской ассамблеи НАТО резолюции о солидарности с Украиной и осуждении политики России.

Кардинальный разворот внешней политики Украины в сторону западных стран вызван изменениями в расстановке сил внутри страны. Усилились позиции представителей радикальных националистических сил в коридорах власти, изменились настроения населения в регионах, в том числе и на юго-востоке, где выросла доля населения, негативно относящегося к России. Это стало результатом политики официального Киева, которые на протяжении длительного времени поощрял распространение националистических идей и поддерживал рост антироссийских настроений. Однако, если в начале 1990-х годов, внешнеполитическое устремление, выдвигаемые националистическими силами сдерживались экономическими связями с Россией, пророссийскими настроениями на востоке страны и наличием экономических связей, сохранившихся со времен СССР, то спустя почти двадцать пять лет после получения независимости внутривосточная ситуация изменилась, при том, что националистическая элита значительно укрепилась во власти [23]. Итогом этого стало резкое ухудшение российско-украинских отношений, которые приобрели откровенно конфликтный характер.

ВНЕШНИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ УКРАИНЫ

В сентябре 2012 года в преддверие парламентских выборов на Украине США вновь обратились к теме политических заключенных. Сенат США одобрил резолюцию №466, в которой осудил действия администрации президента В. Януковича, направленные на политически мотивированный арест бывшего главы правительства Ю. Тимошенко и призывал Государственный департамент США выдать запрещение на выдачу виз тем, кто ответственен за арест Тимошенко и плохое обращение с ней. Согласно документу, резолюция была дополнением к международному анализу и протестам по поводу нарушений, которые происходили на Украине [24].

Украина оставалась одним из ключевых государств постсоветского пространства, к которому США проявляли большой интерес. Одним из приоритетов внешней политики США выступает сфера энергетического сотрудничества. В январе 2013 года Украина подписала соглашение с американской компанией «Shell» о разработке месторождений сланцевого газа, расположенных на украинской территории. Данной сотрудничество на Украине рассматривают через призму реализации стратегии повышения энергетической безопасности, что предполагает сокращение поставок российского газа и рост добычи собственных углеводородов [25].

Американский президент Дж. Буш-старший заложил основы внешней политики США в отношении Украины. Б. Клинтон и Буш-младший расширили инструментарий американской политики, дополнив и уточнив цели внешнеполитического курса. В период их правления, американская внешняя политика в отношении Киева добилась значительных успехов. Вашингтон сумел не допустить экономического и политического сближения России и Украины, добившись от украинского руководства

ориентации на интересы западных стран. Обама сохранил внимание США к Украине, а американский президент Д. Трамп не изменил приоритеты внешнеполитической стратегии США в отношении Украины.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ВЕКТОР

За прошедшее десятилетие Украина утратила позиции в стратегически важном Черноморском регионе. Южное направление внешней политики Украины было незаслуженно обделено вниманием, хотя по количеству проблем, их остроте оно не уступает российскому или европейскому внешнеполитическому вектору [26]. Впрочем, серьезного прогресса в отношениях с Европой Украина так и не достигла, а с Россией — испортила.

Невнимание к южному вектору значительно ослабило геополитические позиции Украины в Черноморском регионе. Решение международного суда по острову Змеиный в пользу Румынии, отсутствие прогресса на переговорах с Молдавией, ослабление позиций в области транзита энергетических ресурсов, особенно в контексте создания трубопроводов «Турецкий поток» стали наиболее резонансными провалами внешней политики, в которых как в зеркале отразились проблемы украинской власти [27].

Конечно, все можно списать на переходный период, в котором не первый год пребывает украинское государство. Однако проблемы гораздо глубже. Украина оказалась неготовой к региональному соперничеству. Геополитический потенциал, доставшийся от СССР, был бездарно растрочен, что привело к утрате позиций в регионе. Если двадцать лет назад с Украиной, обладавшей развитым портовым хозяйством, мощным торговым флотом, военным потенциалом, считались другие причерноморские страны, видя в ней серьезного партнера и опасного конкурента, то сегодня ситуация

кардинально изменилась. Инфраструктура изношена, флот устарел, программы освоения шельфа не реализуются, а будущие трубопроводы должны пройти, минуя украинскую территорию. А главное, страна не имеет долгосрочных ориентиров в регионе, чем в полной мере воспользовались причерноморские государства [28].

События последнего десятилетия отчетливо показали, что в Черноморском регионе формируется принципиально новая геополитическая ситуация. Происходит стремительное наращивание военного потенциала. Наиболее резонансным стало решение Румынии разместить на своей территории элементы противоракетной обороны (ПРО) США. Это можно рассматривать как очередной шаг США на пути к укреплению своих позиций в Черноморском регионе, который превращается в арену политического и военного соперничества. В свою очередь, развивая военное сотрудничество с США и НАТО, Румыния рассчитывает повысить свою роль в регионе и заручиться политической поддержкой Вашингтона. Впрочем, не только Румыния стремится укрепить военно-политическое сотрудничество с США и НАТО, видя в этом политические и экономические выгоды. Подобной линии придерживается и Болгария, которая ведет переговоры с США о размещении на своей территории элементов ПРО.

Грузия при политической и финансовой поддержке США продолжает быстрыми темпами наращивать свои вооруженные силы. Присутствие США и НАТО в Черноморском регионе рассматривается Тбилиси в качестве гарантии собственной безопасности.

ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР

Другим геополитическим игроком, претендующим на лидерство в регионе, выступает Турция, которая весьма ревностно относится к планам США расширить свое

присутствие в Черном море. К усилению внимания к Черноморью Турцию подталкивают неудачи на европейском направлении. После многолетних и безуспешных попыток стать членом большой европейской «семьи» Анкара сделала разворот в сторону Черноморского региона, намереваясь стать региональным лидером. Исходя из этого, в последние годы Турция реализует программы по развитию военно-морских сил. Проводится модернизация имеющихся военных судов, закупаются новые суда. Если Турция будет проводить развитие своих военно-морских сил нынешними темпами, то через 5-7 лет она станет наиболее сильной в военном плане региональной державой.

Развитие военно-морских сил Румынии и Турции тесно переплетаются с планами по будущему освоению нефтегазовых ресурсов Черного моря. Собственно практически все причерноморские страны уже активно ведут разработку месторождений Черноморского региона. Румыния и Турция реализуют амбициозные проекты по добыче нефти и газа на шельфе Черного моря. Решение Международного суда по острову Змеиный в феврале 2009 года активизировало политику Бухареста. Не случайно, уже летом того же года румынская сторона заявила о планах начать разработку нефтегазовых месторождений около острова, прежде всего, на тех участках, которые отошли к ней по решению суда. Румыния рассчитывает получить первую промышленную нефть и довести ее добычу до нескольких десятков миллионов тонн в год [29]. Для этого Румыния намерена привлечь к разведке и эксплуатации месторождений вокруг острова Змеиный американские нефтегазовые компании, которые с удовольствием займутся добычей ресурсов в регионе. Здесь пригодятся военные базы НАТО и элементы ПРО, расположенные на территории Румынии, призванные защи-

щать нефтегазовые кладовые и маршруты экспорта добываемых ресурсов.

Не менее активно действует Турция, которая поставила перед собой цель стать лидером по уровню добычи на месторождениях Черного моря. Анкара в сжатые сроки сумела не только догнать остальные причерноморские страны, но и приступить к реализации амбициозных программ освоения турецкой части шельфа с привлечением ведущих зарубежных нефтяных компаний [30].

Разработкой месторождений шельфа Черного моря занимается Россия и Болгария. Последняя активно привлекает иностранные компании к добыче углеводородного сырья в болгарском секторе моря. Даже Грузия, которая испытывает определенные экономические трудности, уделяет большое внимание углеводородным ресурсам, находящимся на черноморском шельфе.

Украина, имеющая экономические возможности и материальную базу, не продвинулась в разработке черноморских месторождений. Украинские власти так и не сумели привлечь к разработке иностранные нефтяные компании. Прозвучало много громких заявлений о скором начале собственной промышленной добычи углеводородного сырья на шельфах Черного и Азовского морей. Но планы так и остались планами. Причины известны. Отсутствует единая государственная позиция, наблюдается недостаток специалистов, нет оборудования и современных технологий. В итоге, несогласованность украинских министерств и ведомств, нестабильная политическая ситуация стали серьезным препятствием для начала реализации программы по масштабной разработке шельфа Черного моря.

Румыния имеет не только амбиционные планы по разработке своих месторождений, но и не оставляет попыток замкнуть на себя нефтяные потоки с месторождений Каспийского региона. Получение Румы-

нией контроля над частью акватории моря и черноморским шельфом может сыграть важную роль при прокладке новых трубопроводов по дну Черного моря.

Черноморская конкуренция в сфере экспорта энергоносителей возрастает от года к году, что обусловлено не только постепенно растущими объемами добычи нефти и газа на месторождениях Каспия, но и борьбой ведущих геополитических игроков за контроль над маршрутами их транспортировки на внешние рынки. В этой игре страны Черноморского региона рассчитывают повысить свой транзитный потенциал, используя его для укрепления своих экономик и частичное решение социальных проблем.

Вопрос о будущих трубопроводных маршрутах продуцирует появление программ развития береговой инфраструктуры, портовых мощностей, укрепление военно-морских сил. Неслучайно пока Украина была занята вопросами демократии и политической модернизации [31], ее соседи, Болгария, Румыния, Турция и России вкладывали значительные средства в развитие портовых мощностей, модернизацию судов, разработку нефтегазовых месторождений. И первые успехи соседей Украины не заставили себя ждать.

Милитаризация Черноморского региона тесно переплетается с проблемой транспортировки ресурсов на внешний рынок. Военно-морские силы причерноморских стран, США и НАТО должны стать надежным

инструментом для их защиты. Каждая из стран Черноморского региона рассчитывает усилить свои позиции и получить новые прибыли за счет прокачки дополнительных объемов нефти и газа из Каспийского региона. И если соседи Украины подкрепляют свои планы конкретным наполнением, то украинская власть так и не вышла за рамки деклараций [32].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Географическое положение Украины и наличие развитой транспортной инфраструктуры создавало хорошие перспективы для экономического развития, политической стабильности, участия в международных транспортных и трубопроводных проектах [33]. Однако внутриполитические проблемы, которые достались стране от Советского Союза, за годы независимого развития усугубились [34]. Невнимание к вопросам политического развития, межрегиональные противоречия и геополитические амбиции ослабили позиции Украины, как одного из акторов внешней политики [35].

В последние годы украинские власти устраивают курс на сохранение унитарного характера государства, во внешней политике ориентируются на интересы западных государств. Полностью игнорируются внутренние проблемы [36]. Все это негативно сказывается на развитии Украины, снижая ее перспективы к экономическому развитию и политической стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жильцов С.С. Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. Москва: Международные отношения; 2005. 264 с.
2. Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. Москва: Восток – Запад; 2011. 227 с.
3. Жильцов С.С. Государственное устройство Украины: между унитаризмом и федерализмом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015; 2: 5–17.
4. Жильцов С.С. Украина: новый этап политического развития. *Проблемы постсоветского пространства*. 2014;1: 4–23.

5. Жильцов С.С. Украина: 20 лет пути к независимости. Москва: Восток – Запад; 2012. 338 с.
6. Жильцов С.С. Украина: изменение политического ландшафта. *Геополитический журнал*. 2014; 5: 19–30.
7. Ворошилов О. Новый украинский Кабмин — «правительство камикадзе»? *Резонанс*. 2014;15: 13–25.
8. Горовая С. Украине уже помогают ... намерениями. *Резонанс*. 2013;88: 12–18.
9. Жильцов С.С. Украинский кризис в контексте геополитики. Современный мир и геополитика. Москва: Канон+; 2015. С. 374–410.
10. Жильцов С.С. Сланцевый флэшмоб: технологии, экология, политика. Москва: Восточная книга; 2013. 212 с.
11. Жильцов С.С., Ильинова К.Г. Политика США в отношении Украины (1991–2012). *Вестник РУДН. Серия политология*. 2014;1:20–35.
12. Жильцов С.С. Стратегия ЕС в Черноморском регионе. В: Материалы международного научно-практического круглого стола «Современное государство в условиях глобализации: институты, процессы, технологии» (Москва, 24–25 апреля 2013 г. Москва, РУДН). Москва. МАКС Пресс; 2013. С. 69–73.
13. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Дунайская энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2009. Т.1. 304 с.
14. Бусол П.А. Проблема федерализации в украинских реалиях: мнения экспертов и политиков. *Украина: события, факты, комментарии*. 2014;9: 43–55.
15. Симоненко Е. Визит МВФ: новые кредиты, старые проблемы. *Резонанс*. 2014;20: 5–19.
16. Рябоконт А. Реакция местных органов власти и общественности юго-восточных областей Украины на события в Киеве. *Резонанс*. 2013;98: 13–22.
17. Филиппов Н. Распад или раздел. *Таврические вести*. Новороссия. 2014;8: 1–2.
18. Горовая С. Территориальная целостность Украины в контексте потенциальных угроз. *Резонанс*. 2014;27: 5–11.
19. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма. *Вестник РУДН. Серия политология*. 2014;4: 21–36.
20. Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы. *Вестник РУДН. Серия политология*. 2016;1: 7–15.
21. Жильцов С.С. «Сланцевая революция» и энергетическая политика России. В: Материалы XII международной научной конференции «Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем. (Москва, 7 апреля 2016 г.). Москва. университет им. С.Ю. Витте; 2016. С. 338–348.
22. Жильцов С.С. Революционные волны на постсоветском пространстве. *Центральная Азия и Кавказ*. 2005;6: 7–13.
23. Жильцов С.С. Государственное устройство Украины: проблемы современного развития. *Обозреватель*. 2015;5: 5–14.
24. Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский регион: новые очертания. Москва: МГОУ; 2010. 198 с.
25. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. Москва: Международные отношения; 2007. 200 с.
26. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. Москва: Восток – Запад; 2009. 351 с.
27. Жильцов С.С. Может ли повториться «оранжевая революция» на Украине? В: Круглый стол «Проблемы развития и реформирования СНГ». (Москва, Дипломатическая академия МИД РФ, 16–20 апреля 2007). Москва. Известия; 2007. С. 102–110.
28. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Дунайская энциклопедия. Москва: Международные отношения; 2009. Т.2. 351 с.
29. Жильцов С.С. Украина: перезагрузка. Москва: Восток – Запад; 2009. 463 с.

30. Гришин О.Е., Жильцов С.С., Иванова Е.А., Михайлова Н.В., Попов С.И., Степанов С.А. Проблемы политической науки. Москва: МАКС Пресс; 2014. 164 с.
31. Жильцов С.С. «Восточное партнерство»: значение и возможные последствия для постсоветского пространства. *Вестник Дипломатической академии МИД России*. 2010; 1: 5–14.
32. Жильцов С.С., Григорьянц В.Е., Ишин А.В. Сланцевый газ. Симферополь: Таврия-Плюс; 2012. 136 с.
33. Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. Москва: Эдель-М; 2001. 199 с.
34. Платонов В.М., Жильцов С.С., Глебов В.А. Конституционная реформа на Украине: основные этапы развития. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2015;4: 5–21.
35. Жильцов С.С. Парламентские выборы на Украине: внешние и внутренние факторы. *Обозреватель*. 2013;2: 30–42.
36. Жильцов С.С. Технологии политической борьбы за власть на Украине. *Полис*. 2014;6: 52–61.

REFERENCES

1. Zhiltsov S.S. Unfinished Play for “Orange Ukraine”. Moscow: International Relations; 2005. 264 p. (In Russ.)
2. Zhiltsov S.S., Ishin A.V., Malgin A.V. Federalization of Ukraine: To Unity Through Diversity. Moscow: East – West; 2011. 227 p. (In Russ.)
3. Zhiltsov S.S. State Structure of Ukraine: Between Unitarism and Federalism. *Post-Soviet Issues*. 2015; 2: 5–17. (In Russ.)
4. Zhiltsov S.S. Ukraine: New Stage of Political Development. *Post-Soviet Issues*. 2014. 1: 4–23. (In Russ.)
5. Zhiltsov S.S. Ukraine: 20-Year Path to Independence. Moscow: East – West; 2012. 338 p. (In Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Ukraine: Changes in the Political Landscape. *Geopolitical Journal*. 2014;5: 19–30. (In Russ.)
7. Voroshilov O. The new Ukrainian government — «the government of the fateful»? *Resonance*. 2014;15: 13–25. (In Russ.)
8. orovaya S. Ukraine already help ... Intentions. *Resonance*. 2013;88: 12–18. (In Russ.)
9. Zhiltsov S.S. Geopolitical Context of the Ukrainian Crisis. Modern World and Geopolitics. Moscow: Canon+; 2015. P. 374–410. (In Russ.)
10. Zhiltsov S.S. Shale Flash Mob: Technologies, Ecology, Politics. Moscow: Eastern Book; 2013. 212 p. (In Russ.)
11. Zhiltsov S.S., Ilinova K.G. US Policy Towards Ukraine (1991–2012). *RUDN Newsletters. Series: Politology*. 2014;1:20–35. (In Russ.)
12. Zhiltsov S.S. EU Strategy in the Black Sea Region. In.: Proceedings of International Scientific Practical Round-Table Meeting “Modern State in the Conditions of Globalization: Institutes, Processes, Technologies” (Moscow, 24–25 April 2013. Moscow, RUDN). Moscow: MAX Press; 2013. P. 69–73. (In Russ.)
13. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Danube Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2009. Vol.1. 304 p. (In Russ.)
14. Busol P.A. A federalization problem in the Ukrainian realities: opinions of experts and politicians. *Ukraine: events, facts, comments*. 2014;9: 43–55. (In Russ.)
15. Simonenko E. Visit of the IMF: new credits, old problems. *Resonance*. 2014;20: 5–19. (In Russ.)
16. Pjabokon A. Reaction of local authorities and the public of the southeast areas of Ukraine on events in the Kiev. *Resonance*. 2013;98: 13–22. (In Russ.)

17. Filippov N. Disintegration or section. *Taurian messages. Novorossiia*. 2014;8 :1–2. (In Russ.)
18. Gorovaya S. Territorial integrity of Ukraine in the context of potential threats. *Resonance*. 2014;27: 5–11. (In Russ.)
19. Zhiltsov S.S. Sources of Modern Ukrainian Nationalism. *RUDN Newletters. Series: Politology*. 2014;4: 21–36. (In Russ.)
20. Zhiltsov S.S. Eurasian Integration: Problems and Prospects. *RUDN Newsletters. Series: Politology*. 2016;1: 7–15. (In Russ.)
21. Zhiltsov S.S. “Shale Revolution” and Energy Policy of Russia. In.: Proceedings of 12th International Scientific Conference “Modern Problems of Natural Resource Management and Development of Socioeconomic Systems” (Moscow, 7 April 2016). Moscow: Vitte University; 2016. P. 338–348. (In Russ.)
22. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-Soviet Space. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6: 7–13. (In Russ.)
23. Zhiltsov S.S. State Structure of Ukraine: Issues of Modern Development. *Observer*. 2015;5: 5–14. (In Russ.)
24. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. The Black Sea Region: New Outlines. Moscow: MGOU; 2010. 198 p. (In Russ.)
25. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Black Sea Hub. Moscow: International Relations; 2007. 200 p. (In Russ.)
26. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Geopolitical Casino in the Greater Black Sea Area. Moscow: East – West; 2009. 351 p. (In Russ.)
27. Zhiltsov S.S. One More “Orange Revolution” in Ukraine: Is It Possible? In.: Round Table Meeting “Problems of CIS Development and Reforming” (Moscow, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, 16–20 April 2007). Moscow: Izvestia; P 102–110. (In Russ.)
28. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Danube Encyclopedia. Moscow: International Relations; 2009. Vol. 2. 351 p. (In Russ.)
29. Zhiltsov S.S. Ukraine: Reloading. Moscow: East – West; 2009. 463 p. (In Russ.)
30. Grishin O.E., Zhiltsov S.S., Ivanova E.A., Mixailova N.V., Popov S.I., Stepanov S.A. Problems of Political Science. Moscow: MAX Press; 2014. 164 p. (In Russ.)
31. Zhiltsov S.S. “Eastern Partnership”: Significance and Likely Consequences for the Post-Soviet Space. *Newsletters of the Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry*. 2010;1: 5–14. (In Russ.)
32. Zhiltsov S.S., Grigorijanz V.E., Ishin A.V. Shale Gas. Simferopol: Tavria-Plus; 2012. 136 p. (In Russ.)
33. Zhiltsov S.S. Post-Soviet Space: Development Tendencies. Moscow: Edel-M; 2001. 199 p. (In Russ.)
34. Platonov V.M., Zhiltsov S.S., Glebov V.A. Constitutional Reform in Ukraine: Main Development Stages. *Issues of National and Federative Relations*. 2015;4: 5–21. (In Russ.)
35. Zhiltsov S.S. Elections to the Parliament in Ukraine: External and Internal Factors. *Observer*. 2013;2: 30–42. (In Russ.)
36. Zhiltsov S.S. Technologies of Political Struggle for Power in Ukraine. *Polis*. 2014;6: 52–61. (In Russ.)

Статья получена 17.02.2018

Received 17.02.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Катерина Г. Ильинова, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;

ilinoval7katerina@mail.ru

Katerina G. Ilinova, People’s Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198;

ilinoval7katerina@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Особенности формирования национальной идентичности Казахстана в современных условиях

Жанар Е. Колбачаева

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва Россия,

jhanar@mail.ru

Аннотация: Процессы демократизации Казахстана, формирования новых социально-экономических основ и собственной модели развития государственности носят сложный и, в определенной степени, противоречивый характер, что обусловлено транзитными условиями. В этом случае принципиально важно определить общенациональные ценности и интересы, находящиеся в центре реформ. В стране, являющейся полиэтническим государством с различной этнической структурой населения, важнейшим условием для сохранения внутривнутриполитической стабильности и национальной безопасности выступает межнациональное согласие. При этом фундаментом модернизации современного казахстанского общества является многонациональная государственная гражданская идентичность народов республики, которая формируется у граждан Казахстана независимо от их этнической принадлежности.

Идентичность Казахстана основывается на гражданской консолидации и политической стабильности общества, которые позволяют сформировать государственную систему стратегических ориентиров при сохранении мира и духовного согласия при реализации поставленной задачи и добиться динамичного развития экономики и признания в мировом сообществе, выстроить национальную политику, сделать шаг в сторону сбалансированной демократической политической системы.

Политический курс Казахстана отражен в программе «Стратегия развития программы «Казахстан — 2030», где для укрепления и развития казахстанской идентичности и единства рассмотрены в четвертом направлении Плана нации Президента Республики Казахстан Назарбаева Н.А. «Идентичность и единство» с указанием «100 конкретных шагов: современное государство для всех» по формированию нации единого будущего. Фундаментом казахстанской идентичности и единства являются общенациональные ценности, основанные на культурном, этническом, языковом и религиозном многообразии.

Ключевые слова: национальная идентичность, консолидация, модернизация, ассамблея, стратегия, политическая стабильность

Для цитирования: Колбачаева Ж. Е. Особенности формирования национальной идентичности Казахстана в современных условиях. *Проблемы постсоветского пространства.* 2018;5(1):101-107. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-101-107

The Features of Formation of National Identity of Kazakhstan in Modern Conditions

Zhanar E. Kolbachayeva

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russia, jhanar@mail.ru*

Abstract: Political stability has an undeniable value as a basic condition and a critical resource for national security, the evolutionary development of the country and its civilizational future. The processes of democratization of Kazakhstan, the formation of a new socio-economic framework and its model of development of statehood are complex and, to some extent, contradictory, due to transit conditions. In this case, it is fundamentally essential to determine national values and interests, that are in the center of the reforms, consolidating the various social groups of the population and influencing state and civil identification. In a country that is multiethnic state with a bi-ethnic structure of the population, interethnic harmony is the most important condition for maintaining internal political stability and national security. The strategic direction is a priority of the political community of all citizens of Kazakhstan, the priority of our common citizenship over all other forms of identity. At the same time, the foundation for the modernization of modern societies is multi-ethnic civil identity of the peoples of the Republic, which is formed the citizens of Kazakhstan regardless of their ethnicity in the formation of political, legal and economic foundations of statehood.

The identity of Kazakhstan is based on civil consolidation and political stability which makes it possible to form a state system of strategic guidelines while maintaining peace and spiritual accord in accomplish the task and achieved allowed to achieve a dynamic economic development and recognition in the world community, to build national policy, to take a step towards a balanced democratic political system.

The political course of the young state was marked by the program "Strategy of the development of the program "Kazakhstan — 2030", where to the strengthening and development of Kazakh identity and unity are considered in the fourth direction of the Plan of the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev. "Identity and unity" with the "100 steps: the modern state for all" build a single nation of the future.

The Foundation foundation of the Kazakh identity and unity are national values based on cultural, ethnic, linguistic and religious diversity.

Keywords: national identity, consolidation, modernization, Assembly, strategy, political stability

For citation: Kolbachayeva Zh.E. The Features of Formation of National Identity of Kazakhstan in Modern Conditions. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):101-107. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-101-107

ВВЕДЕНИЕ

Казахстан состоялся как независимое и демократическое государство, где созданы все необходимые политико-правовые, социально-экономические, культурно-нравственные основы казахстанской идентичности и единства. С момента обретения независимости Лидер Нации Назарбаев Н. А. последовательно проводит политику государственного строительства. Для этого были разработаны и утверждены следующие документы, определяющие ценности и приоритеты развития независимого Казахстана: основной Закон Республики Казахстан, «О государственной независимости Республики Казахстан», Государственные символы Республики Казахстан: Флаг, Герб и Гимн.

На этапе социальной трансформации политическая стабильность обеспечивается не только действием факторов, связанных с политическими институтами, легитимацией политических процессов, но и с психологическими настроениями, чувствами защищенности и безопасности, уверенности в благополучном будущем, ощущениями соответствия личных интересов тенденциям развития общества. Государственная идентичность также является основной формой психологической связи индивидуума с государством. Вопрос становления государственности тесно связан с достижением государственной идентичности, который в свою очередь неразрывно связан с национально-культурной идентичностью. В этой связи возникает необходимость укрепления и развития казахстанской идентичности и единства, которая находит отражение в следующих главных принципах общенациональной патриотической идеи «Мәңгілік Ел» (Вечный Народ), выдвинутой Президентом страны Назарбаевым Н. А. Консолидирующими ценностями общенациональной патриотической идеи являются равенство всех граждан страны, трудолю-

бие, честность, культ учености и образования, светские основы государственности. Фундаментом казахстанской идентичности и единства является общенациональные ценности, основанные на культурном, этническом, языковом и религиозном многообразии. Казахстанская идентичность и единство — это базовые ценности культуры народа Казахстана, которые переходят из поколения в поколение, независимо от этнического происхождения конкретного человека, проживающего на территории Казахстана и связывающего свою судьбу и будущее с Казахстаном.

Такой осознанный выбор является главным объединяющим началом государственных органов и неправительственных организаций, научной и творческой интеллигенции для принятия системы правовых, социально-экономических, политических, управленческих мер, направленных на укрепление и развитие казахстанской идентичности и единства [1].

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Философско-политические основы понятия «Мәңгілік ел» уходят корнями к временам древних тюрок. Предки призывали возродить великое государство, не допускать распрей и междоусобиц, сохранять единство целей, устремлений, не поддаваться внешним разъединяющим силам. Служение этой идее спасало казахские земли во все времена от захватчиков. В настоящий период — эру глобализации, идея «Мәңгілік ел» является гарантией возрождения основ цивилизации кочевников в их современном виде, расцвета страны как передового, сильного государства. Впервые Глава государства Н.А. Назарбаев публично апеллировал к идее «Мәңгілік Ел» в 2010 году.

В 2011 году у казахстанцев появился новый символ современной республики и триумфа казахстанского народа, реали-

зовавшего многовековую мечту о суверенитете своей страны — триумфальная арка «Мәңгілік Ел». В декабре 2012 года Н. Назарбаев озвучил национальную идею в Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан — 2050»: новый политический курс состоявшегося государства». Следующее упоминание о «Мәңгілік Ел» встречается в выступлении Президента в канун Дня Независимости 14 декабря 2013 года. В наиболее полной форме идея предстала в Послании Президента «Нұрлыжол — путь в будущее» от 17 января 2014 года. В этом же Послании Глава государства поручил разработать концепцию данной идеи и изложить ее в форме патриотического акта.

В Плате нации «100 шагов по реализации пяти институциональных реформ» ряд мер посвящен идее «Мәңгілік Ел». Разработка акта заняла два года, он всесторонне обсужден во всех звеньях Ассамблеи, научных кругах, среди политиков, бизнесменов и деятелей культуры. Патриотический акт «Мәңгілік Ел» был принят 23 апреля 2016 года на XXIV сессии Ассамблеи народа Казахстана.

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Национальная идентичность Казахстана сформулирована в документе «Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан», который был принят Национальным Советом по государственной политике при Президенте Республики Казахстан. Значимость обретения устойчивой консолидации общества и внутривполитической стабильности подтверждается фактом выделения данных приоритетов в «Стратегии развития Казахстана — 2030 г.» [2].

В Казахстане успешно реализована уникальная модель общественного согласия и общенационального единства. Для консолидации полиэтнического и поликонфес-

сионального общества успешно работает институт Ассамблея Народов Казахстана (АНК), который играет ключевую роль в укреплении казахстанской идентичности и единства и является конституционным органом обеспечивающим стабильность и согласие в обществе. Казахстан презентовал модель АНК в Организации Объединенных Наций в 2008 году.

Ассамблея народа Казахстана была образована Указом Президента Казахстана Н.Назарбаева 1 марта 1995 года как консультативно-совещательный орган при Главе государства. Хотя впервые Н.Назарбаев озвучил идею ее создания еще в 1992 году. Спустя свыше двадцати лет после своего образования, Ассамблея народа Казахстана стала важным элементом политической системы Казахстана, скрепившим интересы всех этносов, обеспечивающим неукоснительное соблюдение прав и свобод граждан независимо от их национальной принадлежности. Кроме того, законом Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» выстроена система поддержки и развития культуры, языка и традиций всех этносов, проживающих в Казахстане, во всех регионах действуют этнокультурные объединения (свыше 900), этнопросветительские комплексы и дома дружбы (192). Весомый вклад в укрепление и развитие казахстанской идентичности и единства вносят Научно-экспертный совет АНК и научно-экспертные группы в регионах, советы общественного согласия АНК, советы матерей АНК, Центр медиации АНК, Клуб журналистов АНК, кафедры АНК, Ассоциация предпринимателей АНК. Для обеспечения деятельности АНК создано Республиканское государственное учреждение «Қоғамдық келісім» (Общественное согласие) при Президенте РК, аналогичные структуры созданы также при аппаратах акимов областей, городов Алматы и Астаны. Основной

принцип единства и согласия был сформулирован как «Единство в многообразии», «Одна страна – одна судьба» [3].

Новаторство АНК – в сочетании усилий государства и общественных организаций, синтез политики государства и общественных организаций по укреплению общественного согласия. Ассамблея обеспечивает интеграцию усилий этнокультурных объединений, помогает возрождению, сохранению и развитию национальных культур, языков и традиций народа Казахстана. Таким образом, Ассамблея народа Казахстана – институт, интегрированный в систему государственной власти и гражданского общества. В структуру Ассамблеи входят: Сессии, Совет, Секретариат, ассамблеи областей, города республиканского значения и столицы.

Целью «Мәңгілік Ел» является: создание единой системы государственных органов всех уровней и институтов гражданского общества по укреплению и развитию казахстанской идентичности и единства на принципе гражданства, формирование поколения в предложенном духе, сплоченного вокруг стратегических целей развития страны и воспитанного на принципах казахстанской идентичности и единства, нового казахстанского патриотизма; формирование общества труда и профессионалов, в котором культивируются такие ценности, как семья, дружба, единство, а также трудолюбие, честность, ученость и образование, трехязычие; реализация центральными государственными и местными исполнительными органами государственных программ направленных на укрепление исторической памяти и духовно-культурного наследия народа, а также мер по развитию светского характера государства, основанного на принципах духовного единства казахстанского общества; создание механизма мониторинга, отчетности и контроля дея-

тельности центральных государственных и местных исполнительных органов по реализации мероприятий Концепции, а также приоритетов формирования нации единого будущего [4].

Для укрепления гражданской идентичности в Казахстане стремятся к созданию равенства прав и возможностей, вне зависимости от национальности граждан. Это важный фактор успешного формирования гражданского общества в Казахстане. Кроме того, казахстанская модель этнополитики включает необходимость учета интересов на макроуровне, в частности, на уровне больших социальных групп, образуемых на этнической основе [5]. Здесь нужно обратиться к исторической ретроспективе. Гражданская идентичность связана с процессом эволюции народа как основы государства, как целостного явления, способности общества к консолидации в интересах сохранения государственной и территориальной целостности. На протяжении 550 лет на территории Казахстана существует государственность. Ранее, консолидация казахов вокруг Казахского ханства также базировалась на идентичности. Следовательно, можно говорить, что процесс государственной эволюции в ее разных формах и видах происходил и ранее на территории, которая ныне принадлежит Казахстану. Исходя из этого, усилия современного государства должны быть направлены на сохранение и укрепление трех констант — пространственных представлений, социальных отношений и совершенствование политического устройства. Новая государственная идентичность может сложиться только при наличии совместных усилий гражданина, общества и государства.

ОЖИДАЕМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Эффективной реализация Концепции будет способствовать системное развитие

концепта Нации единого будущего, которая обеспечит успешное продвижение и реализация модели Назарбаева Н. А. и утверждение ее незыблемости.

Во-первых, в общественном сознании сформировать новые установки и базовые концепты Нации единого будущего при: всеобщей культуры и прогресса; создание интеллектуальной нации; формирование нации труда и профессионалов; инновационной нации и нации здорового образа жизни.

Во-вторых, необходимо обеспечить достижение практических результатов в укреплении и развитии казахстанской идентичности и единства на принципе гражданства.

В сфере совершенствования работы государственных органов и развитие новых функциональных направлений АНК, как координатора работы государственных органов всех уровней и институтов гражданского общества в области укрепления и развития казахстанской идентичности и единства, координации благотворительности, развития медиации и общественного контроля; создании механизма межведомственной координации и взаимодействия государственных органов всех уровней и институтов гражданского общества по реализации государственных программ, внедрении нового механизма мониторинга, отчетности и контроля деятельности центральных государственных и местных исполнительных органов в сфере укрепления и развития казахстанской идентичности и единства, общественного согласия; модернизации системы работы центральных государственных и местных исполнительных органов, гражданского общества по укреплению казахстанской идентичности и единства на принципе гражданства и ценностях общенациональной патриотической идеи «Мәңгілік Ел» как основы Нации единого будущего; формировании новой ин-

фраструктуры институтов по укреплению общественного согласия и единства народа.

Также ставится задача сформировать и реализовать в сфере культуры, образования, молодежной, семейно-демографической и гендерной политики: продвижение базовых концептов и подходов к формированию нового казахстанского патриотизма как основы Нации единого будущего; модернизации инфраструктуры и условий для развития трехязычия, как главного условия повышения конкурентоспособности нации; модернизация работы в сфере образования и молодежной политики на принципах нового казахстанского патриотизма, казахстанской идентичности и единства; модернизации семейно-демографической и гендерной политики, ее ценностной основы по укреплению института семьи, ценностей материнства и детства; образовании новых стратегических подходов к развитию культуры, туризма и спорта как сегментов экономики и социальной занятости; популяризации массовой физической культуры и спорта, здорового образа жизни, развитие национальных и олимпийских видов спорта и рост спортивных достижений страны на международной арене [6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема формирования единой идентичности в Казахстане, претендующее на роль евразийской интеграции, которая выступает одним из приоритетных направлений её внешней политики и одной из главных тем внутригосударственного «идейного поля», приобретает всё большую остроту и требует тщательного анализа и проработки. Внешняя политика Казахстана зависит от реализации концепции многополярности, раскрытие собственного экономического, политического и культурного потенциала и обеспечение внутренней стабильности, пренебреже-

ние вопросами идентичности, созданием прочного историко-культурного фундамента. В постсоветском пространстве интеграционные проекты не будут устойчивы: объединённые одними лишь перспективами экономического роста. Таким образом, евразийская идея и основанная на ней идентичность могут сыграть клю-

чевую роль в консолидации государств Евразии, способствовать окончательной смене геополитической парадигмы региона — исчезновения феномена регрессивного постсоветского пространства и возникновения Евразии как полноценной региональной единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. От тоталитарного прошлого — к стабильному и демократическому Казахстану. *Казахстанская правда*. 1997.14 декабря.
2. Назарбаев Н.А. Казахстан — 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента страны народу Казахстана. Алматы: Наука; 1997. с.15.
3. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. Караганда: Арко; 2006. с.304.
4. Елбасы. Казахстан. Алматы: Дайр; 2000. с. 108.
5. Zhiltsov S.S. Political Process in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1: 21–29.
6. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6: 7–13.

REFERENCES

1. Nazarbayev N.A. From the totalitarian past to a stable and democratic Kazakhstan. *Kazakhstanskaya Pravda*. 1997. December 14. (In Russ.)
2. Nazarbayev N.A. Kazakhstan — 2030. Prosperity, security and ever growing welfare of all Kazakhstanis. The President's address to people of Kazakhstan. *Almaty: Science*; 1997. P. 15. (In Russ.)
3. Nazarbayev N.A. The Kazakhstan way. *Karaganda: Arko*; 2006. P. 304. (In Russ.)
4. 4The President. The Kazakhstan. *Almaty: Daur*; 2000. P. 108. (In Russ.)
5. Zhiltsov S.S. Political Process in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1: 21–29.
6. Zhiltsov S.S. Revolutionary Waves in the Post-soviet Expanse. *Central Asia and the Caucasus*. 2005;6: 7–13.

Статья получена 17.01.2018

Received 17.01.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жанар Е. Колбачаева, аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, Остоженка, д. 53/2;

jhanar@mail.ru

Zhanar E. Kolbachayeva, Post-Graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992;

jhanar@mail.ru

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Анализ влияния исламского возрождения в государствах Центральной Азии на безопасность в Синьцзяне Китая

Мэн Сяньюнь

Шандунский университет, провинция Шандунь, Китай,

men.cutie-2015@yandex.ru

Аннотация: После того, как арабы вторглись в Центральную Азию, ислам начал доминировать в этом регионе. Во время СССР из-за социалистической идеологии ислам в регионе не имел условий для развития. После получения независимости пяти центрально-азиатских стран, началось возрождение ислама. Особенно в 1980-е годы некоторые исламские группы в ЦА уделяли пристальное внимание исламской революции в Иране и джихаду в Афганистане, куда начали проникать идеи радикализма под исламскими лозунгами. В данной статье рассматривается возрождение ислама в Центральной Азии после распада Советского Союза и распространение экстремистских исламских идей в регионе, проводится анализ влияния исламского возрождения в Центральной Азии на Синьцзян в Китае. Прежде всего, влияния экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир» на деятельность «трех силы зла» и трансграничные преступления, контрабанду оружия и торговлю наркотиками. Хотя движение исламского возрождения в разных странах оказало большое влияние на развитие исламского фундаментализма и даже экстремистской идеологии в Китае, движение исламского возрождения в Центральной Азии сказалось прежде всего, на обстановке в Синьцзяне. Поэтому синьцзянское местное правительство в последние годы усилило контроль и наблюдение на границе Китая и Центральной Азии и проводит ряд мероприятий, направленных на предотвращение распространения экстремальных идей и террористической деятельности. Хотя сейчас основную часть незаконных организаций разгромили, в будущем серьезной проблемой по-прежнему является ситуация в Ферганском регионе ЦА, который расположен на границе Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

Ключевые слова: Центральная Азия, исламское возрождение, экстремизм, «три силы зла», Синьцзян Китая, безопасность

Для цитирования: Сяньюнь М. Анализ влияния исламского возрождения в государствах Центральной Азии на безопасность в Синьцзяне Китая. *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(1):108-115. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-108-115

Analysis of Influence of Islamic Revival in Central Asia States of Safety in Xinjiang China

Meng Xiangyun

Shandong University, Shandong Province, China,

men.cutie-2015@yandex.ru

Abstract: After the Arabs invaded Central Asia, Islam began to dominate the region. Although during the Soviet Union due to socialist ideology Islam in the region was diluted, after the independence of the five Central Asian countries, Islam still met with the revival. Especially in the 1980s, some Islamic groups in Central Asia began to pay close attention to the Islamic revolution in Iran and the jihad in Afghanistan, the ideas of radicalism under Islamic slogans also began to penetrate. In fact, during the Soviet era, Islam was still generally considered by the people as a way of moral recovery of society. In the mind, morality and Islam have almost always been identified. This article examines the resurgence of Islam in Central Asia after the collapse of the Soviet Union and the spread of extremist Islamic ideas in the region, analyzes the impact of the Islamic renaissance in Central Asia on Xinjiang China, especially the influence of the extremist organization Hizb ut-Tahrir on the activities of Chinese "three forces of evil" and cross-border crimes, arms smuggling and drug trafficking. The author believes that although the Islamic revival movement in different countries had a great influence on the development of Islamic fundamentalism (IF) and even extremist ideology in China, the Islamic revival movement in Central Asia had a more direct impact on the security situation in Xinjiang. Therefore, the Xinjiang local government in recent years has strengthened control and surveillance at the border of China and Central Asia and is carrying out a number of measures to control the area, aimed at preventing the spread of extreme ideas and terrorist activities. Although now the main part of the IF was defeated, judging by the prevailing situation, the security situation in the Fergana region of Central Asia, which is located on the border of Uzbekistan, Kyrgyzstan and Tajikistan, is still the most serious in the future. The development of remnants and branches in Central Asia and their threat to China's security are still underestimated.

Keywords: Central Asia, Islamic revival, extremism, "Three forces of evil", China's Xinjiang, security

For citation: Xiangyun M. Analysis of Influence of Islamic Revival in Central Asia States of Safety in Xinjiang China. *Post-Soviet Issues*. 2018;5(1):108-115. DOI: 10.24975/2313-8920-2018-5-1-108-115

ВВЕДЕНИЕ

Центральная Азия — это многоконфессиональный регион, в котором доминирует ислам. В VII веке, когда арабы вторглись в этот регион силой, ислам начал распространяться в Центральной Азии (далее как

ЦА). По мнению В.В. Бартольда, ислам утвердился в регионе около середины IX века, т. е. спустя полтора века после начала завоевания Мавераннахра [1]. В 1860-х годах царская Россия завоевала ЦА и стала проводить политику, направленную на поддерж-

ку ислама. Было опубликовано большое количество книг по исламу, основаны исламские школы и гражданские дела решались с учетом законов Шариата [2]. После Октябрьской революции советское правительство считало религии самыми консервативными идеологиями. С 1930-х годов, в частности, были приняты меры пресечения религиозной деятельности. Среди них: закрытие мечетей и ограничение нормальной деятельности мусульман [3]. После смерти И. В. Сталина религия вновь оказалась под давлением властей. В частности, запрещалось открывать новые мечети и возвращать верующим отобранные у них культовые здания, возросло налогообложение отправления обрядов. Благодаря усилиям Коммунистической партии Советского Союза исламская религиозная идеология в ЦА со временем ослабевала, хотя ислам все-таки рассматривался как способ нравственного оздоровления общества. В 1980-е годы из-за исламской революцией в Иране и войны в Афганистане, идеи радикализма под исламскими лозунгами начали проникать в общество [4].

После распада Советского Союза возрождение началось возрождение ислама в Центральной Азии [5]. В этом процессе экстремистские исламские идеи быстро распространялись и оказали сильное влияние на регион Синьцзяна Китая.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

В 1980-е годы некоторые исламские группы в Центральной Азии начали уделять пристальное внимание исламской революции в Иране и джихаду в Афганистане. В 1989 году в Узбекистане на улицах выкрикивали лозунги «Да здравствует Хомейни». Эти религиозные настроения вызвали пробуждение мусульман. Тем более, что Всемирное движение исламского возрождения

оказывало сильное влияние на это движение в Центральной Азии. «Влияние внешнего исламского мира, как экономического, так и политического, было гораздо сильнее, чем влияние внешнего тюркского мира. Мировые нефтяные державы Саудовская Аравия, Иран и, конечно же, Турция также имели значительный интерес к Центральной Азии и фактически влияли на их духовный мир» [6]. В последние годы, например, в Казахстане, 75% граждан в той или иной степени считают себя религиозными, тогда как 15,5% не относят себя к верующим [7].

В первые годы независимости от СССР пять центрально-азиатских стран находились в процессе становления, поскольку формирование государственного механизма еще не было завершено [8]. Кроме того, легитимность режимов находилась под угрозой. Соответственно руководители новых государств поддерживали возрождение ислама в целях укрепления национальной сплоченности, стабильности общества и продвижения традиционной культуры.

С 1992 по 1994 год президенты Казахстана, Туркменистана и Узбекистана были приглашены в Саудовскую Аравию, отправились в Хадж в Мекку и в Медину на мавзолей Махмета. Бывший президент Узбекистана И. Каримов в своей книге «Узбекистан на пороге в XXI веке: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса» писал: «я говорю о духовности, то, прежде всего, представляю себе ту внутреннюю силу, которая побуждает человека к духовному очищению и росту, обогащению внутреннего мира, укреплению воли, целостности убеждений, пробуждению совести» [9]. В свою очередь, в 1998 году президент Казахстана Н. Назарбаев отмечал, что «Мы мусульмане-сунниты. Мы должны придерживаться этой строки. Если Аллах не будет доминировать над нами, то тиран будет доминировать над нами» [10]. Эти заявления

были положительно встречены большинством мусульман и в определенной степени позволили опираться на их поддержку в продвижении исламизма в Центральной Азии, что также способствовало возрождению ислама в регионе.

Исламское возрождение в странах Центральной Азии сопровождалось расширением деятельности большого количества неправительственных религиозных групп, в том числе — исламских экстремистских групп. Они начали поиск верующих во всех слоях общества и выступали за свержение светских режимов. Например, незаконная деятельность религиозной экстремистской партии «Хизб ут-Тахрир» (запрещенной в России), которая все чаще вовлекает граждан Центральной Азии в свои ряды, стала более активной. Ее стратегия состоит из трех этапов: привлечение новых членов → создание массовой сети → проникновение в правительство и стремление к поддержке людей, находящихся у власти. Кроме того, эта организация имеет сильное влияние на СМИ. Некоторые ее члены публикуют свои идеи посредством прямого контакта с местными СМИ, через интервью и предоставления новостей [11]. Факты распространения экстремистской литературы направлены на разжигание национальной и религиозной ненависти и вражды.

РОЛЬ ИСЛАМА В СИНЬЦЗЯНЕ КИТАЯ

Среди стран Центральной Азии Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Афганистан граничат с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (далее как СУАР) Китая. Страны региона и Синьцзян в Китае взаимосвязаны. Прежде всего, через географический и водно-экономический факторы [12]. Это горы Алтая, Тянь-Шаня, река Иртыш. Они соединяют Центральную Азию и Китай. В широком смысле Синьцзян также является частью региона. В этих странах и

Синьцзяне ислам представляет собой доминирующую религию. СУАР Китая — многонациональный район, жители которого в силу этнических, культурных, религиозных факторов схожи со странами Центральной Азии. Существуют более десятка национальностей, представители которых проживают по обе стороны границы. Вследствие схожих этнических составов и религии для этих трансграничных жителей СУАР Китая и стран Центральной Азии созданы условия для налаживания взаимопонимания и доверия.

Религиозные экстремистские группы проникли в Центральную Азию и в Синьцзян в начале 90-х годов прошлого века. Они проводили террористические действия, взрывы и убийства в странах региона, прикрываясь лозунгами о «джихаде», используя особые религиозные традиции и сложные этнические отношения в регионе.

На данный момент основные религиозные экстремистские группы в Центральной Азии затронули Синьцзян. Они отрицали политическую и правовую власть, игнорировали светскую мораль и социальные нормы, подстрекали мусульман к созданию условий для установления теократического государства.

Распад Советского Союза в значительной степени стимулировал деятельность сепаратистов в Синьцзяне. Они постоянно планировали террористические атаки, создавали беспорядки и усугубляли этническое противостояние в Китае. В 1990-х годах лидеры уйгурских сепаратистских организаций в Синьцзяне надеялись на создание благоприятной среды для создания независимого государства в Синьцзяне.

В 2002 году так называемая Народная партия «Уйгурстан» была зарегистрирована как юридическая организация в Казахстане. В 2003 году ряд организаций «Восточного Туркестана» объединился и сформировал

так называемое «правительство Восточного Туркестана в изгнании». Таким образом, религиозные экстремисты Китая вступают в сговор с сепаратистскими и террористическими силами, с внешними политическими группами, делая их идеологию и группы более привлекательными.

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА БЕЗОПАСНОСТЬ В СИНЬЦЗЯНЕ КИТАЯ

Понятие «безопасности» характеризуется неопределенностью. По сравнению с традиционными проблемами безопасности, нетрадиционные проблемы привлекают больше внимания, например, терроризм, проблемы беженцев, транснациональные преступления и т. д.

В рамках движения исламского возрождения исламская экстремистская идеология постепенно распространяется. Она ставит под угрозу социальную и политическую стабильность КНР. Основное внимание направлено на ряд ключевых проблем.

(1) «Три силы зла»

При поддержке зарубежных политических сил в период с 1933 по 1944 год на территории Синьцзяна в регионе реки Или и города Кашгар была провозглашена «Восточно-Туркестанская Исламская республика» (далее как «Восточный Туркестан»). Несмотря на то, что просуществовала она недолго, идеи этого сепаратистского движения сохранились. С 2002 года Совет Безопасности ООН, США, Великобритания, Турция и другие страны последовательно причислили «Восточный Туркестан» к террористическим организациям. В настоящее время «Восточный Туркестан» по-прежнему сотрудничает с внешними силами, распространяя фундаментализм в Китае, использует исламскую религиозную деятельность в качестве прикрытия и пользуется возможностью для распространения сепаратистского общественного мнения.

Запрещенная в России «Хизб ут-Тахрир», является самой влиятельной и наиболее тесно связана с «тремя силами зла» Китая. Во-первых, тенденция ее слияния с «тремя силами зла» Китая становится все более очевидной. Во-вторых, она планирует спровоцировать инцидент и создать беспорядки. В-третьих, использует интернет для развития организаций. В-четвертых, при проведении «религиозного подстрекательства» к религиозному экстремизму не отрицает насильственных и террористических действий.

С 1998 года, когда данная организация проникла в Синьцзян, китайская полиция неоднократно возбуждала дела о контрабанде оружия со стороны данной организации в Центральной Азии. В некоторых районах южного Синьцзяна ее представители часто нападают, запугивают и угрожают уважаемым исламским лицам [13]. При этом, экстремистские организации часто объявляют, что они являются «подлинными» мусульманами и распространяют исламский фундаментализм среди мусульман, живущих в бедных районах Китая. Представители экстремистских организаций зачастую неверно трактуют исламские идеи, зная, что многие неграмотные мусульмане не понимают содержание Корана.

(2) Трансграничные преступления, контрабанда оружия и торговля наркотиками

Деятельность «трех сил зла» привела к трансграничным преступлениям, таким как, незаконный оборот наркотиков и контрабанда оружия. Это серьезно угрожает национальной безопасности и социальной стабильности в Китае. Деятельность «трех сил зла» требует существенной финансовой поддержки. В дополнение к финансированию от других экстремистских организаций, средства идут от отдельных правительств, которые таким образом поощряют незаконный оборот наркотиков, зарубежные бизнес-стартапы и отмывание

денег, транснациональная преступная деятельность и похищения, грабеж, вымогательство и т.д. Распространение исламских экстремистов в ЦА и Афганистане, также привело к серьезному росту контрабанды оружия в западном Китае, особенно в Синьцзяне. С 1980 годов две криминальные операции в области наркотиков и незаконной продажи оружия стали широко распространены в Китае, что создает серьезную угрозу социальной стабильности.

В апреле 1998 года было изъято контрабандное оружие и боеприпасы, военные химические и биологические ядовитые вещества, комплекты ядовитых опрыскивателей в контрольно-пропускных пунктах на границах Китая и стран ЦА. Захваченные преступники признали, что они были наняты заграничным «Международным комитетом Восточного Туркестана» и «Организацией освобождения Восточного Туркестана» и неоднократно ввозили в Китай оружие и боеприпасы. Эти вооружения в основном контрабандно провозятся силами «Восточного Туркестана» их религиозными последователями-экстремистами из ЦА [14]. В 2001 году комитет «Восточного Туркестана» в Казахстане, используя активную помощь уйгурских бизнесменов в Саудовской Аравии, покупал советское оружие, совершал попытки провести контрабанду в Синьцзян из ЦА для поддержки сепаратистской деятельности, проводимой этническими экстремистами в Синьцзяне. В 2014 году в СУАР местное правительство

продолжило борьбу с контрабандой, проведя 11 специальных операций по борьбе с контрабандой оружия и боеприпасов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Движение исламского возрождения в разных странах с 1970-1980-х годов оказало большое влияние на возрождение исламского фундаментализма и, в том числе, на экстремистскую исламскую идеологию в Китае. Однако движение исламского возрождения в Центральной Азии оказало непосредственное влияние на «три силы зла» в Китае, особенно в Синьцзяне. На этом фоне, политическая, экономическая безопасность и социальная стабильность Китая находятся под угрозой [15]. В последние годы СУАР усилила контроль и наблюдения на границе Китая и Центральной Азии. С февраля 2017 года в СУАР провели ряд мероприятий, направленных на предотвращение распространения экстремистских идей и предотвращение террористической деятельности, усиление контроля и наблюдения за въездом и выездом граждан. Экстремистские группы находятся в приграничной зоне Афганистана и его окрестностей, включая граничащие с ними провинции Ирана, Пакистана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана [16]. Хотя в 2017 году основную часть экстремистских организаций разгромили, развитие остатков и филиалов в Центральной Азии и решение вопросов безопасности Китая по-прежнему находится в фокусе внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молдалиев О.А. Ислам и политика: политизация Ислама или исламизация политики? Бишкек: Maxima; 2008. 232 с.
2. Сюкияйнен Л.Р. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России. *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2014;4: 45–62.
3. Мухаметшин Р. Ислам в СССР, 02 июня 2016, URL: <http://islam-today.ru/blogi/rafik-muhametsin/islam-v-sssr/>, visited on Dec. 16, 2017.

4. Алимова К.Т. Ислам в Центральной Азии. Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. LVII междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 2016 г.). Новосибирск: СибАК; 2016;1.
5. Zhiltsov S.S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;1(17): 21–29.
6. 汪金国. 多种文化力量作用下的现代中亚社会[M]. 武汉: 武汉大学出版社, 2006, 232.
7. Лаумулин М. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ*. 2012;1(15); 60–79.
8. Zhiltsov S.S., Slisovskiy D.E., Shulenina N.V., Markova E.A. Shaping national Identities in Central Asian countries: Results, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(1): 38–50.
9. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: Узбекистон; 1997. 315 с.
10. Shirin A. Religion's Gap: Islam and Central Asia in the 1990s. *Harvard International Review*. 2000;22(1): 23.
11. Yemelianova G.M. Political Islam in Central Asia: The Challenge of Hizb ut-Tahrir. *Central Asian Survey*. 2013;1: 32.
12. Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду. *Индекс безопасности*. 2008;14(3): 49–62.
13. 张运德. 浅析“伊扎布特”在新疆渗透破坏活动的本质, 载《新疆社会科学(汉文版)》· 2009 (2): 59–64.
14. 厉声主编: 《中国新疆历史与现状》· 新疆人民出版社· 2003年版· 第372页。
15. Zhiltsov S.S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: new Opportunities and new Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;15(4): 69–79.
16. 张宁、马文琤: IS 在中国西部周边的发展态势· 载《俄罗斯学刊》· 2016 年第 1 期。

REFERENCES

1. Moldaliev O.A. Islam and politics: the politicization of Islam or the Islamization of politics? Bishkek: Maxima; 2008. p. 232. (In Russ.)
2. Syukiyainen L.R. Sharia courts: modern practice and prospects in Russia. *Right. Journal of Higher School of Economics*. 2014;4: 45–62. (In Russ.)
3. Mukhametshin R. Islam in the USSR, June 2, 2016, URL: <http://islam-today.ru/blogi/rafik-muhametsin/islam-v-sssr/>, visited on Dec. 16, 2017. (In Russ.)
4. Alimova K.T. Islam in Central Asia. Actual issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history: compendium of students by mater. LVII Intern. scientific-practical. Conf. (Novosibirsk, 2016). Novosibirsk: SibAK, 2016;1. (In Russ.)
5. Zhiltsov S.S. Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2016;17(1): 21–29.
6. Wang J. Modern Society of Central Asia under the Influence of Multicultural Forces. Wuhan: Wuhan University Press; 2006. p. 232. (In China)
7. Laumulin M. Religious Situation and the Threat of Religious Extremism in Central Asia. *Central Asia and the Caucasus*. 2012;15(1): 60–79. (In Russ.)
8. Zhiltsov S.S., Slisovskiy D.E., Shulenina N.V., Markova E.A. Shaping national Identities in Central Asian countries: Results, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(1): 38–50.
9. Karimov I.A. Uzbekistan on the threshold of the 21st century: security threats, conditions

- and guarantees of progress. Tashkent: Uzbekiston; 1997. p. 315. (In Russ.)
10. Shirin A. Religion's Gap: Islam and Central Asia in the 1990s. *Harvard International Review*. 2000;22(1): 23.
 11. Yemelianova G.M. Political Islam in Central Asia: The Challenge of Hizb ut-Tahrir. *Central Asian Survey*. 2013;1: 32.
 12. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Fight for Water. *Security Index*. 2008;14(3): 49–62. (In Russ.)
 13. Zhang Y. Analysis of the nature of Hizb ut-Tahrir's penetration and subversive activities in Xinjiang. *Xinjiang Social Science*. 2009;2: 59–64. (In China)
 14. Li Sh. History and the Present Situation of Xinjiang of China. Xinjiang: Xinjiang People's Publishing House; 2003. p. 372. (In China)
 15. Zhiltsov S.S. Energy Flows in Central Asia and the Caspian Region: new Opportunities and new Challenges. *Central Asia and the Caucasus*. 2013;15(4): 69–79.
 16. Zhang N., Ma W. Development trends of ISIS in western China. *Russian Studies*. 2016;1: 5–11. (In China)
-
- Статья получена 12.01.2018
Received 12.01.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мэн Сяньюнь, научный сотрудник, Шаньдунский университет, провинция Шаньдун, Китай; 250100, Китай, провинция Шаньдун, Цзинань, ул. Шань-да-Нан, д. 27;
men.cutie-2015@yandex.ru

Meng Xiangyun, Research Fellow, Shandong University, Shandong Province, China; bld. 27, Shan Da Nan Road, Jinan City, Shandong Province, China, 250100;
men.cutie-2015@yandex.ru

